

ПОСЕВ

D 21651 E

POSSEV

September 1980

DM 6. — Rbl 2. —

ISSN 0032-5201

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

*Владимир
Высоцкий*

* 1938 — † 1980

Yearly subscription from Publishers - DM 60. From book stores - DM 72. Air-mail surcharge for North America, Africa & Near East - DM 20. South America & Far East - DM 30. Australia & New Zealand - DM 40.

Roubles (2) should be accepted everywhere from visitors from the USSR.

Norway - Nkr 17
Sweden - Sk 14
Switzerland - sfr 6
USA - US \$ 3.30

Gr. Britain - £ 1.00
Holland - fl. 7
Israel - il. 40
Italy - Lit 2800

DK 16
FRk 13
FF 14
DM 6

Denmark
Finland
France
Germany

A\$ 2.80
S 44
BF 100
Cs 7.8

Australia
Austria
Belgium
Canada

Вышел из печати и поступил в продажу:

АЛЬБОМ РАЗРУШЕННЫХ И ОСКВЕРНЕННЫХ ХРАМОВ

(Москва и Подмосковье — «Золотое кольцо»)

Художественное оформление. Специальная бумага. Твердый переплет. Большой формат (29 × 21 см). 224 страницы. 250 фотографий. Большое послесловие неизвестного самиздатского автора «Пределы вандализма», ошибочно приписанное нами перу автора книги «Уничтожение природы» Борису Комарову.

Альбом посвящен Александру Солженицыну, а в Самиздате был выпущен к его шестидесятилетию.

Стоимость альбома — 45 нм + 3 нм за пересылку.

***Жертвуйте на издание альбома и на его отправку в Россию
(30 нм на экземпляр)***

Заказы и пожертвования направлять непосредственно в Издательство. Сообщаем самые удобные методы оплаты и цены (включая пересылку) в разных валютах:

- Германия и большинство европейских стран — почтовым переводом (48 нм) на Postscheckkonto 33461-608, Ffm — почта исчисляет стоимость в Вашей валюте.
- Во Франции — на банк в Париже — BNP Etrangers, Paris 295961 14 — 115,— фр. фр.
- Англия и заокеанские страны — личным чеком. Сегодняшняя цена:
Англия — 11,50 ф. ст., США — 28,25 ам. долл., Канада — 32,80 кан. долл., Австралия — 25,20 ав. долл.

При заказе через наших представителей — 10% надбавки. Пожертвования представители передают нам полностью.

POSSEV-VERLAG, Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/M-80

**На службе России
Народно-Трудовой Союз**

**NTS
Introduction to a Russian
Freedom Party**

Иллюстрированные брошюры, кратко знакомящие читателя с идеологией, программой, историческим развитием и практической деятельностью НТС со времени создания организации в 1930 году и до наших дней. Отдельные издания на русском и английском языках.

Каждая брошюра — 72 с. (18 страниц фотографий). Цена 6 н. м.

„П О С Е В” — ежемесячный общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года.

„П о с е в ” участвует во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

С 1976 года журнал „П о с е в ” выходит также в виде ежеквартального издания, предназначенного специально для переправки в страну и распространения среди советских граждан за рубежом. Ежеквартальник имеет вдвое меньший формат, печатается на тонкой бумаге и содержит избранные статьи из трех текущих номеров.

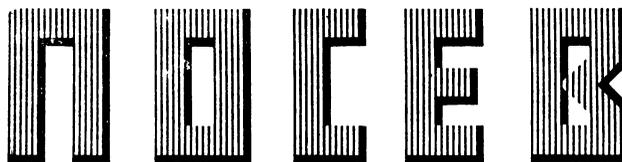
„ВОЛЬНОЕ СЛОВО” — ежеквартальное приложение к журналу „П о с е в ”, содержит избранные материалы и произведения Самиздата: сборники документов, публицистических статей, самиздатских журналов и т.п.

„Г Р А Н И” — журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли, выходит в издательстве „П о с е в ” с 1946 года. В „Г р а н я х ” были опубликованы произведения А. Ахматовой, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, А. Галича, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Набокова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, А. Платонова, А. Солженицына, М. Цветаевой и других известных авторов.

Подписываясь на „П о с е в ”, „В о л ь н о е с л о в о ” и „Г р а н и ”, вы будете не только в курсе политической и литературно-общественной жизни нашей страны, но и финансово поддержите издание и проникновение этих журналов в Россию.

Условия подписки см. на последней странице.

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВЕДЬ — АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит за рубежом ежемесячно

Год XXXVI

Сентябрь 1980 г.

№ 9 (1280)

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. Разложение бабракковского режима (2). — Листовки НТС в Афганистане (3)

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ. У нас общие интересы. Интервью с С.-А. Г а й л а н и, руководителем Национального исламского фронта Афганистана (6).

КОММЕНТАРИЙ. М. Н а з а р о в. Зеркало сегодняшнего мира (8)

ПО СТРАНЕ. Н. Бесславная Олимпиада (9). — О разработке биологического оружия в СССР (10). — Хроника (11). — Аресты афганцев в Москве (13). — Беспорядки в Белой Церкви (13). — Нам рассказывают (14)

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА. А. Ю г о в. Умер Владимир Высоцкий (16). — Песни В ы с о ц к о г о (18).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА. Ян В л о х. Предложения по демократизации Польши (21). — Забастовочное движение в Польше (24). — Зарубежная хроника (25)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. Л. Т р о и ц к и й. „Пилю-пилю, а оно все не золотое...” (27)

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ.

А. А р т е м о в. Идейное развитие НТС (30)

ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ.

Ю. Б е л о в. Последнее средство (37)

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ. И. А. И л ь и н. О мече и праведности (42)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. Н. Р у т ы ч. Куликовская битва (48)

РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. А. М и л и ц. Всемирный фестиваль эстонцев „ЭСТО-80” (53). — Ману Н и к л а а с. Выставки И. Росса во Фландрии (55). — По городам и континентам (56)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ. Т. Г о р и ч е в а. Парадоксы женской эмансипации. — А. Ш и ф р и н. Путеводитель по ГУЛагу (60)

ПИСЬМА. Н. Т и ш е н к о. Домик Пришвина под угрозой (62). — К. Родина — без счастья... (62). — Д. П о с п е л о в с к и й. Протестовали православные христиане (63). — М. Ч у в а л о в. Убивают по 70 человек в день (63)

На обложке — фото И. Высоцкого

Разложение бабракковского режима

Парчисты и халкисты

Наши читатели уже знают, что афганские коммунисты распадаются на две группы — Парчам и Халк. Обе группы незначительные и никогда не имели влияния в народе. Но именно этими группами оперировали советские органы, когда совершали захват Афганистана. Посаженный ими после апрельского переворота 1978 года Тараки принадлежал к фракции Халк так же, как и сменивший его Амин. Преследования конкурентов, то есть „парчистов”, начались еще при Тараки, но своего апогея достигли при Амине. Многие парчисты были расстреляны, часть сидела в тюрьмах, часть бежала в Советский Союз. После оккупации „президентом” Афганистана был посажен привезенный в обозе оккупационных войск парчист Бабрак Кармаль.

Советская оккупационная администрация принудила Бабрака „объединить” обе группы в одну „партию” и создать смешанное правительство. Это была попытка расширить базу режима, но, главное, — халкисты имели влияние в армии, в частности, их агенты в ней сыграли важную роль в апрельском перевороте 1978 года. Бабрак выполнил приказ по „объединению”, но вражда между коммунистическими группами только усилилась. Немудрено, поскольку, например, заместитель премьер-министра Сарвар (халкист) лично руководил пытками парчистов во время правления Амина, а сегодня — пережившие эти пытки сидят с ним вместе в „кабинете министров”. Естественно, что это рано или поздно должно было привести к открытому столкновению. Оно и произошло во второй половине июля.

На улицы Кабула были выведены советские танки, все мосты взяты под усиленную охрану. Бабрак „переформировал” свое „правительство”. Его заместитель Сарвар был увезен в Москву „на лечение”, под охрану своих друзей и коллег из КГБ. Три министра (внутренних дел, связи и транспорта) — все халкисты — были арестованы. Новых министров Бабрак назначил из своих сторонников-парчистов. В течение нескольких ночей на улицах Кабула происходила стрельба —

столкновения между сторонниками обеих группировок.

Разумеется, Бабрак не мог своими силами и своим решением провести это мероприятие. Это было сделано с согласия или по указанию советской оккупационной администрации. Трудно сказать, почему она пошла на этот шаг. Дело в том, что халкисты имеют своих сторонников (они исчисляются несколькими тысячами) в армии, среди учителей и чиновников, тогда как парчисты имели контакты в среде крупной буржуазии и в университетских кругах, то есть влияние более ограниченное. Конечно, „коалиция” была малоработоспособна. Говорят, что Бабрак не мог собрать вместе всех своих „министров”. А еще одна смена „главы государства”, вероятно, представлялась советским хозяевам психологически невыгодной.

Восстание 14-ой дивизии

Последствия событий в Кабуле не заставили себя долго ждать. 14-ая танковая дивизия — одна из немногих частей афганской армии, сохранивших боеспособность и сравнительно хорошо вооруженная — находилась под командованием полковника, принадлежавшего к группе Халк (как и большинство еще оставшихся афганских офицеров). Она была расположена в провинции Газни, к юго-западу от Кабула. В ответ на приказ Бабрака сдать командование полковник начал восстание, захватив главный провинциальный город, гарнизон которого перешел на сторону восставших.

Советское командование, боясь, что дивизия со всем вооружением перейдет на сторону общенародного восстания, и отдавая себе отчет в том, что афганские части не могут справиться с подавлением восставшей дивизии, двинуло из Кабула оккупационные войска. В операции принимали участие крупные танковые части и большое число вертолетов, главной задачей которых было уничтожение вооружения, чтобы предупредить передачу его партизанам, оперирующим в провинции. Бои продолжались в течение недели, до начала августа, пока оккупационные войска не заняли столицу провинции. Достоверными

источниками потери исчисляются в 300 убитых на стороне афганцев и 200 убитых советских солдат. Остатки дивизии с сохранившимся вооружением ушли в горы к партизанам. Бои между афганскими войсками и советскими оккупационными войсками в провинции Газни были официально подтверждены квислингским правительством Бабрака. Из неофициальных источников известно, что менее значительное столкновение между афганскими войсками и советскими оккупационными войсками произошло непосредственно около Кабула, в предместье Харки, примерно в то же время. Взбунтовавшиеся афганские части были окружены в своих казармах. О числе потерь с обеих сторон — проверенных сведений нет.

Боевые действия

Столкновения между повстанцами и оккупационными войсками продолжают в многих частях страны, иногда принимая большие размеры. Так, тяжелые бои происходили в начале августа в провинции Кандагар. За четыре дня боев советские части потеряли 150 человек убитыми. По сообщению повстанцев, было сбито два советских самолета. В самом городе Кандагар во время ночных операций было убито 14 бабракотских полицейских из командного состава. 160 полицейских дезертировало.

Сообщается также о боях в провинциях Нангархар, Амдлогар и Логар. Бабракотское агентство печати сообщило о „ликвидации банд, вооруженных американским оружием” в провинциях Кундуз и Баглан.

28 июля на одной из улиц Кабула был убит советский генерал, „прикомандирован-

ный” к министерству внутренних дел. Его главным заданием, как сообщают из кругов этого министерства, была организация шпионажа на афганско-пакистанской границе и управление пограничными войсками. Событие это произошло следующим образом. Генерал, одетый в гражданское, выехал из своей резиденции на „Волге” в сопровождении шофера и двух охранников. Буквально через один квартал от резиденции маленький автобус „Фольксваген” перегородил „Волге” дорогу. Генерал открыл дверь, чтобы посмотреть, что произошло. В этот момент замаскированный афганец убил его несколькими выстрелами в голову. Следует учесть, что все это происходило в особо охраняемом районе города, где расположены резиденции советских и афганских чиновников. Близкие к правительству Бабрака круги подтвердили это. Подробное описание события было дано из кругов, близких к „городским партизанам”.

По сообщению из Тегерана, 23 июля повстанцы сбили афганский транспортный самолет.

Афганское контрправительство

Представители племен тех районов Афганистана, которые в той или иной мере находятся под контролем повстанцев, на своем (чрезвычайном) совете, собираемом в исключительных случаях, приняли решение о создании временного правительства Афганистана. Об этом сообщил журналистам в конце июля председатель недавно созданного Революционного исламского национального Совета Хасан Гайлани.

Листовки НТС в Афганистане

Корреспондент английской газеты „Дейли телеграф” Роберт Мосс в номере от 30. 6. 80 сообщает, что в Афганистане распространяется обращение к советским военным, подписанное русской организацией НТС. Ниже мы публикуем текст этого обращения.

Воины! Солдаты! Офицеры!

Русские, эстонцы, армяне, таджики — все народы России разделили горькую судьбу: называться „советским” народом и лишиться права управлять собственной страной. 60 миллионов жертв кровавых репрессий положено нами всеми в братскую коммунистическую могилу за эти шесть десятков лет.

Теперь вы посланы с оружием в руках, чтобы втянуть в эту могилу еще один народ — афганский. И для него неважно, какой национальности каждый из вас, — на вас одна форма, одна пятиконечная звезда; вы для него — враги, оккупанты. И вы хорошо это видите сами: по открытой враждебности афганцев, которые вас не „приглашали” бомбить и выжигать их деревни; по парти-

занским засадам на дорогах, по растущему числу убитых наших солдат.

И — тоже одинаковые — приходят в русские, грузинские, туркменские дома похоронки... И одинаково горе матерей.

Мы — российская политическая организация НТС — не отделяем себя от вас. То, что выпало на долю вам, солдатам, — выпало на долю всей нашей стране. От ее имени послали вас завоевывать чужие земли. И каждый, кто считает ее своей родиной, — разделяет ответственность за происходящее. Поэтому давайте думать вместе, как нам быть.

Оккупация Афганистана резко ухудшила международное положение и позиции нашей страны. Советские войска введены на территорию размером больше Украины, с непокорным 15-миллионным населением. Географические условия Афганистана благоприятны для ведения партизанской войны, и скорой „нормализации” ждать не приходится. К привезенному из Москвы „правительству” население Афганистана относится как к предателям. В партизанских условиях пленных афганцы не берут. Только за три первых месяца этой авантюры убито 2000 и ранено 3000 наших солдат, потеряны десятки танков, несколько самолетов. Положение со снабжением войск такое, что некоторые наши солдаты вынуждены „подкармливаться” на базаре, продавая собственные вещи.

Мусульманские страны, собравшись на чрезвычайную конференцию, выразили свое возмущение оккупацией Афганистана. В них резко усилились антирусские настроения, прошли демонстрации под лозунгом: „Русские собаки, уберите вон!”.

Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, осуждающую агрессию СССР против Афганистана и требующую немедленно вывода войск. За резолюцию проголосовали 104 государства, в том числе Югославия, Иран, Ирак. Воздержались 18 государств, в том числе Румыния. Против резолюции голосовали только 18 стран — социал-демократы с прихлебателями.

Нанесен удар по торговым, техническим и культурным связям со странами Запада. США приостановили поставку нам зерна и технологии. Заморозили ряд торговых договоров и другие страны. Многие отказались участвовать в Московской Олимпиаде.

Президент Картер резко изменил свою благоприятную в отношении СССР позицию. Особенно его потрясло то, что Брежнев, при

разговоре по прямому проводу между Кремлем и Белым Домом, лгал, скрыв настоящий объем и цель „афганской операции”. Теперь, когда под угрозу поставлены жизненно важные для Запада нефтяные источники этого района, затормозить рост вооружений США и НАТО не удастся никакими „красивыми словами”. Укрепилась связь США, в последние годы сильно ослабшая, с такими их союзниками, как Япония, Турция, Греция, Египет; увеличена военная помощь этим странам. США считают, что политика разрядки не может проводиться в одной части мира и грубо нарушаться в другой.

Очень медленно развивавшееся сближение США и Китая, которое до сих пор ограничивалось технической помощью, стало развиваться ускоренно. Визит американского министра обороны в Китай — это начало американо-китайского *военного* сотрудничества.

Такова цена, заплаченная нашей страной за оккупацию Афганистана. Уже сейчас ощутимой тяжестью она легла на плечи нашего народа. Ухудшилось положение с продовольствием, усилилась неразбериха в экономике, средства со строительства жилплощади перебрасывают на строительство военных объектов, вышел указ об усилении трудовой дисциплины. В магазинах люди расхватывают залежавшиеся консервы, мыло — боятся, что позже вообще ничего не купишь. Особенно плохо стало со снабжением в провинции.

Кому же был нужен Афганистан?

Оккупация Афганистана стала следствием свержения правительства Дауда в апреле 1978 г. Этот военный переворот был организован при помощи спецгрупп КГБ. Офицеры советского генштаба, знакомые с обстановкой в Афганистане, еще тогда предупредили, что в случае замены даудовского режима коммунистическим для его поддержки будет недостаточно одних „советников”, а придется вводить войска. При этом, отмечали они, для полного контроля над страной понадобятся крупные воинские соединения. Но это предупреждение осталось без внимания.

А ведь даже если рассуждать с точки зрения советских вождей — в апрельском перевороте никакой необходимости не было. Правительство Дауда было связано с СССР договором „о дружбе и взаимопомощи”, и в случае необходимости оно пропустило бы советские войска в любую сторону. Свержение Дауда, установление коммунистического режима, последовавшие преследования рели-

гии, террор населения, „реформы”, подобные раскулачиванию, распад афганской армии, взаимопожирание коммунистических вождей, — все это привело к росту повстанческого движения против коммунистов. И советское руководство оказалось поставленным перед выбором: либо ввести войска в Афганистан, либо потерять его совсем.

Но неужели советские фюреры не предвидели всех последствий этого вторжения? Или, как заявил Брежнев в „Правде” от 13. 1. 1980, — „ЦК партии и Советское правительство действовали с полным сознанием своей ответственности, учитывая всю совокупность обстоятельств”, — т. е. сознательно шли на создание мирового кризиса?

Нашей стране реально никто не угрожал. США были готовы на большие уступки и в вопросах сокращения вооружений, и в вопросах сближения. Запад стремился к расширению торговли и технических связей. Нарастание военного потенциала Китая длилось бы еще долгие годы, так как Запад не стремился это ускорять.

Утверждение, что оккупация Афганистана предпринята в интересах безопасности нашей страны как защита от китайской и „империалистической” угрозы — лживо. Посмотрите на карту: где наша граница с Китаем и где Афганистан. И видели ли вы „империалистов” на улицах Кабула?

Никогда, со времени второй мировой войны, мы не были так близки к новой войне, как сейчас. Своими действиями советское правительство теснит демократические страны к грани, при переходе которой берутся за оружие. „Демократии” проглатывали гитлеровские агрессии одну за другой. Но когда Гитлер напал на Польшу — они начали воевать.

Почему уроки истории не учат?

В мировой печати слово „русские” стало сегодня синонимом агрессии и угрозы миру на земле. Причины советской агрессивности часто видят в национальных традициях русского народа. Но мы, испытавшие советскую власть на себе, знаем, что это не так. Русская политика до 1917 г., если порою и имела темные стороны (впрочем, их у нашей страны было никак не больше, чем у других), то она всегда исходила из национально-государственных интересов России. Политика же КПСС российским интересам противоречит — она руководствуется интересами распространения марксизма-ленинизма на весь мир. Выплачивая народу лишь прожиточный ми-

нимум, КПСС щедро раздает народные деньги на создание и поддержку „братских” режимов во всех частях света. Народ живет впроголодь, а одна только Куба до сих пор обходится нам по 6 миллионов долларов в день.

Нас не спрашивают, хотим ли мы своими жизнями и трудом оплачивать трагедии все новых и новых народов — Вьетнама, Анголы, Эфиопии, Афганистана. Советское правительство заставляет видеть в „русских” врага все новые и новые страны, — даже те, которые могли бы быть нашими добрыми соседями и союзниками. Наш народ лишен законного права сменить это правительство на выборах. И это правительство силой тащит нашу страну в войну, глобальную войну на два фронта: против Запада и Китая.

Чтобы предотвратить эту катастрофу, чтобы сохранить нашу государственность, наше место в мире, — надо пресечь эту преступную в отношении интересов страны и народа политику. К этому выводу пришли многие люди в нашей стране, которые вместе с нами — НТС — или, создавая свои группы, — включаются в борьбу за освобождение и сохранение России. Есть в этих рядах и военные, — и мы ценим их вклад в общее дело. Это они отказывались стрелять в антикоммунистических повстанцев в Берлине в 1953 г. и в Венгрии в 1956-м (на сторону восставших венгров перешло около 3 тысяч наших военных). Отказались стрелять в народ армейские части во время восстаний в Темиртау в 1959 г. и в Новочеркасске в 1962-м — они были заменены карательными частями МВД-КГБ. В Новочеркасске один из офицеров в знак протеста застрелился перед строем своих солдат. В 1969 г. среди офицеров Балтфлота была раскрыта подпольная организация. В этом же году лейтенант Ильин из ленинградского гарнизона стрелял по правительственной машине у Кремля. Осенью 1975 г. взбунтовалась команда эсминца „Сторожевой” (восстание возглавил капитан 3-го ранга В. М. Саблин). — Все эти попытки не изменили строя в нашей стране, но они показали, что люди, озабоченные ее судьбой, есть и в армии. Все это дает основания надеяться, что в случае решительных событий в стране найдутся достойные люди и в высшем командном составе, чтобы помочь круто повернуть руль внешней политики нашей страны — к миру.

Трудно сказать все в одной листовке. Мы не даем вам, солдатам, никаких конкрет-

ных рецептов. Что можно делать и чего нельзя — вам на месте виднее самим. Мы хотим только, чтобы вы узнали правду и передавали ее другим. Чтобы вы поняли причины грозящей нашей стране катастрофы и правильно оценили побуждения НТС, который за предотвращение этой катастрофы борется. Что-

бы вы, солдаты и офицеры, в предстоящих событиях, стали на сторону сил, борющихся за освобождение и оздоровление нашей страны.

*Народно-Трудовой Союз
российских солидаристов*

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

У нас общие интересы

Беседа Саед-Ахмета Гайлани, руководителя Национального исламского фронта Афганистана, с представителем „Посева“ 10 июля 1980 г.

— Господин Гайлани, удовлетворены ли Вы Вашими встречами в Европе и, в частности, конференцией исламских государств в Швейцарии*, в которой Вы принимали участие?

— Разумеется, эта конференция, как и наша предыдущая встреча в Исламабаде, была весьма и весьма полезна. Это, несомненно, еще один шаг вперед в деле углубления взаимопонимания и поиска путей для поддержки наших афганских сил, стремящихся к устранению марионеточного режима Кармаля.

— Хотелось бы знать побольше о роли в Ваших исламских встречах мусульманской республики Ирана и, в частности, его министра иностранных дел Готбзаде.

— Роль иранской делегации в наших переговорах была, безусловно, положительной. Готбзаде проявил на них понимание нашего дела и той опасности, которую представляет советская оккупация Афганистана как для его непосредственных соседей, так и для всего свободного мира.

— На какие силы в Европе Вы рассчитываете как на возможную помощь в вашей борьбе?

— Это трудный и сложный вопрос. Правительственные круги в европейских странах проявляют здесь, мне кажется, чрезмерную осторожность и склонны уклониться от прямой поддержки наших повстанцев, представляя это США и мусульманским странам. В среде свободной европейской общественности, однако, мы встречаем большое сочувствие и готовность поддержать нашу борьбу.

Мы будем рады завязать контакты и принять поддержку общественных демократических сил в Европе, независимо даже от того, какую позицию занимает то или иное правительство. Я, кстати сказать, беседовал в Англии, Франции и Германии с видными представителями этих стран, а также с председателем Европейского парламента г-жой Симоной Вайль, и встретил с их стороны весьма понимающее и благосклонное отношение, так что препятствий на пути к поддержке нас общественными силами нет никаких. Мы были счастливы приветствовать у нас в Пешаваре представителя немецкого Общества защиты прав человека (ФРГ), вручили ему информацию о нарушениях гражданских прав марионеточным правительством Кармаля и будем усиленно развивать контакты этого рода.

— До коммунистического переворота Афганистан был нейтральной державой, да и после переворота он, по меньшей мере, формально входил в число так называемых неприсоединившихся держав. Должна ли, по Вашему мнению, ваша страна оставаться неприсоединившейся и после освобождения от оккупационного режима?

— Наша страна должна прежде всего стать снова независимой. В качестве независимой державы она имеет право сама выбирать своих друзей. В первую очередь она выберет, разумеется, тех, кому будет благодарна за помощь в лихую годину. Будучи независимой, она может стать и в самом деле неприсоединившейся — в полном смысле этого слова.

— Как Вы представляете себе отношение Афганистана к СССР?

— Мы совершенно ясно делаем различие между народами и их правительствами. Мы против государственной системы, приведшей

* Конференция в Швейцарии была в июне 1980 г.; ее созвала комиссия, выделенная на Исламабадской конференции для решения „афганского вопроса“.

к оккупации нашей страны и угнетению нашего народа. Мы не верим в благотворность коммунистической идеи ни для нас, ни для русских. Мы хотели бы иметь добрые отношения с нашим великим северным соседом и уверены, что не будь коммунистической диктатуры — эти отношения были бы хорошими.

— Можно вполне понять, что в афганском народе существует сейчас ненависть к русским. Можно ли будет после всего, что происходит в последние месяцы, преодолеть антагонизм между нашими народами?

— Для некоторых это будет, вероятно, нелегко. Партизанская война, которую мы ведем, — жестокая война, и неудивительно, если наши действия вызывают ожесточение и среди русских солдат в Афганистане. В глазах афганского повстанца даже самый простой и ни в чем не виновный советский солдат — представитель ненавистного нам правительства Кармаля и защищающих его оккупантов. Эксцессы в борьбе не на жизнь, а на смерть, с обеих сторон неизбежны, но они не должны изменять нашу принципиальную установку: мы боремся против оккупации и опирающегося на нее коммунистического режима. Мы против советской оккупации, но не против советского народа. Мы на собственном опыте научились делать различие между коммунистической диктатурой и угнетаемым коммунистами народом. Мы ненавидим КПСС, но с населяющими Россию народами хотим жить в мире и дружбе. И, видя вас, надеемся, что русские тоже это понимают.

— Какова ориентация Вашей организации в исламском мире?

— Исламский мир един в своей непоколебимой вере в Аллаха и в признании принципов Корана, но политически он состоит из многих и очень разных государств.

Возглавляемая мною организация ориентируется и опирается прежде всего на две глубоко мусульманские державы, на Пакистан и на Саудовскую Аравию.

— А как Вы смотрите на коммунистический Китай, который тоже ведь участвует в теперешней сложной борьбе в Афганистане?

— Коммунистическая КНР со всей решительностью выступает, как хорошо известно, против советской оккупации Афганистана и оказывает прямую поддержку маоистским коммунистическим повстанцам в северо-восточной части Афганистана. Кроме то-

го, у китайцев хорошие отношения с Пакистаном, который они поддерживают деньгами и оружием.

— Ваши борцы согласились принять листовки НТС с обращением к советским военнослужащим и доставить их по адресу. Чем они руководствуются, принимая на себя этот риск?

— Ответ прост: нашими общими интересами. Мы, как и вы, хотим, чтобы русские люди знали правду, чтобы они поняли, на какое гнусное дело ведет их советское командование. И чтобы они могли сделать свои собственные выводы.

Мы — за свободный Афганистан. Вы — за свободную Россию. И мы, и вы за свободу России и Афганистана. Не за коммунистический интернационал, а за непринужденную и подлинную дружбу между народами. Передавая ваши листовки, наши борцы служат общему делу.

Смею вас уверить, что я объясню это своим людям.

XXXII конференция «Посева»

Ежегодная конференция издательства „Посев“ состоится во Франкфурте. Начнется она в 10 часов в субботу 27 сентября и окончится в воскресенье 28 сентября с. г. Конференция будет проходить под знаком пятидесятилетия основания Народно-Трудового Союза российских солидаристов. Намечены четыре доклада:

Идейные искания в современной России и идеологические основы НТС:

докладчик Лев Александрович Рудкевич,

Политические поиски и творчество в современной России и Программа НТС:

докладчик Александр Михайлович Югов,

Роль организационного начала в Освободительной борьбе и организационные позиции НТС:

докладчик Юрий Борисович Брюно,

Как изображают и как видят НТС в России:

докладчик Екатерина Алексеевна Брейтбарт.

После докладов — дискуссия.

Роман Редлих СТАЛИНЩИНА КАК ДУХОВНЫЙ ФЕНОМЕН	
244 с.	17 н.м.
СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО	
240 с.	17 н.м.

Зеркало сегодняшнего мира

Впервые в истории современного олимпийского движения Игры состоялись в стране, ведущей агрессивную войну против другого государства. И о символике этого необычного события позаботились сами организаторы Олимпиады: 19 июля факелоносец взбежал, чтобы зажечь чашу с олимпийским огнем... по головам солдат, внезапно и эффектно вымостивших ему дощатую дорожку поверх заполнившей трибуны людской массы. По головам солдат в прямом и переносном смысле: в то время, как одни из них, переодетые в спортивные костюмы, изобразили в Москве живую лестницу, другие — отдавали свои жизни в позорной и жестокой войне в Афганистане. Символической стала и первая золотая медаль: ее получил Советский Союз в стрельбе из пистолета.

Западные средства информации уделили немало внимания подобным параллелям. Эффектными были, например, показанные по западногерманскому телевидению кадры генеральной репетиции открытия Олимпиады, где белое олимпийское знамя и „голубей мира” в высоко поднятых руках советские солдаты, чеканя шаг, вносили на стадион в полной военной форме. Много параллелей было и с Олимпиадой в 1936 г. в гитлеровской Германии. Очень много писалось и о небывалых по масштабам мерах предосторожности против „диверсантов, террористов и шпионов”, а точнее — против контактов населения с иностранцами; о герметизации олимпийских городов, для чего были выставлены кордоны милиции и ГБ, сведено к минимуму транспортное сообщение с другими городами, были высланы в провинцию целые категории нежелательных лиц, а наиболее „нежелательные” брошены в лагерь. Много сообщалось в эти дни и о нарушении прав человека в СССР.

Но разве о нарушении этих прав не было известно раньше, когда вопрос о месте проведения XXII Олимпийских игр еще только обсуждался? Разве не было ясно с самого начала, что тоталитарное государство — сомнительное место для проведения „праздника спорта и дружбы”, что военная агрессия, „столь не ко времени” (с точки зрения бывшего председателя МОК Килланена) проя-

вившаяся в Афганистане, заложена в самой природе коммунистического государства?

И разве, согласившись на проведение Олимпиады в СССР, свободный мир не поставил себя перед моральным долгом и единственным оправданием любого участия в такой Олимпиаде — приложить все усилия к тому, чтобы эта Олимпиада стала не инструментом советской пропаганды, а средством расширения сферы свободы в мире?

Скажут, что ожидать от Запада таких действий — политическая утопия. Но осуществление этой утопии — единственное условие для сохранения Западом собственной свободы: свобода должна переходить в моральное наступление. И лучше уж призывать Запад к этому, а не к утопии худшей и бесполезной — к бойкоту, то есть к пассивному самоустранению, выдаваемому за активное действие.

В утопической бойкотной кампании мы не участвовали. Мы были здесь реалистами, оптимально расходовавшими свои силы на цель конструктивную — на использование Олимпиады для поддержки освободительного движения в стране. То, что власть восприняла это как реальную угрозу, видно из ее атак в газетах, по радио и телевидению на инструкцию НТС „Для едущих на Олимпиаду-80” (см. ее в „Посеве” № 6/1980).

А каковы же результаты тех, кто призвал к бойкоту? Они тоже есть: отсутствие ряда сильнейших команд и спортсменов значительно обесценило вес многих олимпийских медалей и, вообще, нанесло ущерб международному престижу СССР (правда, все же ущерб никак не больший, чем СССР наносит себе сам). Но и только. Олимпиада, — несмотря на бойкот 58-ти крупных и, чаще, мелких стран, — как и следовало ожидать, состоялась, и прошла она для КГБ и властей предрержащих облегченным спектаклем, без достойных упоминания протестов и актов „непослушания” со стороны 100 000 представителей свободного мира, которые, в подавляющем своем большинстве, безропотно следовали гебистским определениям „свободы”. Не в последнюю очередь это произошло потому, что те, кто мог бы нарушить эту „диллию”, в Москву не поехали.

Один западный комментатор сравнил московскую Олимпиаду с зеркалом, в котором отразилось сегодняшнее состояние мира: тоталитарная жесткость полицейского государства, с одной стороны, и пассивная ослабленность остального мира, с другой. И в

том, что здесь столь наглядно выявилось несоответствие мер и методов действий Запада стоящей перед ним задаче, — пожалуй, единственный, хоть в какой-то мере полезный, результат Олимпиады.

М. Назаров

ПО СТРАНЕ

Бесславная Олимпиада

От специального корреспондента „П о с е в а”

Несмотря на запрет Картера и некоторых других западных правительств участвовать в Олимпиаде, игры прошли в соответствии с выработанным четыре года назад планом советских организаторов. Все прошло, как и было предусмотрено: без серьезных проблем, одним словом — гладко. Так, по крайней мере, показалось многим.

Все зарубежные спортсмены и гости с первого дня приезда в Москву были поражены окружившей их грандиозностью, великолепием, изобилием (уже в самом начале, по дороге от аэропорта Шереметьево-2 к городу, радовали глаз красивые, декоративные колодцы „à la russe” на обочинах). В самой олимпийской деревне не хватало, пожалуй, только птичьего молока (то есть алкогольных напитков и возможности активно заниматься спортом в свободное время).

Но, привыкнув к такой необычной для Москвы картине, зарубежные олимпийцы стали обращать внимание и на другие стороны происходящего: на то, что не только олимпийская деревня, но и весь город находятся на осадном положении. Между деревней и стадионом в Лужниках через каждые 50 метров стоял милиционер, в самом центре города — чуть ли не на каждом углу, даже в маленьких переулках. Еще больше было, разумеется, переодетых гебистов, которых некоторые олимпийские гости быстро переименовали в „экологистов”, то есть защитников природы.

Все было организовано мастерски: нас, направляющихся в город, „экологисты” встречали около станции метро „Университет” и сопровождали во всех наших экскурсиях по городу. Даже в олимпийской деревне следили за иностранцами, слишком свободно общавшимися с советскими гражданами. Весь обслуживающий персонал деревни прошел подготовительные курсы, на ко-

торых были даны указания: ни с кем не общаться, ни от кого ничего не принимать. Распускались слухи, что „злые иностранцы” раздают жвачки с бритвенными осколками и заразой, подкладывают замаскированные под игрушки бомбы и т. п.

В Монреале в 1976 году канадцы с утра до вечера толпились у ворот олимпийской деревни, чтобы поздороваться с иностранными спортсменами, взять автограф, обменяться спортивными значками. В Москве ничего подобного не было: вместо „дружбы” и „олимпийского духа”, о которых советская печать трубила все эти дни, царил страх, а может быть, и ненависть со стороны населения.

В принципе, почти все советские граждане имели причины быть недовольными Олимпиадой: иногородние, — потому что им был запрещен въезд в город за продуктами (у черты города висели огромные плакаты с надписью: „Водители! Въезд в город только по пропускам”); таксисты, — потому что они не смогли выполнить норму за отсутствием приезжих пассажиров (иностранцы ездили на бесплатном олимпийском транспорте); водители, — потому что за малейшее нарушение, а часто и без всякого повода, милиция снимала номера с машины до середины августа; и т. д. и т. п. К тому же почти все прочее строительство было заморожено вследствие лозунга: „Все на Олимпиаду!”

Не зря москвичи говорят, что теперь Картер, пожалуй, назло сделает все возможное, чтобы и следующие Олимпийские игры состоялись в Москве...

Короче говоря, этой Олимпиадой советское правительство оказало своему народу „медвежью услугу”. Но понравилась ли Олимпиада иностранцам? Уехали ли они довольными, и чем? Лицемерной показухой и болезненным стремлением СССР переплю-

нуть по грандиозности все предыдущие игры? Холодным, хотя и корректным обслуживанием в олимпийской деревне? Полным замалчиванием неугодной информации? Отсутствием в продаже крупнейших зарубежных газет? Невозможностью по-человечески и безбоязненно общаться с русским народом? Презрением населения? Нахальным и неспортивным отношением „допущенных” советских зрителей к победам иностранных атлетов?

Несмотря на все драконовские меры предосторожности, московская Олимпиада не обошлась все же без некоторых происшествий. Так, на Красной площади произошло самосожжение неизвестного человека. В олимпийской деревне, после того как уже в 11 часов вечера закрыли дискотеку, спортсмены встретили выгонявших их милиционеров криками: „Советский Союз — окку-

пант!” и „Свобода Афганистану!”. Говорят, что югославы разбили мебель в своем блоке, после того, как узнали, что в комнатах спрятааны микрофоны. Член бельгийского Комитета „Москва-80” сумел встретиться с представителями недавно созданного и сильно преследуемого свободного профсоюза СМОТ, после чего был допрошен и выслан из страны. Несколько членов афганской делегации неудачно пытались просить политического убежища в американском посольстве. Были и инциденты на таможне, связанные с провозом туристами литературы.

Вот пока первые итоги этой бесславной Олимпиады. Мне кажется, что когда лет через десять будут вспоминать лето 1980 года, то скажут, что тогда в Москве произошло два печальных события: смерть Владимира Высоцкого и Олимпиада.

Н.

Москва, Олимпиада-80

О разработке бактериологического оружия в СССР

Международный скандал, вызванный публикацией сведений о бактериологической катастрофе под Свердловском, продолжается. Подкомиссия Конгресса США, расследовавшая „возможное нарушение” Советским Союзом международной Конвенции о запрещении бактериологического оружия, пришла к выводу, что разъяснения, данные советскими представителями по поводу „вспышки сибирской язвы”, — неудовлетворительны. Сибирской язвой никак не объяснить ни быстрого развития болезни (пораженные умирали через 2-4 часа после госпитализации), ни высокой смертности (полная безуспешность лечения антибиотиками; всего погибло от нескольких сот до тысячи человек), ни легочной формы заболевания, нетипичной для сибирской язвы (а ведь, по советской версии, заражение „произошло от недоброкачественных продуктов”), ни полного отсутствия этого заболевания у скота, ни ограниченности „эпидемии” сравнительно небольшой местностью.

Население СССР, благодаря усиленной активности советской печати и неоднократным передачам о катастрофе по западному радио, оказалось хорошо информированным о происшедшем. Так, только в одних „Известиях” за последние месяцы появилось три „ответа фальсификаторам” — от 18.4.80, 15.6.80

и 6.8.80. В первой из них гебистский журналист В. Кассис (о нем см. „Посев” № 8, 1979) особенно нападает на „сочинителей из Франс Пресс”, которые, в отличие от большинства других западных агентств, указали источник информации о катастрофе — по словам Кассиса, „грязный журнальчик „Посев”, в котором окопались махровые антисоветчики и провокаторы”*

Однако, самое главное в том, что ни одно из „разъяснений” советской стороны не отвечает на постепенно накапливающиеся факты (даже независимо от вопроса, была катастрофа или нет) о существовании в СССР лабораторий и заводов по разработке бактериологического оружия. А таких фактов уже немало.

* В связи с публикацией материала о катастрофе в Свердловске „Посев” был атакован не только В. Кассисом, но и В. Федосеевым, сотрудником финансируемой американским Конгрессом радиостанции „Свобода”. В радиопередаче „Свободы” от 10.8.1980, рецензируя статью об этой катастрофе в английском журнале „Нью сайентист”, В. Федосеев упрекает ее автора, „известного своей повышенной педантичностью” Жореса Медведева в том, что на этот раз он „изменил своей педантичности, взяв за отправную точку своего исследования сомнительную публикацию в зарубежном эмигрантском издании „Посев”.

Так, в нашем январском материале, полученном из Свердловска в конце прошлого года и подтвержденном независимо от нас в пришедшей также из страны публикации „Русской мысли” (от 3.7.80), точно указано место катастрофы: строго охраняемый военный городок № 19, известный местному населению как „био завод”. „Русская мысль” приводит схематическую карту местности с указанием расположения этого секретного завода. Почему бы советским властям не пустить в этот район западных экспертов для проверки на месте?

Другой такой центр, как сообщил в своем выступлении в подкомиссии Конгресса писатель М. Поповский, находится в г. Кирове. В нем около 120 человек заняты производством биологического оружия на основе бактерий столбняка, проказы и желтой лихорадки.

Заказы Министерства обороны выполняет и расположенный в пос. Голицыно Московской области Институт фитопатологии (наука о болезнях растений). Магазин в поселке относится к системе Военторга — снабжение классом выше общего. На опытном поле института сеется пшеница и заражается какой-то ржавчиной. Одно время весь картофель на окрестных огородах был заражен колорадским жучком. Хозяева терпеливо собирали его в баночки и уничтожали, но никому, разумеется, не приходило в голову жаловаться на Министерство обороны.

По нашим сведениям, имеет отношение к разработке биологического оружия и Институт высокомолекулярных соединений АН СССР (Ленинград, Биржевой пер., 5; второе здание: Большой просп., 31). Из 24 лабораторий этого головного института две номерные, то есть засекреченные. Одну из них возглавляет член-корреспондент АН СССР М. М. Котон, вторую — известный химик-органик Арбузов. А на базе еще одной лаборатории (бывшая лаборатория биополимеров под руководством Самсонова) три года назад был создан отдельный, строго засекреченный Институт БПЧ (биологически чистых препаратов), занимающийся исследованием действия биологических ядов на человеческий организм. Для всех сотрудников института оформляется допуск № 1; возглавляет институт Пасечник. Институт работает под вывеской фармацевтики и закупает за границей самое современное и дорогое оборудование, в основном, японское.

Надо полагать, что под разными безобидными вывесками подобные учреждения — вопреки всем международным Конвенциям — работают и в других местах. И мы узнаем лишь случайно, что, например, бывший министр здравоохранения СССР, действительный член АМН СССР, генерал-полковник медицинской службы, почетный член нескольких иностранных обществ Е. И. Смирнов, находившийся в последнее время „на руководящей работе”, руководил именно разработкой бактериологического оружия и покончил с собой после катастрофы в Свердловске.

Такая двуличность советской стороны и отсутствие у советских правителей моральных сдерживающих факторов (в СССР разрабатывается также химическое, уже примененное в Афганистане, оружие, и парапсихологическое) — все это не только создает атмосферу недоверия и лишает переговоры о разоружении всякого смысла, но и серьезно усиливает опасность войны, расплачиваться за которую снова придется нашему многострадальному народу.

Хроника

● 24 июля в Литве в автомобильной катастрофе трагически погибла Ирина Каплун (1950 г. р.), одна из активных участниц правозащитного движения в СССР. На машину, в которой находились также ее двоюродная сестра с мужем и семилетней дочерью, налетел самосвал и все погибли. Муж И. Каплун, Владимир Борисов, высланный за месяц до этого в Вену, не исключает, что авария была подстроена. После высылки мужа И. Каплун вызвали в КГБ и предложили последовать за мужем, на что она ответила, что обсудит этот вопрос с мужем, а не с КГБ.

Еще в 1966 г. И. Каплун с Ольгой Иофе (впоследствии — узницей СПБ) и другими одноклассниками расклеивала листовки на пл. Революции в Москве, в 1969 г. участвовала в демонстрации памяти Яна Палаха на пл. Маяковского; подпись И. Каплун стояла под многими документами правозащитной оппозиции. В 1977 г. И. Каплун стала одним из основателей Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, участвовала в деятельности Свободного Межпрофессионального Объединения Трудящихся (СМОТ).

● 3 февраля в автомобильной катастрофе погибли три члена Церкви ЕХБ во время перевозки 500 Библий в Алма-Ату. Их имена: Генрих Петкер (1948 г. р.) и Владимир Фризен (1953 г. р.), оба из Павлодара, и Фрида Петерс (1948 г. р.) из Иссыка. На основании найденных у погибших бумаг КГБ провел обыски и аресты в разных городах страны.

● 18 июня в селе Гливенки Белореченского р-на Краснодарского края раскрыто еще одно отделение подпольной баптистской типографии „Христианин” (о предыдущих случаях см. „П о с е в” №№ 3/1975, 6/1979, 1/1980, 3/1980, 4/1980). Арестованы семеро печатников:

Иван Петрович Плетт, 1937 г. р., имеет 9 детей, адрес: г. Душанбе, ул. Коваля 1/1, кв. 3.

Владимир Генрихович Келлер, 1955 г. р., адрес: г. Иссык, ул. Мечникова, 45.

Надежда Ивановна Брыкова, 1943 г. р., адрес: г. Фергана, ул. Комарова 28-в. кв. 22.

Вера (1948 г. р.) и Надежда (1951 г. р.) Сидоровы, адрес: Кемеровская обл., г. Новокузнецк-35, ул. Транспортная 34, кв. 64.

Нина Анатольевна Усольцева, 1956 г. р., адрес: г. Челябинск, ул. Танкистов, 161.

Маргарита Яковлевна Эпп, 1948 г. р., адрес: г. Караганда-15, ул. Трудовая, 3.

Кроме них арестованы верующие В. И. Быков, Н. И. и С. Н. Волковы (все трое из Новороссийска), А. В. Фадеев из Краснодара и др.

● По сообщению Информационного бюллетеня „Вести из СССР”, дело члена Хельсинкской группы Татьяны Осиповой ведет следственная бригада при Совете министров СССР, так называемый „центр”. Т. Осипова обвиняется в составлении ряда правозащитных документов и статей (в том числе совместно с В. Некипеловым) и в распространении книги А. Авторханова „Технология власти” и документов НТС.

Муж Т. Осиповой, С. Ковалев, проживает по адресу: 123056, Москва, 2-я Брестская ул., 43, кв. 90.

● 16 января в г. Уфе, в общежитии Башкирского университета, были расклеены листовки с призывом к борьбе против КПСС. По этому делу арестован Олег Васильевич Милютин, 1954 г. р., слесарь РСУ № 3, однако

он отрицает свою причастность к листовкам. Милютин усиленно занимался самообразованием, изучал труды русских религиозных мыслителей. Будучи глубоко верующим человеком, О. Милютин регулярно посещал церковь. Несколько раз его насильственно помещали в психбольницу с диагнозом „политическая психопатия”. Его адрес: г. Уфа, ул. 50 лет Октября, д. 3, кв. 25.

● 6 июня в Якутске к 5 годам лагерей приговорен известный украинский правозащитник Вячеслав Черновил, арестованный незадолго до этого по месту отбывания ссылки. С апреля он держит голодовку и подвергается искусственному кормлению.

● 25 июня в Москве насильственно помещен в психбольницу член редколлегии самиздатского журнала „Поиски” Владимир Гершуни. Ранее он уже отбыл заключение с 1949 по 1959 годы за участие в антисоветской организации, а с 1969 г. 5 лет находился в психиатрическом заключении в Орловской спецпсихбольнице.

● 29 июня, после отбытия 2,5 лет заключения, Кирилл Подрабинек на свободу не вышел. В тюрьме г. Усмань Липецкой обл. ему предъявлено новое обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР. К. Подрабинек был арестован в 1977 г. с целью шантажа его брата Александра Подрабинека, дабы тот отказался от своего участия в Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и эмигрировал.

● 1 июля в Москве был арестован Ростислав Галецкий (1948 г. р.), руководитель Группы защиты верующих при Церкви Верных и Свободных Адвентистов Седьмого Дня. В течение 5 последних лет он находился на нелегальном положении. После ареста и гибели в якутском лагере главы этой церкви В. А. Шелкова, Р. Н. Галецкий — наиболее видный представитель правозащитного движения адвентистов.

● Политзаключенные мордовских лагерей Сергей Солдатов, Юрий Бадзьо и Роберт Назарян объявили однодневную голодовку и забастовку на время проведения Московской Олимпиады, в знак солидарности с народом оккупированного Афганистана, борющимся против агрессии.

● В погоне за западной валютой, во время Олимпиады в Москве, в Доме Художников, была организована открытая продажа русских икон иностранцам в невиданных до сих пор масштабах. Каждая икона продавалась с удостоверением экспертов о ее происхождении и ценности. До сих пор такие широкие распродажи икон устраивались только за границей.

● 2 августа, накануне закрытия Олимпиады, на Красной площади в Москве произошло самосожжение неизвестного человека. Очевидцами происшедшего были тренер ирландской команды и несколько туристов, которые были задержаны КГБ и грубо принуждены отдать пленку своих фотоаппаратов. (О предыдущих, ставших известными, случаях самосожжения в СССР см. „Посев” №№ 8/1978, 9/1978.)

На фото: самосожжение на Красной площади 2 авг. 1980 г. На переднем плане – милиция задержала человека с фотоаппаратом.

● Двадцатилетний Валерий Матиров, пытавшийся 20 марта этого года похитить самолет, летевший из Баку в Ереван, приговорен к 8 годам лагерей строго режима.

Аресты афганцев в Москве

Во время Московской Олимпиады группа находящихся в СССР афганцев намеревалась просить политического убежища в одном из западных посольств и добиваться выезда на Запад. В их планы был посвящен английский тележурналист Мартин Льюис, которого просили помочь. Однако Льюис дал эту информацию в прессу, в результате чего КГБ полностью блокировал всех афганцев и арестовал по крайней мере одного афганского студента, имеющего русскую жену и ребенка.

Несколько афганцев за намерения эмигрировать на Запад были арестованы КГБ еще до Олимпиады; из них один обвиняется в „нарушении валютных правил”; другой объявлен сумасшедшим; третий, Амир Сахайддар, возвращен в Афганистан и казнен там коммунистическим правительством. Такой же участи подверглись ранее и некоторые другие афганские студенты, учившиеся в СССР и желавшие выехать на Запад.

Отметим, что западные посольства в Москве не располагают возможностями вывоза из СССР лиц, желающих эмигрировать без советской выездной визы. Так, семья пятидесятников Ващенко, прорвавшаяся в американское посольство в Москве более двух лет назад, продолжает находиться там в безвыходном пока положении.

Беспорядки в Белой Церкви

20 апреля 1979 г., возможно, готовился взрыв завода резинотехнических изделий в г. Белая Церковь. На территории завода было обнаружено около 700 кг толуола, КГБ провел ряд допросов, но никого не арестовали. На этом же заводе в 1979 г. был подожжен и полностью сгорел один цех.

В 1978-79 гг. в Белой Церкви были также умышленно подожжены и сгорели: цех на консервном заводе, цех на заводе асбестотехнических изделий и склад шин на шинном заводе. Виновники нигде найдены не были.

Неизвестно, были ли все эти случаи актами диверсий; возможно, что в отдельных пожарах была заинтересована сама администрация, ибо к такому приему нередко прибегают для заметания следов.

Однако сама атмосфера на предприятиях неблагоприятна. Например, только на шинном заводе (директор Ю. Г. Епархин) работает около тысячи „химиков”, то есть уголовников, досрочно освобожденных и посланных „на химию”. На заводе постоянно большие убытки из-за бесхозяйственности, продукция пропадает под открытым небом (если товар долго хранится под открытым солнцем, то каучук растапливается и уже сданную продукцию приходится отправлять в отходы). Как начальство, так и рабочие воруют шины и продают их „налево”. Иногда охрана находила за территорией завода целые склады готовых шин. На заводе случались и кратковременные забастовки, из-за чего начальству приходилось идти на уступки.

Под этим заголовком мы периодически публикуем высказывания граждан СССР, временно находящихся за рубежом, или только что выехавших эмигрантов, а также отрывки из писем, переданных в редакцию. Мы сохраняем стиль этих писем и высказываний. Основная цель — передать обстановку, полную слухов, предположений, противоречивых мнений, сообщить читателю факты, характеризующие жизнь в нашей стране.

*

В Ленинграде все обеспокоены афганскими событиями, но прогнозов на будущее никто не делает. Большинство считает, что Афганистан — полнейшая авантюра и относится к ней крайне отрицательно.

Происходит вербовка медперсонала в Афганистан, предлагают большие льготы. Говорят, что военные в Афганистане получают по 40 рублей в день, плюс 20 руб. за каждый день в боевых условиях. Бытует мнение, что советская армия в Афганистане составлена из добровольцев-наемников, которые идут туда за большие деньги. В Ленинграде, как и в другие города, приходят цинковые гробы, многие их видели. Говорят, что на них написано „МО СССР”. В Афганистане погиб и один из моих друзей.

*

В Душанбе ходят слухи, что гробы из Афганистана не открывают и что, может быть, в них вообще ничего нет. В каком-то кишлаке, якобы, гроб открыли, а в нем была лишь военная форма.

Сначала в Афганистан посылали много таджиков и туркестанцев, но они „плохо себя проявили”, и их заменяют русскими и украинцами. Друг моего знакомого получил в Афганистане тяжелое ранение в голову. Тем не менее он говорил, что готов вернуться в Афганистан и защищать родину от китайцев. Вообще в Таджикистане очень боятся китайцев и считают, что в случае советско-китайской войны Таджикистан будет быстро захвачен „желтыми”, а, значит, жизнь станет еще хуже. Партийные органы утверждают, что если бы не мы, то в Афганистан вошли бы американцы, сионисты и китайцы. Поэтому те, кто этому верит, говорят: мы, конечно, агрессоры, но лучше уже мы в Афганистане, чем наши враги.

*

У нас в Ростове (на Дону. — Р е д.) в очередях и у пивных ларьков советскую власть ругают открыто. О событиях в Новочеркасске в 1962 г. знают практически все. Сейчас официальные инстанции пускают в народ слухи о „желтой опасности”, пугают войной с Китаем. Простые люди, правда, говорят, что лучше уж Брежнев, чем китайцы. Говорят, мол, у нас много врагов, а поэтому и приходится вооружаться. В общем, все ждут только худшего и очень боятся войны.

В Орджоникидзе разговоры о гробах из Афганистана начались в середине января. В общем и целом, среди осетин отношение к афганской войне крайне отрицательное. Видел человека, близкий родственник которого 19-ти лет погиб в Афганистане. В начале апреля в Осетию, по слухам, пришли 29 цинковых гробов.

*

В Ленинграде много раненых офицеров лежит в Военно-морском госпитале, на углу проспекта Газа и набережной Фонтанки. Часто приходят „похоронки”. Многие родители в панике: дети сообщают им из армии, что через два-три дня их отправляют в Афганистан.

Отношение к Афганским событиям, как правило, отрицательное. Среди народа преобладают высказывания следующего характера: „Зачем влезли в эту агрессию?”. Интересно, что слово „агрессия” вообще часто используется в бытовой речи. Многим приходят повестки из военкомата, особенно после подачи документов в ОВИР на выезд. В воздухе военный психоз. Есть и „патриоты”, но их немного.

*

В одном ресторане в Каунасе сидела группа людей, среди них несколько офицеров и один полковник медицинской службы. В результате общего разговора, „штатские” посетители стали ругать офицеров, обвиняя их в агрессии. Офицеры не знали, что им отвечать, и пасовали перед штатскими.

*

Среди интеллигенции усилились антисоветские настроения, ругают советскую акцию в Афганистане. Говорят, что много гробов и похоронок приходит в Донецк и другие города Донбасса. Считается, что наши мусульмане в армии показали себя плохо, и теперь их заменяют русскими войсками. Ругают также американцев за бойкот Олимпиады, многие говорят, что чем меньше контактов с Западом, тем хуже для населения. Люди слушают „Голос Америки” и советской пропаганде мало кто верит, хотя находятся, конечно, и такие, кто всерьез принимает версию о том, что в Афганистан вошли бы китайцы.

Когда я уезжал из СССР, на проводы пришли почти все, с кем я работал, а поздно ночью пришел даже секретарь парткома (чтобы его никто не видел) и сказал, что тоже уехал бы, если бы был евреем.

*

Перед Олимпиадой в различных учреждениях специальные лекторы (как правило, сотрудники „первого отдела”) разъясняли, что во время Олимпиады надо будет вести себя осторожно, так как среди иностранцев будет много агентов разведывательных служб. Специальные занятия проводились в магазинах. Объясняли, как должен вести себя

продавец в случае, если в магазин войдет иностранец: на него надо обратить особое внимание и обслуживать его вежливо.

*

На киностудии Леннаучфильм в 1978-79 гг. снимался фильм под названием „Декоративно-керамическая плитка”. Фильм был посвящен производству декоративных плиток на Кучинском керамическом комбинате и на Московском заводе керамических плиток. В фильме демонстрировались как производство керамических плиток, так и сами плитки в элементах строительных объектов, в частности, в олимпийских объектах, для которых эти плитки и были, в основном, выпущены.

Когда работники Леннаучфильма сняли производство, они направились по адресам олимпийских объектов, на строительство которых плитки были отпущены. И, к своему удивлению, ни на одном из них плиток не обнаружили. Вместо декоративных плиток там были просто обычные цветные, то есть окрашенные в какой-то однотонный цвет. Комбинаты же выделили на строительство этих объектов плитки целыми ящиками. В итоге кинематографистам пришлось снимать проекты этих объектов, так как в окончательном варианте объекты были без плиток. Плитки, как и предполагалось, разворовало начальство.

Керамическая плитка представляет собой дефицитнейший продукт. За нее от руководства можно получить все, что угодно. В частности, упомянутое уже предприятие получило прекрасный дом культуры в Кучино, роскошную столовую — тоже под Москвой в Кучино — все за отгруженную „налево” плитку. Плитка, которую кинематографисты не нашли, сделана с применением шелкографии, то есть с рисунком. На объектах же была плитка однотонная, или из ГДР — тоже однотонная. Когда, вернувшись на комбинат, кинематографисты спросили, где же все-таки найти плитку, работники комбината шутя сказали: пойдите в обкомовские квартиры, там наша плитка.

*

Уже много лет очень трудно выписать детские журналы, „Мурзилку” и другие, а также научно-популярные журналы — „Наука и жизнь”, „Наука и религия”. Наиболее острый дефицит — журналы „Человек и закон”, „Советское фото”, „Радио”. Эти журналы, как правило, выписывают на кафедры учебных институтов или в библиотеки НИИ, а оттуда уже их дают „по благу” почитать.

В прошлом абонементы на дефицитные книги покупали в обмен на сданную макулатуру. Но вскоре процесс получения талона усложнили: теперь его получает только каждый четвертый из сдавших макулатуру. Поэтому абонементы покупаются на черном рынке. Цены на черном рынке очень высокие, например, Ахматова (синий сборник) стоит 15-20 рублей, Пастернак — 20-25, Булгаков (три романа) — от 50 до 90 рублей.

*

В Московском музыкальном училище им. Гнесиных хорошая оценка на экзамене, при поступлении, стоит 100 рублей. Поступить в училище при нормальной подготовке — 500-600 рублей. При недостаточной подготовке поступить в училище за деньги невозможно, но, по указаниям директора, райкома, ЦК, создаются особые списки. Тем, кого занесли в эти списки, нельзя ставить меньше тройки, а с тройками их проводят в Училище.

*

В Челябинске снабжение лучше, чем в других городах. Мяса, правда, нет, но бывает иногда колбаса. Есть молочные продукты. Есть также мыло, которого сейчас нет в большинстве городов Советского Союза (мыло делают в Троицке, недалеко от Челябинска, на жиркомбинате).

Литературы (имеются в виду произведения Самиздата и Тамиздата — Р е д.) в Челябинске нет совершенно никакой. Буквально все утром перед работой слушают „Голоса”. Они слышны в Челябинске хорошо.

Церковь одна на город, всегда переполнена.

Настроение в рабочей среде в большой степени антисоветское. Однако обстановка в городе спокойнее, чем, например, в Свердловске. В Свердловске были случаи распространения листовок, постоянные надписи у памятника Ленину и в других местах. В Челябинске этого нет. Может быть, потому, что Челябинск находится в области, где хорошее снабжение...

*

В марте 1980 г. на тракторном заводе в Минске произошла задержка с выплатой зарплаты, в результате чего два цеха отказались работать. Буквально в течение получаса на завод прикатило высшее партначальство и местное КГБ. Провели общее собрание, на котором рабочих уверили, что задержка произошла по недоразумению, и вынесли выговор заместителю директора завода. Зарплату немедленно выплатили и успокоили рабочих, а спустя какое-то время КГБ арестовало зачинщиков волнений.

Отказ от работы в начале 1980 г. имел место и на минском радиозаводе, — из-за снижения производственных расценок. После протеста рабочих было объявлено о восстановлении прежних расценок, однако через неделю их все же понизили. Через некоторое время 3 или 4 человека зачинщиков были арестованы.

*

По всей стране ходят упорные слухи о предстоящей денежной реформе. Одни говорят, что рубль поднимется, другие — что упадет чуть ли не вдвое. Все считают, что будут обменивать лишь определенные суммы, т. е. „накопители” окажутся в убытке, и что о реформе объявят внезапно, возможно, перед Новым годом.

Умер Владимир Высоцкий

25 июля в Москве от разрыва сердца скончался Владимир Высоцкий — поэт, бард, актер, несомненно, самый популярный в стране исполнитель собственных песен. Ему было всего 42 года.

Высоцкий не был членом Союза писателей, официально не числился за „поэтическим цехом“ советской литературы. Но его известности в народе с лихвой хватило бы на весь этот цех.

Прощание с Высоцким происходило возле театра на Таганской площади. Здесь он играл, вдохновенно и с необычайной самоотдачей играл главные роли — Гамлета в „Гамлете“, Галилея в „Галилее“, Егора Лопухина в „Вишневом саде“ и многие другие. Сюда много лет москвичи и приезжие командировочные ходили „на Высоцкого“. Отсюда его повезли на Ваганьковское кладбище. Возле театра, на расчищенной площадке стояла гитара Высоцкого, над ней — его портрет в траурной рамке, а вокруг — море цветов. И вновь и вновь несли букеты. Несколько дней, уже после похорон, москвичи приходили к театру на Таганке — сотни тысяч, по оценке очевидцев, прошли за неделю мимо гитары Высоцкого.

Сами похороны потрясли Москву — такого еще не бывало. В день похорон, 29 июля, людская река (называют цифру в 40 000 человек) текла мимо театра на Таганке. И это — без официальных сообщений, без некрологов (лишь три траурных строчки появились в „Вечерней Москве“), — весть о внезапной смерти Высоцкого передавалась из уст в уста. Многие приходили с магнитофонами, над толпой звучали песни Высоцкого. Позаботились и власти: порядок регулировала конная милиция. Объективы кинокамер (конечно, не своих, отечественных — коротко для программ новостей снимают западные телеоператоры) показывают сменяющиеся молодые хорошие лица, многие, не таясь, плачут. Но есть и пожилые — те герои песен Высоцкого, что прошли войну, штрафные батальоны, медсанбаты, лагеря, забои... Этот стихийный взрыв любви и горя явно производит впечатление на иностранных корреспондентов и операторов. Потрясенный Клаус Беднарц, московский корреспон-

дент 1-й программы телевидения ФРГ, даже переходит на несвойственный ему пафос: „Народ, который так умеет прощаться со своими поэтами, — бессмертен!“

В чем секрет необыкновенной популярности Высоцкого? Можно перечислять многое, но все это не будет полным ответом. Изобразительный талант. Прекрасная способность перевоплощения. Необычайная экспрессия, уникальная исполнительская самоотдача. Суровый и честный реализм, — естественно, не социалистический. Глубина, открытый второй смысл, а порой и более скрытый третий план песни. Ясный каждому подтекст, откликающийся на все важное, что происходит в стране. Общая боль. Меткая ирония. Мужская верность, вообще мужественность: Высоцкий, пожалуй, самый мужественный (и в то же время — очень романтичный) из всех нынешних бардов. А еще что-то такое, что не поддается определению. Наверное, сердце, — то самое, которое так рано отказало. „Берегите нас, поэтов, берегите нас“, — бросил как-то фразу Окуджава. Но как уберечь поэта, если он сам себя не щадит? А может, настоящий поэт сегодня и не может себя щадить?

Уже несколько лет мы хотели дать в нашем журнале подборку песен Высоцкого с таким, может быть, немного нескромным заголовком „Высоцкий в рубриках „Посева““. Не дали: у Владимира Семеновича и без публикаций в таком „махрово антисоветском“ журнале отношения с „начальством“ в Москве были далеко не идеальными. Но в таком заголовке была бы своя правда. Ибо Высоцкий, как и „Посев“, писали, пусть в разных жанрах, об одном и том же — о жизни страны. Такие песни, как, например, „Диалог“ („Ой, Вань! Смотри какие клоуны!..“) или „Смотрины“ („Там, у соседа, пир горой...“) не хуже больших фактологических статей показывают во всей красе „СССР сегодня“. Разве такие песни, как „Товарищи ученые...“, „Считай по-нашему, мы выпили немало...“, „На речку Вачу“, „А люди все роптали и роптали...“ и многие другие — разве это не „Социальные проблемы“, проблемы безудержного пьянства, безхозяйственности, коррупции, привилегий „нового клас-

са”, возведенных социальных перегородок? Разве „Чужая колея” или „Охота на волков” — это не „Проблемы освободительной борьбы”, „Песня для уезжающих за границу” или „Песня про попутчика” — это не „КГБ в действии”? А „Банька по-белому” — это не „Страницы истории”? Разве многочисленные бытовые, тюремные, „сказочные” песни — это не реальные „Свидетельства” нашей воистину сказочной жизни? Советская пропаганда права: настоящий художник не может жить в отрыве от жизни народа. Если, конечно, иметь в виду реальную жизнь, а не вымышленную партийными подпевалами.

В отличие от почти всех других бардов, которые были и есть, в основном, певцы интеллигенции — о ней и для нее, — Высоцкий был, можно сказать, бардом общенародным. Его песни как бы поочередно захватывали, вбирали самые разные слои общества. Сначала это была имитация блатных, воровских песен, в них богато представлен тюремно-воровской жаргон. Затем пошли песни о прошедшей войне, — как правило, с трагическим уклоном в судьбы штрафников, смертников. Вообще песни о людях, которые всегда рискуют, всегда находятся в крайних ситуациях. Песни спортивные, альпинистские, на деревенскую тему, „сказочные” — с неожиданными юмористическими поворотами и глубоким подтекстом. И вся эта тематика — в самой широкой гамме человеческих чувств, от безысходной тоски до острого сарказма. Но глубоко ошибаются те, кто определяет Высоцкого певцом для „широкой аудитории, но более низкого уровня”. Глубина и содержательность песен Высоцкого росли, как говорится, не по дням, а по часам, а в ряде его последних произведений, таких, как „Как веревочка, ни вейся...”, „Райские яблоки”, „Пожары”, „Купола” („Как засмотрится мне нынче...”), уже просвечивает, если можно так выразиться, и философская подоснова.

Высоцкий очень хорошо понимал, какие опасности, и чем дальше, тем больше, ожидают его на избранном творческом пути. Во многих песнях — „Горизонт”, „По канату” („Он не вышел ни званьем, ни ростом...”), „Во хмелью слегка лесом правил я...”, „Вдоль обрыва по-над пропастью...”, „Иноходец” — ясно ощущается, что автор, отлично зная, что над ним висит и вечно будет висеть дамоклов меч всеильной государственной власти, иначе жить и иначе творить уже не может.

Как фатальное пророчество звучат сегодня прозвучавшие несколько лет назад слова:

Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее!
 Не указчики вам кнут и плеть.
 Но что-то кони мне попались
 привередливые, —

И дожить не успел, мне допеть — не успеть...
 Я коней напою,
 Я куплет допою,
 Хоть мгновенье еще
 Постояю
 На краю...

И вместе с тем, — твердое осознание значения „ему нужно пройти четыре четверти пути”. И твердая вера, что на этом пути за ним встанут другие, ведь „конец мой — еще не конец, конец — это что-то начало!”. „Кто сменит меня, кто в атаку пойдет?” — задает себе вопрос Высоцкий. Ответ его оптимистичен и трагичен одновременно:

Сейчас глаза мои сомкнутся,
 Я уйду — придет другой...
 Мы не успели, не успели, не успели
 оглянуться,
 А сыновья, а сыновья уходят в бой!

Да, уходят в бой уже сыновья — Евдокимова, Ковалева, Некипелова, Орлова... Время летит быстро...

Жаль до боли Высоцкого, жаль еще не написанных песен. И можно понять тех молодых ребят, кто на похоронах вдруг поднял (на несколько минут — его поспешно отобрали) лозунг: „Не те умирают!”. Все мы смертны, и „те” тоже умрут. Но они умрут навсегда, а Высоцкий в своих песнях — останется.

А. Югов

На складе Издательства „Посев”
 Долгоиграющие стерео-пластинки русских бардов:
 В. Высоцкого, А. Галича, и Б. Окуджавы
 цена каждой: нм 25, — (+ пересылка)

Булат Окуджава
 ПРОЗА И ПОЭЗИЯ
 5-е издание. 320 с. 26 н.м.

Песни Высоцкого

БАЛЛАДА О ДЕТСТВЕ

Час зачатья я помню неточно,
Значит память моя однобока.
Но зачат я был ночью порочно
И явился на свет не до срока.
Я родился не в муках, не в злобе:
Девять месяцев — это не лет!
Первый срок отбывал я в утробе —
Ничего там хорошего нет.

Спасибо вам, святители,
Что плюнули да дунули,
Что вдруг мои родители
Зачать меня задумали.
В те времена укромные,
Теперь — почти былинные,
Когда срока огромные
Брели в этапы длинные.
И брали в ночь зачатия,
А многих — даже ранее...
А вот, живет же братия,
Моя честна компания!

Ходу, думушки резвые, ходу!
Слово, строченьки милые, слово!
Первый раз получил я свободу
По указу от тридцать восьмого.
Знать бы мне, кто так долго мурыйжил, —
Отыгрался бы на подлеце!
Но родился, и жил я, и выжил —
Дом на Первой Мещанской, в конце.

Там за стеной, за стеночкой,
За перегородочкой
Соседушка с соседочкою
Баловались водочкой.
Все жили вровень, скромно так,
Система коридорная:
На тридцать восемь комнаток
Всего одна уборная.
Здесь на зуб зуб не попадал,
Не грела телогреечка.
Здесь я доподлинно узнал,
Почем она, копеечка.

Не боялась сирены соседка,
И привыкла к ней мать понемногу.
И плевал я, здоровый трехлетка,
На воздушную эту тревогу.
Да, не все то, что сверху, от Бога,
И народ зажигалки тушил.
И как малая фронту подмога —
Мой песок и дырявый кувшин.

И било солнце в три луча,
Сквозь дыры крыши просеяно,
На Евдоким Кириллыча
И Гисю Моисеевну.
Она ему: „Как сыновья?“ —
„Да без вести пропавшие...
Эх, Гиська, мы одна семья:
Вы — тоже пострадавшие.
Вы — тоже пострадавшие,
А значит — обрусевшие.
Мои — без вести павшие,
Твои — безвинно севшие”.

Я ушел от пеленок и сосок.
Поживал — не забыт, не заброшен.
И дразнили меня „недоносок”,
Хоть и был я нормально доношен.
Маскировку пытался срывать я:
„Пленных гонят, — чего ж мы дрожим?!”
Возвращались отцы наши, братья
По домам — по своим да чужим.

— У тети Зины кофточка
С драконами да змеями.
Да у Попова Вовчика
Отец пришел с трофеями!
Трофейная Япония,
Трофейная Германия, —
Пришла страна-лимония,
Сплошная чемодания!
Взял у отца на станции
Погоны, словно цапки, я...
А из эвакуации
Толпой валили штатские.

Осмотрелись они, оклемались.
Похмелились, потом протрезвели.
И отплакали те, кто дождались,
Не дождавшиеся — отревели.
Стал метро рыть отец Витьки с Генкой,
Мы спросили: „Зачем?”. Он в ответ:
„Коридоры кончаются стенкой,
А тоннели — выводят на свет!”

Пророчества папашина
Не слушал Витька с корешом:
Из коридора нашего
В тюремный коридор ушел.
— Да он всегда был спорщиком,
Припрут к стене, — откажется.
Ушел он коридорчиком,
А кончил „стенкой”, кажется.
Ну, у отцов — свои умы,
А что до нас касательно,
На жизнь засматривались мы
Вполне самостоятельно.

Все, от нас до почти годовалых,
Толковища вели до кровянки.
А в подвалах и полуподвалах
Рябятишкам хотелось — под танки!
Не досталось им даже бабули,
В ремеслухе живи та тужи...
Ни дерзнуть, ни рискнуть. Но рискнули —
Из напильников делать ножи.

Они воткнутся в легкие,
От никотина черные,
По рукоятки легкие,
Трехцветные, наборные!
Вели дела обменные
Сопливые острожники:
На стройке немцы пленные
На хлеб меняли ножики.
Сперва играли в фантики,
В „пристенки”, крохоборами...
И вот ушли, романтики,
Из подворотен — ворами.

Было время — и были подвалы,
Было дело — и цены снижали...
И текли, куда надо, каналы,
И в конце, куда надо, впадали.
Дети бывших старшин да майоров
До бедовых высот поднялись,
Потому что из тех коридоров
Им казалось сподручнее — вниз!

ЧУЖАЯ КОЛЕЯ

Сам виноват, и слезы лью
И охаю:
Попал в чужую колею
Глубокую.
Я цели намечал свои
На выбор сам,
А вот теперь из колеи —
Не выбраться!

Крутые, скользкие края
Имеет эта колея.
Я кляню проложивших ее,
Скоро лопнет терпенье мое.
И склоняю, как школьник плохой:
— Колея, колее, колеей...

Но почему неймется мне,
Нахальный я?
Условия, в общем, в колее
Нормальные.
Никто не стукнет, не притрет,
Не жалуйся.
Желаешь двигаться вперед —
Пожалуйста!

Отказу нет в еде-питье
В уютной этой колее.

И я живо себя убедил:
— Не один я такой, не один!
Так держать, колесо в колесе, —
И доедешь туда, куда все.

Вот кто-то крикнул, сам не свой:
— А ну,пусти!
И начал спорить с колеей
По глупости.
Он в споре сжег запас до дна
Тепла, души,
И полетели клапана
И вкладыши.

Но покорежил он края,
И шире стала колея.
Расплеваться бы глиной и ржой
С колеей ненавистной, чужой!
Но тем, что я ее сам углубил,
Я у задних надежду убил...

Вот и ко мне пришла беда —
Стартер заел.
Теперь уж это не езда,
А ерзанье.
И надо б выйти, подтолкнуть,
Но прыти нет.
Авось подъедет кто-нибудь
И вытянет.

Напрасно жду подмоги я:
Чужая эта колея.
Вдруг его обрывается след —
Чудака оттащили в кювет,
Чтоб не мог он нам, задним, мешать
По чужой колее проезжать.

Прошиб меня холодный пот
До косточки,
И я прошел чуть-чуть вперед
По досточке.
Вдруг вижу — край размыт,
Ручьи весенние!
Там выезд есть из колеи —
Спасение!

Я еду, я грязью из-под шин плюю
В чужую эту колею.
— Эй, вы, задние, делай, как я!
Это значит — не следуй за мной.
Ни к чему вам моя колея,
Поезжайте своей колеей!

ТОВАРИЩИ УЧЕНЫЕ...

Товарищи ученые, доценты с кандидатами,
Замучились вы с иксами, запутались в нулях.
Сидите, разлагаете молекулы на атомы,
Забыв, что разлагается картофель на полях.
Из гнили да из плесени бальзам извлечь пытаетесь,
И корни извлекаете по десять раз на дню.

Ох, вы там добалууетесь, ох, вы доизвлекаетесь,
Пока сгниет, заплесневит картофель на корню.

Припев:

Значит так, автобусом до Сходни доезжаем,
А там — рысцой, и не стонать!
Небось картошку все мы уважаем,
Когда с сольцой ее намять.

Вы можете прославиться почти на всю Европу, коль
С лопатами проявите здесь свой патриотизм.
А то вы всем кагалом там набросились на опухоль,
Собак ножами режете, а это — бандитизм.
Товарищи ученые, кончайте поножовщину,
Бросайте ваши опыты, гидрид и ангидрид,
Садитесь на полуторки, валяйте к нам в
Тамбовщину,
А гамма-излучение денек повременит.

Припев:

Значит так, автобусом к Тамбову подъезжаем,
А там — рысцой, и не стонать!
Небось картошку все мы уважаем,
Когда с сольцой ее намять.

К нам можно даже с семьями, с друзьями и
знакомыми.
Мы славно здесь разместимся, и скажете потом,
Что Бог, мол, с ними, с генами, Бог с ними, с
хромосомами, —
Мы славно поработали и славно отдохнем.
Товарищи ученые, Эйнштейны драгоценные,
Ньютоны ненаглядные, любимые до слез,
Ведь лягут в землю общую остатки наши бранные,
Земле, ей все едино — апатиты и навоз.

Припев.

Так приезжайте милые, рядами и колоннами,
Хотя вы все там химики, и нет на вас креста,
Но вы ж ведь там задохнетесь, за
синхрофазотронами,
А здесь места отличные, воздушные места.
Товарищи ученые, не сомневайтесь, милые:
Коль что у вас не ладится, ну, там не тот эффект, —
Мы мигом к вам заявимся с лопатами и вилами,
Денечек покумекаем — и выправим дефект!

Припев.

ПОЖАРЫ

Пожары над страной. Все выше, злей и веселей
Их отблески взлетали в „два прихлопа,
три притопа”.
Но вот судьба и время пересели на коней,
А там — в галоп
Под пули в лоб!
Меня ударило в озаоб
От этого галопа!

Шальные пули злы, слепы и бестолковы,
А мы летели вскачь, они — за нами влет.
Расковывались кони, и горячие подковы
Летели в пыль на счастье тем, кто их потом найдет.

Увертливы поводья, словно угри,
И спутаны и волосы, и мысли на бегу.
А ветер дул — и расплетал нам кудри,
И распрямлял извилины в мозгу.

Ни бегство от огня, ни страх погони — ни при чем,
А время подскакало, и фортуна улыбнулась.
И сабли седоков скрестились с солнечным лучом.
Седок — поэт,
Огонь — пегас,
Пожар померк,
Потом погас...
А скачка — разгоралась!

Еще не видел свет подобного аллюра:
Копыта били дробь, трезвонила капель...
Помешанная на крови слепая пуля-дура
Прозрела, поумнела вдруг и ощутила цель.

И — кто кого! Азартней перепляса!
И кто скорее! В этой скачке опоздавших нет.
А ветер дул, с костей сдувая мясо
И радуя прохладой скелет.

Удача впереди — исцеление больным!
Впервые скачет время напрямую, не по кругу.
Обещанное завтра будет горьким и хмельным!
Легко скакать,
Врага видать
И друга тоже.
Благодать!
Судьба летит по лугу!

Доверчивую смерть вкруг пальца обернули,
Замешкалась она, забыв махнуть косою.
Уже не догоняли нас и отставали пули...
Удастся ли умыться нам не кровью, а росой?

Пел ветер все печальнее и глуше.
Навылет время ранено, досталось и судьбе...
Ветра́ и кони, и телá, и ду́ши
Убитых выносили на себе.

КТО СКАЗАЛ: „ВСЕ СГОРЕЛО ДО ТЛА”...

Кто сказал: „Все сгорело до тла.
Больше в землю не бросите семя”?
Кто сказал, что земля умерла?
Нет, она затаилась на время.

Материнства не взять у земли,
Не отнять, как не вычерпать моря.
Кто поверил, что землю сожгли?
Нет, она почернела от горя.

Как разрезы, траншеи легли
И воронки, как раны, зияют.
Обнаженные нервы земли
Неземное страдание знают.

Она вынесет все, переждет.
Не записывай землю в калеки!
Кто сказал, что земля не поет,
Что она замолчала навеки?

Нет, звенит она, стоны глуша,
Изо всех своих ран, из отдушин.
Ведь земля — это наша душа,
Сапогами не вытоптать душу.

Кто поверил, что землю сожгли?
Нет, она затаилась на время.

И СНИЗУ ЛЕД, И СВЕРХУ...

И снизу лед, и сверху — маюсь между.
Пробить ли верх или пробуравить низ?
Конечно, — всплыть! И не терять надежду.
А там — за дело, в ожиданьи виз.

Лед надо мною, надломись и тресни!
Я весь в поту, как пахарь от сохи.
Вернусь к тебе, как корабли из песни,
Все помня, даже старые стихи.

Мне меньше полувека — сорок с лишним.
Я жив, двенадцать лет тобой и Господом храним.
Мне есть что спеть, представ перед Всевышним!
Мне есть, чем оправдаться перед Ним!

(Последнее стихотворение В. Высоцкого. Его читали на прощании 28 июля в театре на Таганке.)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Предложения по демократизации Польши

Ян ВЛОХ

Можно без преувеличения сказать, что сейчас Польша находится в авангарде движения за демократизацию в социалистических странах Восточной Европы. Это движение охватывает не только „диссидентские” группы, такие, как „Комитет общественной самозащиты” (бывший „Комитет защиты рабочих”), „Товарищество независимой Польши”, „Движение защиты прав человека и гражданина”, не только Католическую Церковь, но и определенные круги в лагере власти. Все больше и больше людей всех взглядов и любого социального положения начинает понимать, что путь „реального социализма” — это путь в тупик, что Польше необходимы радикальные перемены в политической и общественной жизни.

Между некоторыми представителями власти и определенными кругами оппозиции установился не только общий язык, но и известная форма сотрудничества. Многие насторожатся и возразят, что, когда при тоталитарном режиме власть протягивает руку инакомыслящим, это пахнет или провокацией, или попыткой создать прирученное лжедиссидентство. Но в Польше положение многим отличается от положения в Советском Союзе. Например, система влас-

ти значительно менее монолитна. Ее структура более эластична, она позволяет сосуществование, если не различных мировоззрений, то, по крайней мере, различных взглядов на конкретные вопросы. Кроме того, в течение всего послевоенного времени в Польше сохранялся формальный, куцый, зачаточный, но все же плюрализм. В Сейме помимо Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) всегда были представлены и другие партии, как Демократическая партия, Объединенная народная партия, а также католические группы „Пакс” и „Знак”, из которых только первая стоит на угодных режиму позициях. Хотя эти партии и группы объединены во Фронт национального единства и в политическом отношении подчинены руководству ПОРП, тем не менее в культурной, интеллектуальной жизни они всегда обеспечивали известное многообразие. К этому следует добавить, что роль мощного объединяющего фактора в Польше играет патриотизм. Польский патриотизм питается укоренившимся в народе сознанием исторической опасности, исходящей как с Запада (Германия), так и с Востока (Россия). Сегодня вторая угроза, в лице Советского Союза — единственно реальна, но чувство борьбы

„на двух фронтах” всегда живо в подсознании польского народа (отсюда мнительное отношение к Германии, как в лице ФРГ, так и ГДР). Польский патриотизм по своим историческим корням — оборонный, и находит свое выражение, руководство и опору в Католической церкви, единственной силе, на протяжении всей истории спасавшей нацию.

Будучи обусловленным геополитически, а не мировоззренчески, польский патриотизм объединяет всех, — верующих и неверующих, партийцев и беспартийных, — за исключением сравнительно маленькой, постепенно идущей на убыль группировки в верхах (особенно в госбезопасности), которая обязана своим положением исключительно советской поддержке и потеряла бы все в случае ухода Польши из-под советской опеки. В Польше патриотизм — что-то само собой разумеющееся и не является предметом идеологических споров. Не бывает, как, к сожалению, происходит в современной России, где на сторонников национального возрождения „левые” наклеивают ярлык „шовинистов” и даже „фашистов”. В Польше патриотизму преданы в равной мере и „левые” и „правые” (кроме, повторяем, отъявленных советских наймитов). Это основная причина, почему мы считаем, что известное сотрудничество между властью и имущими и диссидентами во имя спасения родины не пахнет провокацией.

Самым впечатляющим примером такого сотрудничества (впрочем, не совсем безоблачного) является группа „Опыт и будущее” возникшая два года тому назад, с ведома (и, по крайней мере, с частичного согласия) партийного руководства, прежде всего — первого секретаря ЦК ПОРП Герека. В группу „Опыт и будущее” входит около ста двадцати известных деятелей науки и культуры, писателей и журналистов, среди которых много членов партии и несколько видных представителей католических кругов. На первом пленарном заседании группы „Опыт и будущее”, состоявшемся в ноябре 1978 г., присутствовали, среди прочих, два члена ЦК ПОРП — главный редактор еженедельника „Политика” Мечислав Раковский и секретарь партийной организации при Варшавской секции Союза польских писателей А. Василевский. Кроме того, среди участников заседания находились три члена Коллегии научных советников Герека — профессора Сильвестер Завадский, Януш Бексяк и

Антоний Райкевич. Рядом с ними сидели некоторые выдающиеся представители „светской” католической общественности, такие, как главный редактор краковского еженедельника „Вензь” („Связь”) и личный друг Папы Римского Иоанна-Павла II Тадеуш Мазовецкий, публицист Анджей Веловейский, историк Анджей Мицевский и писатель Яцек Возняковский, открыто связанный с диссидентским движением. Он один из учредителей „Общества научных курсов”, поддерживающего так называемый „летучий университет” — систему частных лекций, на которых студенты знакомятся с немарксистскими идеями и с замалчиваемыми властью страницами истории Польши.

Правда, партийное руководство спохватилось, ему показалось, что оно зашло слишком далеко по части либерализма, и запретило группе „Опыт и будущее” проводить дальнейшие пленарные заседания. Однако группа не прекратила работу. Она подготовила анкету и разослала ее экономистам, ученым, обществоведам, писателям. Анкета содержала вопросы о положении в Польше и сопровождалась письмом, которое призывало получателей высказать свое мнение как можно более откровенно, не боясь никаких неприятных для себя последствий. На основе этого опроса в мае 1979 г. был подготовлен первый отчет под названием „Доклад о положении Республики и о путях его улучшения”. В этом документе содержался такой мрачный диагноз положения Польши, что власти запретили его опубликование и он распространялся только в самиздате. Но группа „Опыт и будущее” не подверглась репрессиям, она продолжала существовать и заниматься своим делом. Она подготовила вторую анкету, на этот раз с вопросами о мероприятиях по преодолению переживаемого Польшей кризиса. Результат нового опроса — второй документ, выразительно озаглавленный „Как выйти из создавшегося положения?”.

Вторую анкету подготовил специальный „редакционный комитет”, в состав которого вошли такие именитые в Польше люди, как директор Института социологии Варшавского университета Ян Маляновский, партийный писатель и социолог Стефан Братковский, генеральный секретарь Польского исторического общества проф. Анджей Закжевский, председатель Польского философского общества проф. Клеменс Шанявский и другие не менее известные деятели науки и

культуры. В оценке и обработке полученных ответов участвовали и три других видных ученых: преподаватель Института административного права Варшавского университета проф. Анджей Стельмаховский, заведующий кафедрой проектирования Академии изящных искусств в Варшаве проф. Лех Томашевский и преподаватель конституционного права в Варшавском университете Ежи Стембрович.

Вторая анкета группы „Опыт и будущее” была разослана тремстам специалистам в декабре прошлого года. Примерно через месяц, в конце января этого года редакционный комитет получил уже 141 ответ. На основе этих ответов и был разработан отчет „Как выйти из создавшегося положения?”. Он состоит из 74 машинописных листов и датирован „Варшава, 3 мая 1980 г.”. Как и предыдущий доклад, новый документ тоже был запрещен властями к опубликованию.

В предисловии к отчету говорится, что после съезда ПОРП в феврале и замены Петра Ярошевича Эдвардом Бабюхом на посту председателя Совета Министров „в центре внимания государственных и партийных властей находится экономическое положение и только к нему относятся почти все предлагаемые перемены. Хотя и нет сомнения в пользе этих перемен, — говорится далее в документе, — следует подчеркнуть, что, по мнению участников нашего опроса, переживаемый нами кризис имеет прежде всего социальный и политический характер. По этой причине успех экономических реформ зависит прежде всего от изменения методов осуществления власти и стиля политического руководства”.

Значит, кризис имеет прежде всего политические корни и ключ к его решению надо искать в политической области. Отметив, что этот кризис „уникален в истории послевоенной Польши”, авторы отчета настаивают на том, что из кризиса нельзя выйти без „радикальной перемены” стиля руководства государством, так как „ошибочный стиль руководства — корень и причина кризиса”. Существует всеобщий „кризис доверия”. Не только общественность, пишут авторы отчета, но даже работники государственного аппарата „больше не верят заявлениям и информации, исходящим от верхов партии”. Один из тех, кто откликнулся на анкету группы „Опыт и будущее”, говоря о печати, отметил, что „люди больше не верят даже

отрицательным новостям, видя в них новую форму манипуляции”.

Доверие к органам массовой информации может быть восстановлено, пишут авторы доклада, лишь „строгим ограничением... прав и функций цензуры... Правилom должна быть полнота информации, а цензура должна быть лишь исключением”.

Важный шаг на пути политической нормализации — прекращение всякой дискриминации по отношению к верующим. „В Польше, — читаем в докладе, — различные социальные группы подвергаются дискриминации, практически — беспартийное большинство населения. Неравноправие тем более обидно, что, согласно всеобщему чувству, религиозная вера не должна служить критерием для политического разделения людей”. Отсюда вытекает целый ряд предложений. В частности, пишут авторы отчета, если кто умен, способен и обладает опытом в своей области, то ему должны быть обеспечены все возможности карьеры; независимо от того, верующий он или нет. Кроме того, за Католической церковью надо признать право на проведение ее миссии не только в чисто пастырской области, но и в области образования и социальной помощи нуждающимся.

Прекращение религиозной дискриминации и дискриминации политической должны произойти одновременно. „Многие из приславших ответы на нашу анкету, — говорится далее в документе группы „Опыт и будущее”, — подчеркивают, что успех реформ зависит от того, как к ним будет относиться партия. Часть участников опроса, в первую очередь члены партии, считают, что политические и экономические перемены невозможны без реформы внутрипартийной жизни, основанной: а) на демократизации внутрипартийных отношений; б) на разработке механизма, позволяющего выдвигать альтернативные варианты партийной программе”.

Авторы отчета продолжают: „Демократизация должна выражаться прежде всего в гласности партийной жизни и в передаче права принимать решения избранным снизу коллективным органам. Ныне оно сосредоточено в центральном аппарате. С этим связано предложение развертывать в рядах членов партии широкую дискуссию, охватывающую все организационные звенья, о функции партии и о том, как она пользуется властью”.

Иными словами, авторы предлагают нечто вроде общественного суда над ПОРП, а так-

же введение зачаточной двухпартийности при формальном сохранении однопартийности. „Многие участники опроса, — говорится далее в отчете, — считают особенно важным в целях внутрипартийной реформы дать возможность выдвигать альтернативные программы. При однопартийной системе это единственный практически осуществимый способ предотвратить бюрократизацию партии и в то же время единственно возможный механизм контроля над руководящей группой”.

Наряду с реформой партии, многие участники опроса предлагают реформу Сейма (парламента) и избирательной системы, с целью „вернуть высшим представительным органам их подлинные функции”. Сейчас выборы проводятся по списку „Фронта национального единства”, в который входят ПОРП и другие партии-сателлиты. Однако распределение мандатов в Сейме установлено заранее, так что абсолютное большинство всегда обеспечено за ПОРП, независимо от результатов выборов. Авторы проекта реформы предлагают, с одной стороны, „увеличить представительство католиков и беспартийных”, а с другой, — „признать за отдельными группами граждан право выдвигать собственных кандидатов в списках Фронта национального единства”. Кроме того, „необходимо обеспечить более надежный общественный контроль за ходом и результатом выборов”.

Подняв вопрос о независимости юстиции и предложив парламентский контроль над милицией и органами госбезопасности, авторы отчета переходят к щекотливому вопросу об отношениях с Советским Союзом. Многие из тех, кто ответил на опрос, жалуются на „отсутствие достоверной информации об отношениях с СССР” и „раболопный характер пропаганды, касающейся Советского Союза — пропаганды, часто задевающей польское национальное достоинство”. „Состояние польско-советских отношений — читаем в документе — вызывает сильное беспокойство у общественности, убедившейся в глубоком неравноправии этих отношений... Выражается также, — пишут далее авторы, — озабоченность польской общественности в связи с последними международными событиями, страх перед возможностью, что Польша, из-за неравноправных отношений со своим сильнейшим союзником, будет вынуждена, без предварительных консультаций и без ее согласия, участвовать в событиях,

которые при нынешнем положении могли бы иметь для нее катастрофические последствия”. Иными словами, поляки боятся, что их страна будет втянута Советским Союзом в военный конфликт в Афганистане. Комментируя полученные на эту тему ответы, авторы отчета заявляют: „Ничто так не вредит добрососедским отношениям с Советским Союзом в глазах населения, как проявляемые на каждом шагу самоунижение и раболепие, как подхалимский тон пропаганды”.

Члены „редакционного комитета” группы „Опыт и будущее” заканчивают свой отчет следующими словами: „Успех программы реформ зависит от ее поддержки со стороны все большего количества людей и общественных групп, не ограничивающихся критикой нынешнего состояния, но стремящихся искать выход из тупика и активно участвующих в выступлениях за реформы”.

Несмотря на то, что отчет „Как выйти из создавшегося положения?” не был опубликован в Польше, некоторые его тезисы все равно стали достоянием польской общественности, потому что Мечислав Раковский изложил их в статье, появившейся в еженедельнике „Политика”. Очевидно кризис в Польше (как доказывают и непрекращающиеся забастовки и рабочие волнения) достаточно серьезен, если член ЦК открыто подхватывает аргументы, которые в других социалистических странах выдвигают только диссиденты.

Забастовочное движение в Польше

Забастовочное движение в Польше, начавшееся в первой половине июля, охватило всю страну, включая важнейшие промышленные центры: Гданьск, Вроцлав и Лодзь. Это не всеобщая забастовка, проводимая одновременно по всей стране. Забастовки проводятся в одном месте, потом в другом, потом в третьем, но непрерывно, как бы сменяя одна другую. Все отрасли промышленности, все сферы обслуживания охвачены этой „текучей” забастовкой. В настоящий момент (середина августа) — центр тяжести забастовочного движения — Гданьск и прилегающие к нему промышленные центры, где забастовка происходит примерно на 200 предприятиях, охватывая около 100 тысяч рабочих. Волнения происходят также в Силезии, Новой Хуте и других промышленных районах страны.

Официальные профсоюзы остались за бортом. Забастовками руководят выделенные рабочими комитеты. При этом состав этих комитетов меняется, чтобы возможные репрессии властей не обрушились на небольшое число активистов.

Поводом к началу забастовочного движения было повышение цен на мясо. Причиной — тяжелое экономическое положение трудящихся. Однако, одновременно выдвигаются политические требования: амнистия политзаключенным, отмена цензуры, прекращение ограничений деятельности Церкви (она, кстати, одобрила требования бастующих) и, главное, требование свободных профсоюзов.

Сведения о развитии забастовочного движения исходят от Комитета общественной самозащиты, но и официальные власти вынуждены давать информацию. Герек отменил поездку в Западную Германию и выступил с обращением к населению. Политбюро польской компартии ищет выхода из положения, пока еще не прибегая к применению силы. Но это не значит, что сила не может быть применена завтра, и если это случится — могут произойти события исторического значения. Советское правительство не информирует население нашей страны о положении в Польше.

Мы ограничиваемся этим коротким сообщением, так как события находятся в развитии. В следующем номере журнала мы дадим подробную информацию и оценку. Какова будет обстановка в ближайшем будущем — зависит от многих факторов. Рекомендуем нашим читателям внимательно следить за ходом событий в Польше по радиосообщениям и ежедневной прессе.

Зарубежная хроника

- Агентство печати Синьхуа сообщило, что советский гражданин Николай Петрович Шан, завербованный советской разведкой в 1971 г. и переброшенный нелегально через границу в Китай в 1974 г. для военного шпионажа, приговорен к 7 годам тюрьмы. Два его сообщника, китайцы Ван и Шу, приговорены к смертной казни. Ван (завербованный КГБ в 1975 г. после побега из Китая в Советский Союз), казнен, а смертная казнь Шу отложена на 2 года испытательного срока.

- Датское правительство реагировало на переворот в Боливии резким протестом и

немедленной приостановкой экономической помощи. Когда Советский Союз оккупировал Афганистан, датскому социалистическому правительству понадобилось 2 недели, чтобы выработать обтекаемое по форме и смыслу письмо протеста.

- Ранее соглашением Западноевропейского Союза, размеры военных судов, которые может строить Западная Германия для своего военно-морского флота, были ограничены. Минобороны и вспомогательные суда можно было строить водоизмещением до 6 тысяч тонн, а подводные лодки — до 1,8 тысяч тонн. По просьбе командования НАТО, в июле, на заседании в Лондоне, Западно-Европейский Союз единогласно принял решение об отмене всяких ограничений. Это решение мотивировано быстрым увеличением советского военно-морского флота в последние годы. В западных военных кругах считают, что усиление западногерманского военно-морского флота позволит высвободить часть американских и английских сил для действий в других районах.

- ЦРУ опубликовало данные о ходе вооружения Советского Союза. Из этих данных следует, что до 1985 года на вооружение будет расходоваться 15% ежегодного национального продукта. Далее указывается, что основные усилия СССР сейчас сосредоточены на усовершенствовании и производстве ядерного оружия. В частности, разрабатываются три новых типа истребителей, усовершенствованный тип бомбовоза Т-26, новый танк, быстроходные подводные лодки типа „Альфа” (по классификации НАТО), которые благодаря титановой оболочке могут опускаться намного глубже, чем подводные лодки со стальной оболочкой.

- Японское министерство обороны опубликовало „Белую книгу”, касающуюся военного положения Японии. Указывается, что угроза Японии со стороны СССР за последние годы сильно возросла. Стационарирование на Дальнем Востоке бомбовозов Т-26 и ракет среднего радиуса действия, а также использование советскими вооруженными силами вьетнамских портов и аэродромов, ставит Японию под непосредственный удар. „Никогда еще советская угроза не была так велика, как сегодня”, — отмечают составители этого документа. Они рекомендуют немедленно приступить к отстройке и модер-

низации японских оборонительных сил, особенно танковых войск, противовоздушной обороны и военно-морского флота.

● Второй секретарь советского посольства в Ямайке Алексей Лещук вместе с женой, сыном и невесткой попросил политического убежища в Соединенных Штатах и прибыл туда на первой неделе июля.

● Пакистанское правительство потребовало от Советского Союза уменьшить состав посольства (с 200 на 100 человек) и других советских представительств в Пакистане. Президент Зиа заявил журналистам, что численный состав советских представительств не соответствует объему отношений между Пакистаном и Советским Союзом. Он добавил, что ведущееся при помощи СССР строительство сталелитейного завода около Карачи, производительностью 1,1 млн. тонн стали в год, будет продолжаться. Выпуск продукции завода должен начаться уже в этом году.

● Центральный комитет китайской коммунистической партии издал инструкцию практически означающую окончание „культы личности” Мао. Инструкция запрещает строить памятники Мао. Число портретов Мао и его изречений, вывешиваемых в общественных местах, строго ограничивается. То же касается публикации произведений Мао. Изречения Мао удалены со стен всех общественных и государственных зданий, убраны также 4 громадных портрета Мао, находившиеся во Дворце народа в Пекине. Кроме того, в инструкции говорится, что траурные торжества, устраиваемые для умерших функционеров высокого ранга, тоже должны быть скромнее.

● Государственный департамент США опубликовал документацию, основанную на показании беженцев, о применении газов против повстанцев в Афганистане, Камбодже, Лаосе и Эфиопии. Американцы требуют расследования этого вопроса международной организацией. Специалисты считают, что хотя показания беженцев и многочисленны, они недостаточно квалифицированы. Однако, по их мнению, употребление газов в Лаосе вьетнамскими войсками можно считать доказанным. В одном случае, при подавлении сопротивления горных племен, установлено даже число жертв, отравленных газами, достигшее тысячи человек.

● Ангольское антикоммунистическое движение УНИТА сообщило, что его вооруженным силам удалось разрушить портовые сооружения и взорвать большое бензохранилище в городе Лобиту. Коммунистическое правительство подтвердило это сообщение, обвиняя УНИТА в нанесении удара по „народному хозяйству”. Бензохранилище было предназначено для снабжения танковых частей кубинских наемников, оперирующих в этом районе против партизан.

● Поддерживаемая Советским Союзом и базирующаяся в Анголе террористическая организация СВАПО раскололась. Обе стороны обвиняют друг друга в „контрреволюционной и сепаратистской” деятельности. СВАПО при попустительстве ООН пытается захватить власть в Намибии (Юго-Западная Африка).

● В Западном Берлине арестованы два иракских дипломата, аккредитованных в Восточном Берлине, в тот момент, когда они передавали своему агенту чемодан со взрывчаткой. Взрывчатка была предназначена для организации взрыва во время годового собрания Объединения демократических студентов Курдистана. Один из арестованных — первый секретарь иракского посольства в Восточной Германии. Так как на территории Западного Берлина арестованные не пользуются дипломатической неприкосновенностью, против них возбуждено уголовное дело.

● Вьетнамские оккупационные войска в Камбодже сосредотачиваются на границе с Таиландом. По последним сведениям, туда переброшено еще две новых дивизии, и теперь количество войск достигает 50-60 тысяч человек. Кроме того, в этот район перебрасывается тяжелое вооружение. Ханой усилил антитайландскую пропаганду.

● Шах Ирана, скончавшийся в Египте после длительного ракового заболевания, по решению президента Египта Садата похоронен со всеми почестями. Садат не пригласил на похороны ни одного из государственных деятелей, бывших союзниками шаха и потом предавших его.

Все немецкие и большинство других крупных книжных магазинов принимают заказы на наши книги

«Пилю-пилю, а оно всё не золотое...»

Л. ТРОИЦКИЙ

Когда-то блоковская кобылица неуправляемо неслась вскачь по российским степям. Но вот оседлал ее не знающий сомнений наездник, пришпорил и погнал вперед, к светлому будущему. Нынче на всемирном ипподроме включаются в эти скачки с препятствиями и новые лошади, понукаемые нетерпеливыми и самоуверенными седоками. Кто рысью, кто галопом, кто шагом, а кто иноходью — как Югославия — движутся они к цели, столь же далекой, как и раньше.

Ленин указывал, что революции в странах Востока, несмотря на специфические национальные особенности, в главных чертах повторяют опыт революции русской. Если такими чертами считать злоупотребления властью, коррупцию, бюрократизм, экономический и культурный застой, то это предвидение следует признать безусловно верным. Достаточно взглянуть на учеников — как первоклашек, так и тех, кто вот-вот получит аттестат социалистической зрелости.

„Схватив льва за хвост, держи его крепче, а когда он выбьется из сил, убей его”. Эту африканскую мудрость напомнил недавно президент Мозамбика Самора Машел, имея в виду бюрократизм, коррупцию и некомпетентность. Этот зверь виноват в том, что не будет выполнено обещание ФРЕЛИМО: достичь в нынешнем году уровня производства 1973 года, когда 200 тысяч португальцев покинули страну.

Обеспокоенный развалом экономики, которому пока не видно конца, президент решил самолично посмотреть, что же происходит. Он стал внезапно, без предупреждения, наезжать в порты, на фабрики, на склады, в магазины. Повсюду очам его представлялись картины отнюдь не идиллические: продукты, которых нет в магазинах, портятся на складах по причине небрежного хранения, производство простаивает, рабочие прогуливают, пьянствуют, тащат домой что плохо лежит. Президент спрашивает, почему низка производительность одной из посещенных им фабрик. Отвечают, что не хватает рабочих. Но ведь до получения независимости, возражает президент, эта фабрика производила гораздо больше — при меньшем коли-

честве рабочих, получавших меньшую зарплату... Раскрываются крупные злоупотребления в полиции, в различных государственных и хозяйственных учреждениях, в торговле. Как бороться с этой тотальной неразберихой и бестолочью, которую уж никак не свалить ни на колонизаторов, ни на южно-африканцев? „Формировать нового человека, ликвидировать пережитки колониального прошлого в сознании людей” — находчиво предлагает президент, нисколько, видимо, не смущаясь противоречием: получается, что люди с отсталым сознанием раньше работали лучше, чем теперь человек, в которого внедряется сознание передовое.

Примеру мозамбикского вождя последовал его ангольский коллега. По принципу „новая метла чище метет”, он тоже, как гром среди ясного неба, нагрянул в столичный порт. Картина мало чем отличалась от той, что увидел в Мапуту Самора Машел: месяцами лежащие без движения грузы, продукты, испорченные неправильным и неоправданно долгим хранением, сотни новеньких грузовиков и легковых автомобилей, так нужных народному хозяйству. После данного „не отходя от кассы” разноса порт начали освобождать от скопившихся в нем грузов. Значит ли это, что новый президент добавит к своим многочисленным титулам и звание директора порта? Время покажет.

Что касается производства, ангольское руководство, в отличие от своих мозамбикских единомышленников, и не мечтает в ближайшем будущем достичь уровня 1973 года. Официально признано, что кабиндская нефть — практически единственный источник поступления твердой валюты. Производство кофе, хлопка, сизаля резко снизилось. Имеющая богатые сельскохозяйственные возможности страна ведет трудную борьбу, чтобы самообеспечиваться продуктами питания, многие из которых импортируются. Производительность труда катастрофически низкая, страшно раздут и неэффективен бюрократический аппарат. Как следствие — нехватка большинства товаров. Когда в убогом ассортименте в магазины завозят одежду, обувь, посуду, их осаждают огромные

очереди, в которых люди стоят (или сидят) целыми днями, и зачастую так и остаются ни с чем: много товаров уходит „налево”, для друзей, знакомых и родственников. В этом свете до тошноты повторяемый лозунг „Самое важное — удовлетворять запросы народа” звучит чисто декларативно.

Кубинцы — ученики постарше. Им тоже трудно: тяжелое наследие колониального прошлого, империалистическое настоящее в виде американской блокады. Несмотря на наше репетиторство, успеваемость их по экономическим предметам явно отстает от успехов в занятиях, не предусмотренных программой. Так, некоторые ученики скорее выучиваются курить, чем решать уравнения. Выясняется, что на Кубе вместо социализма возникло нечто иное, называемое в народе „сосолизо”, что можно перевести как „тымнеятебизм”, когда все достается по знакомству. И здесь бюрократизм цветет махровым цветом, производственная дисциплина хромает на обе ноги и трудового энтузиазма, несмотря на поголовное соцсоревнование, как-то не наблюдается. И удивляется Фидель: охотнее соглашаются ехать добровольцами в Эфиопию или Анголу, чем ежедневно трудиться с полной отдачей на своем рабочем месте. Как водится, Фидель все разъяснил и растолковал: прискорбно низка еще сознательность, а чтобы ее поднять, нужно усилить требовательность. Необходимо „непримиримое отношение к каждому факту нарушения дисциплины, к всепрощенству и кумовству”. Что-то очень знакомое слышится в этих речах: „преступная болезнь благодушия” — помните указания Вождя и Учителя?

А как же, спросим мы, быть с железным тезисом основоположников: бытие определяет сознание? Стало быть, при капитализме (будь он трижды неладен) оно действительно определяет, пролетариат становится настолько сознательным, что начинает бороться за социализм, а когда его получает, вдруг оказывается таким несознательным, что не желает трудиться на собственное благо (эксплуататоров-то нет!) и становится сам себе враг! То есть в понятие „враг народа” включается весь народ... А коли своего счастья люди не понимают, надо усилить т р е б о в а т е л ь н о с т ь, — чтобы от работы не отлынивали!

Пока еще не достиг человек такого уровня сознательности, чтобы шагать на работу, бодро распевая: „Трудовые будни — празд-

ники для нас”. Требуются меры принуждения и поощрения, „кнут” и „пряник”. При капитализме „кнут” — это боязнь потерять место и заработок, обусловленная избытком рабочей силы. А „пряник” — возможность приобрести на заработанные деньги различные товары и услуги. Впрочем, эффект „кну-та” ослабляет мощное профдвижение, а эффект „пряника” снижается инфляцией. При социализме „кнут” безработицы устраняется (не принимаем в расчет безработицу скрытую, существующую среди определенных категорий интеллигенции), а „пряник” почти напрочь теряет свою капиталистическую привлекательность, по причине нехватки товаров, их скверного качества, высокой цены, воровства в торговле, системы привилегий в распределении, и многих других экономических и социальных причин. „Хочешь, жни, а хочешь, куй, — все равно получишь...” — говорят по этому поводу в народе. Применять „кнут” безработицы нельзя: это противоречит догме, согласно которой труд является обязанностью. Подсластить „пряник”, увеличив количество и качество товаров (несмотря на все „пятилетки качества”), тоже не удастся по причине заколдованного круга: работают плохо, потому что пряника нет, а пряника нет, потому что работают плохо. Выход один: „кнут” проташить под сурдинку, в завуалированном виде. И начинают раздаваться призывы-приказы: повышать „требовательность”, „сознательность”, „укреплять дисциплину”. То есть давно осужденное как „волюнтаристическое” стремление развивать экономику при помощи чисто административных мер.

Именно такие призывы слышим мы нынче в наших палестинах. Учителя сталкиваются с теми же проблемами, что и ученики. Разве что подняв их на более высокую ступень, отчего сущность не меняется. И чешем мы затылки: как оно получается, что с одной стороны „мы делаем ракеты, перекрываем Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей”, а с другой — мяса в магазинах нет, пшеницу прикупаем у идейных противников, бескорыстно помогаем дружественному Афганистану — без всякой гарантии, что он не повернет нам зад, как в недавнем прошлом повернул дружественный Египет. И какой нам навар с этих спутников и достижений в области балета или хоккея с шайбой — если ниток, бывает, не купишь, зубной пасты не доищешься, на поезд билет через кассу не достанешь, по междугородне-

му телефону не дозвонишься, в детсад ребенка не отдашь, квартиру даже за свои любезные так просто не построишь. Уже до того дошло, что министров поименно распекали на пленуме. А ведь главный распекающий, чтобы виновников увидеть (если уж искать такового), не должен был и в зал смотреть: достаточно было поставить на трибуне зеркало, да пошире, чтоб и президиум захватить.

Не странно ли, что после шестидесяти с лишним лет хронического пренебрежения к нуждам населения, возведенного в закон экономической политики (группе А — опережающие темпы всегда, а кто о более быстром развитии группы Б только заикнулся, сразу в группу Б — бывших — и перешел: Маленков), после всех этих лет преимущественного развития тяжелой промышленности, обсуждается в ЦК вопрос „О значительном повышении технического уровня и конкурентоспособности металлообрабатывающего, литейного и деревообрабатывающего оборудования и инструмента”? Раз „о значительном повышении” — значит и отставание значительное. И если таковы „опережающие” темпы, то каковы тогда темпы обычные, удел промышленности легкой? Куда же они смотрели — эти всех ведущие и все направляющие мудрецы, вдохновители и организаторы всех наших побед? Наверно, смотрели куда надо, но — сознательность ведомых, вдохновляемых и организуемых, знаете ли, слабовата... И значит ее, эту сознательность, нужно сверху неумолимо в административном порядке насаждать. Взять хотя бы последнее постановление „О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров”. Очевидно, что меры в основном ограничительно-запретительного характера. Если раньше заявление об уходе надо было подавать за две недели, теперь — за месяц. Если увольняешься по собственному желанию дважды в течение года „без уважительных причин” (а кому решать, „уважительные” они или нет, как не администрации?) — теряешь непрерывность стажа, что немаловажно, так как влияет на пособие по временной нетрудоспособности и на оформление пенсии. Короче, предпочтение отдается отнюдь не прыжку.

Социалистическая кобылица скачет вот уже седьмой десяток лет. И все недоумевает обманутый Паниковским простодушный Шура Балаганов, надеясь найти золото в чугунной гире: „Что такое — пилю, пилю, а оно все не золотое”. И похоже, как сказал поэт,

„лошадь устала степями скакать”. И трудящиеся, чья сознательность, согласно теории, давно должна была подняться на недостижимую высоту (как и производство мяса, молока и масла на душу населения, высокопроизводительные колхозы и совхозы, бесплатный транспорт, обеспеченность жильем — смотри Программу КПСС), как выясняется, упорно отлынивают от высокопродуктивной работы на им же принадлежащих нивах и фабриках, выполняют свои обязанности спустя рукава. А партийные дяди, цокая снисходительно языком, смотрят на них как на неразумных детей, которых почаще надо ставить в угол. Ибо у партийных дядей-опекунов имеется метода, подобная беспроигрышной лотерее: все достижения записывать на счет своего мудрого руководства, даже тогда, когда их добиваются вопреки оному, как в генетике или в кибернетике, а все провалы объяснять низкой сознательностью масс, даже тогда, когда эти массы строго следовали вышестоящим указаниям, как в сельском хозяйстве. Они хитрые — эти важные гуси, всегда выходящие сухими из воды.

В Африке ученики стараются удержать льва за хвост. У нас в России, наверно, умнее вспомнить нашу поговорку: не удержался за гриву, за хвост не удержишься.

Москва, июль 1980

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат. Избранное. Выпуск № 38

„ЖЕНЩИНА И РОССИЯ”
Самиздатский журнал, избранные статьи

*

КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ ТАТЬЯНЫ ВЕЛИКАНОВОЙ
информационный бюллетень № 1

Требуется **машинистка**, владеющая русской клавиатурой (желательно также умение печатать по-немецки), — для переобучения работе на фотонаборной машине.

Polyglott-Druck GmbH
Flurscheideweg 15
6230 Frankfurt/Main, 80
Telefon: 34 21 61

Идейное развитие НТС

А. АРТЕМОВ

50 лет назад, 1 июля 1930 года, в Белграде открылся первый, учредительный съезд Национального союза русской молодежи, как первоначально был назван нынешний НТС. В том, что организация существует столь долгое время, есть свои минусы: за полвека она не добилась своей основной цели — раскрепощения родины. Но есть и плюсы: живучесть показывает глубинную сущность, витальную силу, а также соответствие условиям и требованиям времени.

История НТС за прошедшие 50 лет, при обстоятельном ее изложении, могла бы занять несколько томов, а доклад с беглым обзором событий на всех этапах и по всем направлениям, скорее всего, оказался бы ущербным. Поэтому кажется наиболее целесообразным сосредоточиться на одном аспекте истории организации, в данном случае — на ее идейном развитии. Да и здесь, в силу необходимости, придется ограничиться теми идеями, которые, при естественной доле субъективного подхода, могут быть отнесены к наиболее существенным (по крайней мере, для настоящего времени).

Все же и тут не обойтись без „предыстории”. Поскольку диалектика учит всякое явление изучать на фоне всеобщих связей, то и для возникновения НТС нужен, помимо прочего, некоторый исторический фон. Думается, что наиболее подходящим исходным пунктом для предыстории НТС было бы состояние России перед первой мировой войной. Стабилизация реформированной государственной системы (с потенциальными дальнейшим органическим развитием), всеобщее народное образование, культурный расцвет, промышленный подъем, ликвидация последних остатков крепостного права и развитие новых путей в сельском хозяйстве, — все это, как и многое другое, характеризует определенный кульминационный пункт в истории страны, при всей сложности ее общественной проблематики. И недаром 1913 год — отправной в советской статистике.

Статья написана на базе доклада, прочитанного на собрании франкфуртской группы НТС 1.7.1980 г.

Первая мировая война, революционные события, гражданская война, массовая эмиграция, — все это составило целый калейдоскоп исторических явлений. Эмигрантская общественность, в политическом отношении — слепок предвоенного внутривосточного спектра, в основном занялась бесконечными спорами на большую тему о том, кто виноват в катастрофе, причем у каждого виноватыми оказывались всегда „другие”. У подрастающего поколения естественно складывалось убеждение, что сама такая разногласица, с эгоцентрическим уклоном, с желанием взвалить ответственность на „других”, — и есть, пожалуй, основная причина катастрофы. Белое движение, противостоявшее „партиям”, было привлекательнее уже тем, что его участники в решающий период истории не только осознали личную ответственность, но и нашли в себе мужество включиться в действительную борьбу против антинациональной диктатуры. И неудивительно, что сознательная, активная часть национально-мыслящей молодежи группировалась вокруг Российского общевойскового союза (РОВС). Из этих кругов вышли инициаторы НСРМ, и можно считать, что нынешний НТС ведет свою родословную от умеренно-правого сектора общественно-политического спектра первой эмиграции.

Молодое поколение взрослело, за десятилетие 20-х годов даже отроки становились совершеннолетними. В местах скопления возникли кружки русской молодежи (при учебных заведениях, предприятиях, клубах), союзы русской молодежи (по странам пребывания). Начались поиски собственного пути, собственных решений, устремленных не столько в прошлое, сколько в будущее. И даже в переменах названия отразилось внедрение социально-политических элементов в идеологию новосозданной общей организации: Национальный союз русской молодежи — Национальный союз нового поколения (отмежевание от старых течений, 1932) — Национально-трудовой союз нового поколения (труд как ядро социальной проблематики, 1936) — Национально-трудовой союз

(объединение единомышленников всех поколений, 1943) — Национально-трудовой союз российских солидаристов (уточнение идеологического профиля, 1946) — Народно-трудовой союз российских солидаристов (перенос акцента на социальный аспект дела, 1957). Итак, создана и развивалась идейно-политическая организация, то есть политическая организация не конъюнктурного, а принципиального характера, опирающаяся на строгую систему определенных идей, позиций и принципов, обеспечивающих четкость и честность ее устремлений. Эта система не догматична и не тотальна (не всеобъемлюща); скорее это — каркас, сваи, которые необходимы и достаточны для устойчивости основ и последовательности развития организации. С другой стороны, она не обязательно утверждает, что мир, человек, общество устроены так, а не иначе; скорее, она выделяет, под определенным углом зрения, во всем окружающем многообразии, те явления, факторы, тенденции, которые можно считать положительными, на которые можно опираться, которым можно и должно содействовать.

Идейное развитие НТС можно распределить по трем направлениям: философско-социологическое, социально-политическое и тактико-стратегическое (плюс организационное). Исходный импульс рождения организации, по всем данным, был чисто эмоциональным; как сказал один из инициаторов объединения, молодые люди были обуяны мыслью-желанием „Надо что-то делать!“. Юношеское мироощущение, любовь к родному, потребность действия скоро вылились в краткую пра-идеологическую формулу, той же трехчленности, ставшую надолго популярной: *идеализм — национализм — активизм*. Рациональное, теоретическое раскрытие этой формулы составило предмет главных направлений дальнейшего идеологического и программного творчества. В частности, оно отвело организацию от первоначальной тактики голого активизма (вплоть до индивидуального террора) к стратегии Национальной революции, идейно оснащенной. В те времена и в той обстановке (когда само слово „революция“ звучало плохо, а „контрреволюция“ — хорошо) уже одно выдвижение идеи новой революции было само по себе революционным.

В общем идейном отношении Союз противостоял политическим флангам — социализму (это понятно) и либерализму (это станет

яснее, если учесть, что начало 30-х годов ознаменовалось самым глубоким кризисом либерально-капиталистической системы). Консервативных „правых“ тут можно оставить в стороне, поскольку они чуждались политических идеологий и политики вообще; умеренные правые скорее относились доброжелательно к национальной молодежной организации, но реакционные течения (т. н. „зубры“) скоро заняли критические и даже враждебные позиции.

Теоретическое оснащение началось, собственно, еще в „предысторический“ кружковой период: читались доклады, лекции, с приглашением авторитетных специалистов разных гуманитарных областей; возникали конспекты, издавались брошюры, позже оформились периодические издания, страницы которых наполнялись теоретическими материалами. Особенно этот процесс принял широкий размах после решения второго съезда Союза (декабрь 1931 г.) о политической учебе кадров. Соответствующие конспекты составили содержание Курса национально-политической подготовки (НПП), материалы которого были изданы в виде книг в 1938-1939 годах (т. н. „зеленые романы“). Были еще Курс изучения СССР и Курс обще-технической подготовки, но идеологически важен именно „Курс НПП“.

„Курс национально-политической подготовки“ был запланирован в пяти частях: 1. Основы национального мировоззрения; 2. Основы народного хозяйства; 3. Социальная, экономическая и политическая жизнь; 4. Исторический отдел (история России); 5. Национально-трудовой солидаризм. Успели выйти три части-книги: первая, третья и четвертая.

Просматривая тексты Курса, библиографию к нему, а также брошюры и страницы союзной газеты „За Россию“, можно видеть диапазон имен, оставивших крупный след в тех или иных областях знаний — имен мировых и отечественных. Не считая классиков (с античных времен до прошлого века), можно выделить: в области философии — А. Бергсона, И. Хойзинха, М. Шелера, но и братьев Трубецких, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, С. Л. Франка, И. А. Ильина; в области социологии — Тарда, Лебона, Шпенглера, Ферреро, Ортегу, но и П. А. Кропоткина, Е. Спекторского, П. А. Сорокина; в области государства и права — Еллинека, Дюги, Дюркгейма, но и Л. Петражицкого, Н. Н. Алексеева, Г. К. Гинса; в области экономи-

ки — М. Вебера, Дж. Кейнса, Е. Бем-Баверка, но и М. И. Туган-Барановского, А. Д. Билимовича, В. Ф. Тотомианца...

В результате первичное мироощущение вышло в стройное мировоззрение, в конечном счете изложенное более-менее четкими философско-социологическими тезисами, составившими Введение к Программе НТС. В нем наиболее сильно влияние русских философов XX века — Бердяева, Лосского, Франка, отчасти И. А. Ильина. Конструктивный стержень его составляют: органическое мировоззрение, или идеал-реализм (мир как органическое целое, как единство многообразия, с приматом духовного начала и абсолютных этических ценностей), персонализм (утверждение самостоятельного значения человеческой личности, с долгом служения высшим ценностям) и солидаризм (приоритет солидарности перед борьбой, единение в свободном служении высшим ценностям). Естественно, что эти краеугольные положения мало менялись на протяжении десятилетий постоянной работы (критической и творческой) над программными материалами, поскольку основоположные утверждения, по природе своей, должны быть устойчивыми при всех периферийных переменах в потоке жизни. Кстати, один из самых крупных „диссидентов”, ознакомившись с нашей Программой, сказал о Введении: „Это — лучшее из всего, что вы создали”.

Что касается социально-политических идей НТС, то, собственно, их можно свести к трем основным, которые отразились в названиях Союза: нация, труд (с примыкающей направляемой экономикой), солидаризм. Солидаризация общества, при сочетании свободы с регулированием социальных процессов, связана с определением фактора, волевого ядра, субъекта солидаризации, способного оказывать влияние на общественное развитие. НТС тут руководствовался социологической схемой трех факторов: автоматический (стихия, масса), авторитарный (властное начало) и автономный (независимое, инициативное, творческое ядро). Последний практически сводится к т. н. „элите”, к ведущему слою общества, творческому активу народа, творцу национальной культуры. Обращение к этому фактору, выдвижение его доставило немало хлопот идеологам НТС, поставило организацию под удары демагогической критики: мол, НТС себя и воображает элитой, стремится к захвату власти и к замене боль-

шевистской тоталитарной диктатуры своей, „солидаристской”. На самом деле у НТС речь шла о противоположном — о защите ведущего слоя народа от диктатур (всегда в первую очередь стремящихся „снять непокорную голову” общества), о создании условий для свободного формирования и свободной деятельности ведущего слоя. В развитии Программы положение о ведущем слое было перенесено из собственно программной части в социологическое Введение, и это было верно — по существу и пропагандно-психологически.

Национализм НТС раскрывается как национализм российский — не узко русский, не великорусский. Российская нация понимается как нация многонародная, как национальное единство многообразия. В развитии программных положений, формы государственного сосуществования все больше расширяются (с учетом изменений в самосознании нерусских народов России, а также в мировой обстановке) — от малой автономии, через федерацию, до конфедерации; при этом сохраняется основная идея России как „свободного союза свободных народов”. Эта идея российской нации и эта способность учета общественных процессов, приурочения к ним главного замысла, основной идеи, — исключительно важны в развитии дела НТС. Суровые уроки истории учат нас, как максимализм в целях и разрыв с реальностями (лозунг в гражданской войне: „либо единая и неделимая Россия, либо пропадай все пропадом”) приводят к катастрофе (все „пропадает пропадом”).

Идея труда как социального критерия личности, как осмысления жизни, как главного пути служения нации, как стержневого фактора национальной, народной солидарности — в программном плане оформляется в виде привлечения трудящихся к участию во владении, управлении, в доходах предприятий, а также в виде той или иной формы включения трудовых объединений в систему государственных учреждений. Это в известной степени роднило НТС с национально-тоталитарными и авторитарными режимами 30-х годов (особенно с португальским, где одна из палат парламента составлялась из представителей трудовых корпораций). Однако это было единственным, что привлекло внимание НТС у „новых режимов”, которые, среди прочего, изучались в Курсе НПП и анализировались на страницах прессы НТС (как, впрочем, и социальные реформы Руз-

вельта в США, ограничившие капитализм).

Вообще же можно считать поразительным для того времени, насколько молодая российская национальная организация, в атмосфере широкого преклонения радикально-антикоммунистических элементов перед преуспевавшими режимами фашизма, национал-социализма, сразу распознала и отвергла их сущность. Ни вождизм, ни расизм не получили признания:

„... мы... далеки от мысли копировать какую-нибудь систему... то, что применимо, скажем, в Италии или в Германии, может быть гибельным для России”. (Брошюра „Национальный Союз Нового Поколения”, Белград, 1935)

Антисемитизм же был просто игнорирован: ни в официальных документах, ни в союзной прессе „еврейского вопроса” вообще нет.

Это не прошло незамеченным в известных правых кругах эмиграции. Один из консервативных журналов писал: „Нельзя молчать о евреях, как это делает НТСНП”. На что, наконец, один раз раскачавшись, в газете „За Россию” (№ 78, 1938) ответили:

„Неужели же не унижительно для русского национального достоинства сваливать все несчастья на „жидо-масонов” и искать новый путь для России через „бей жидов, спасай Россию! „?”...

Вообще правый фланг, по мере развития НТС, проявлял все большее недовольство им. В манифесте Имперского союза „За русскую Россию” говорилось, что „псевдонациональная” печать „раздувала” НТСНП, который был „взращен” масонами („За Россию” № 67, 1938). В заявлении Исполнительного бюро НТС от 15 марта 1939 года („За Россию” № 77) было отмечено:

„За последнее время можно наблюдать в части зарубежной печати злые и явно недобросовестные выпады против Союза. В них любопытно и знаменательно то, что Союз привлек на себя гнев некоторых представителей старой общественности нашей верой в свою правду и свою идею („провинциальная самоуверенность”), нашим устремлением к разрешению основных социальных вопросов („эсеровский дух”) и нашим отказом идти с ними по отжившим путям”...

Объективно говоря, у критиков была своя доля правды: молодежь из НТСНП немало бравировала юношеским задором, и тон союзных писаний большей частью был довольно самоуверенным; дух разрешения социальных вопросов во многом был близок к народническому — в той мере, в какой народническая идеология приближалась к солидаризму.

Программная документация может быть прослежена в хронологической последовательности (которая, в данном случае, совпадает с логической). Но сначала хочется привести документ, характеризующий первоначальное отношение к программным разработкам вообще, имевшее хождение в организации. В первом же номере газеты „За Россию” (март 1932 года) первые же строки передовой статьи гласили:

„Приступая к изданию своего органа, мы считаем необходимым заявить, что в основу всей нашей работы кладется одна цель — освобождение России от большевистского ига. В этой работе мы считаем ненужными самые стройные программные положения и теории без дела, с бесконечной полемикой, оторванными от жизни. До тех пор, пока Россия под коммунистическим игом, ни от партий, ни от программ здесь ей легче не будет.

Спор о тонкостях теоретических обоснований, о форме правления — размышления „из приятного далека”, пустословие и ненужная трата энергии и сил...

Что пожелает русский народ после коммунистов, — предопределить отсюда нельзя. Мы знаем, что ему нужно прежде всего освободиться от рабства. К этой свободе мы стремимся, на нее мы работаем”...

Этот революционно-прагматический нигилизм противоречил уже начавшейся работе по Курсу НПП, где анализы завершались позитивными предложениями, а потом сама практика освободительной борьбы потребовала ответов — не только против чего, но и за что бороться. Программа оказалась мобилизующим инструментом борьбы. Пришлось сначала передвинуть сроки „до встречи с народом” (которая действительно произошла в годы войны и действительно привела к созданию подробнейшего программного документа), а затем все-таки выпустить еще до войны „Программные положения”, развившие краткие „Идеологические положения” I съезда.

Общий перечень программных документов выглядит следующим образом: „Идеологические положения НСРМ” (1930) — „Программные положения НТСНП” (1938) — „Схема национально-трудового строя” (сводный проект, 1942) — „Программа НТС” 1946 года (типографское издание, с небольшими изменениями, 1948 года), затем идут варианты, после основательных пересмотров, 1950, 1959 и 1974 годов.

„Идеологические положения” первого съезда, помимо краткого введения из двух абзацев, составили всего шесть пунктов:

1. Установление твердой центральной власти, стоящей под партиями и классами, черпающей свою

силу в идее служения России и проникнутой сознанием своей ответственности перед Россией.

2. Установление личных свобод, равенства всех перед законом и отсутствия классовых и сословных привилегий, как основных условий личного и общественного прогресса и создания духовных и материальных ценностей.

3. Проведение во внешней политике здорового национального эгоизма; в отношении славянства продолжение традиционной политики России, направленной к возможно более тесному культурно-политическому единению славян.

4. Признание за народностями, входящими в Россию, права на национально-культурную самостоятельность.

5. Разрешение земельного вопроса путем создания крепкого мелкого землевладельца-собственника, как основного общественно-хозяйственного фактора, с соблюдением общегосударственных интересов.

6. Установление свободы экономических отношений, могущей быть ограниченной лишь в интересах государства; в частности, в области взаимоотношений труда и капитала — ведение государством активной политики, направленной к регламентации этих отношений и охране экономически слабых слоев населения.

Сочетание твердой власти, надпартийной и надклассовой, со свободой и равенством граждан могло, особенно в те времена, казаться противоречивым. На самом деле это был поиск солидаристического синтеза свободы и порядка, в их органическом взаимодействии (взаимодополнении и взаимоограничении). Соответствующие решения прослеживаются на всем протяжении развития программных вариантов.

Следы славянофильства, граничащие с панславизмом, тут же оттесняются заботой о полиэтническом и поликультурном характере России, что скорее выдвигает (из противоборствующих течений в русской общественной мысли) идею о евразийско-биконтинентальной сущности российского государства, а также идею „русского национализма”, о котором уже говорится во введении к „Идеологическим положениям” и который с исключительной четкостью уточняется в комментариях Исполнительного Совета Союза по „основам национального мировоззрения” (брошюра „Национальный Союз Нового Поколения”, 1935) :

„Российская национальная государственность сложилась из множества отдельных национальностей, причем основная — русская... включая, а не стремясь угнетать и поработать... создала единственную в истории империю без колоний, государство разноплеменное по происхождению, но единое по духу и культуре.

Учитывая эту особенность прошлого, мы должны и наше будущее строить на принципе „включения”,

а не „поглощения”, а потому строго различать национализм „русский”, творческий, объединяющий все племена и народы России, он национализма „русского”, неизбежно приводящего к нездоровому великорусскому шовинизму.

Поэтому, служа всей России, мы исповедуем и утверждаем Российский Национализм”.

Относительно „единства культуры” тут не обойдешься без некоторых дополнительных соображений. Безусловно, в сосуществовании народов, в их совместном творчестве создается и общая культура; частично она ассимилирует отдельные элементы разных этнических культур. Но что-то, по природе своей, настолько присуще только частным культурам, что не может быть обобщено. Важнейший из таких элементов есть религия.

Идеология НТС глубинно укоренена в духовных ценностях. Введение к Программе НТС утверждает, по меньшей мере, признание метафизического духовного начала и его ведущего значения в развитии мира и общественной жизни. Но практически, в общественном и государственном плане, религия выступает в форме церковности. Для многонародной и многорелигиозной России тут возникает особенно сложная проблематика по взаимоотношениям между государством и Церковью. НТС и здесь, с первых шагов, принял смелое логическое решение. В „Программных положениях” 1938 года есть особая глава „Религия и Церковь”, где сказано:

„1. Предоставление одинаковых прав всем религиям в России.

2. Руководящая роль Православной Церкви в религиозной жизни русского народа (тогда НТС включал сюда белорусов и украинцев. — А. А.).

3. Религиозные организации должны быть свободны и самостоятельны, пользоваться поддержкой государственной власти, но быть от нее организационно независимыми”.

В дальнейшем развитии была подчеркнута свобода религиозной жизни, для обеспечения которой Церковь юридически отделяется от государства, а государство „занимает позицию благожелательного содействия”.

Думается, что тут найдены оптимальные определения. Будучи полностью свободной, не принуждаемой и не принуждающей, Церковь получает наибольшие возможности здорового развития. Какое-либо сращение ее с государственной властью, как правило, вредит обеим сторонам. Уроки истории, да и современности, нельзя не учитывать: религиозно-полицейские режимы могут, наравне с атеистическими диктатурами, доходить до жестокостей, перемещая приоритеты духов-

ного и формального, извращая самые милосердные учения. И еще неизвестно, что больше вредит религии — порабощение или извращение.

Последние пункты „Идеологических положений” говорят об экономической свободе и ее регулировании в интересах общего блага. Впоследствии была разработана система трех секторов народного хозяйства (частный, общественный, государственный) и выдвинут принцип направляемой экономики, сочетающий хозяйственную инициативу с генеральным регулированием, но отклоняющий как капиталистическую анархию, так и социалистическое тотальное планирование.

Регламентация трудовых взаимоотношений больше перешла на систему „трудовых союзов”, которая одно время просто вращалась в структуру государственной власти, образуя одну из палат законодательного органа (парламента). В нынешней программе система „трудовых союзов” примыкает к центральной законодательной власти в лице „Совета труда” как законосовещательного органа. Тут многое еще не до конца разработано, и идея эта нуждается в развитии.

Одновременно, в поисках наиболее приемлемых форм российской государственности, был выдвинут принцип ступенчатого „делового представительства”: высшие ступени управления составлялись из делегатов низших ступеней, и выборы тут происходили в условиях деловых контактов, при знании деловых качеств кандидатов. Идея эта заимствована из проекта крупнейшего русского государственного деятеля начала XX века М. М. Сперанского. В ней много здравого смысла, и она сохранена в нынешней программе для системы местных самоуправлений, которая завершается верхней законодательной палатой. Но тут тоже еще есть что уточнять и над чем работать.

Остается коснуться главной социальной идеи НТС — солидаризма. Идея эта, по всем данным, впервые выдвинута французскими мыслителями в XIX веке, замысел ее ясен, но точное формулирование тут оказалось затруднительным. Суть дела заключается в том, чтобы, избегая крайностей либералистического индивидуализма и социалистического коллективизма, сочетать свободные устремления людей с координацией этих устремлений на основе солидарного сотрудничества во имя общего блага и высших ценностей. Как идея синтетическая, а стало быть, в известном плане промежуточная, она

допускает крены в ту или иную сторону (а также и вызывает критику с обеих сторон).

Идеологи НТС с самого начала отвергли французский солидаризм (Леон Буржуа, Шарль Жид, Дюркгейм), „дух которого пропитан отжившим учением либерализма”, но и фашизм, национал-социализм, оперировавшие понятиями национальной солидарности и личного долга, поскольку все это „имеет явно коллективистический уклон” (Курс НПП). Суть дела тут в принципе, механизме и субъекте регулирования свободы, и кажется, что в Заявлении Совета НТС к 50-летию дана формулировка, помогающая устранить недоразумения: там сказано о „демократическом саморегулировании” жизни общества, а это значит, что, в конечном счете, само общество, народ, регулирует собственную жизнь через демократическую государственность, поскольку подлинно демократическое государство есть форма самоорганизации народа. Что же касается противоречивости понятий свободы и регулирования, то этот вопрос наглядно разъяснен Г. К. Гинсом в его теории „координационного права”, где координация, минимально ограничивая частные свободы, максимально обеспечивает возможности общей свободы (пример с регулированием уличного движения, когда регуляторы обеспечивают нормальное движение каждому, а отсутствие их зачастую ведет к полной утрате свободы передвижения всеми).

Что касается тактико-стратегических идей (с примыкающими сюда некоторыми организационными принципами), то прежде всего надо отметить довольно скорый переход от простого „активизма”, индивидуальных и групповых „боевых действий” к генеральной идее Национальной революции, которая десятилетиями вдохновляла деятельность организации, питала ее динамизм, направляла отстройку ее революционной сети в России. В числе задач, поставленных перед Союзом его вторым съездом (25-28 декабря 1931 года), в качестве первого пункта значится: „Подготовка в России национальной революции”.

Этим определялась, между прочим (наряду с общими соображениями защиты от вражеской инфильтрации), та перестройка организационной структуры Союза, которая была предпринята на третьем съезде (15-19 апреля 1934 года): выборное начало снизу было отменено, во главе организации поставлен Совет Союза, установлены степени член-

ства, в зависимости от вклада в общее дело. Революционная борьба требовала строгой дисциплины, конспирации, квалификации членов по компетенции и активности. Союз стал пониматься как служебная организация, а потому и принимал формы, присущие служебным организациям (Церковь, орден, академия): ступени служения, отбор сверху, а не снизу. Однако при этой замене демократического принципа централистическим была отклонена наиболее централистическая форма вождизма, вошедшая тогда в моду; Совет стал коллегиальным ведущим органом, который внутренними решениями определяет свой состав и выбирает из своей среды Председателя Союза, Исполнительное бюро и Высший суд. Эта структура себя полностью оправдала для своего времени, особенно в годы военного подполья.

После войны, для зарубежных условий либеральных стран, эта структура была несколько изменена, приняв характер „ступенчатой демократии“: Совет стал переизбираться снизу, Руководящим кругом, но в этот „избирательный корпус“ члены Союза входят в зависимости от степени активного служения общему делу. В этой концентрически-градуальной структуре есть свой объективный смысл: правда демократической государственности — в выявлении „общей воли“ как юридической базы строя, но ее неправда — в разрыве между правами и обязанностями граждан, и тогда служебные организации вносят коррективы отбором квалифицированного актива.

Для условий революционного подполья в России была применена „молекулярная“ форма организации: система одиночек и малых групп, не связанных между собой и осуществляющих единство действий в результате „дистанционного“ руководства из общего центра, находящегося вне досягаемости для карательных органов власти.

Идея революции, в первоначальном узком ее понимании, концентрируя на себе все стратегические и тактические мысли, подавляла всякие расчеты на другие возможности радикальных перемен в стране. Программа НТС вплоть до 70-х годов категорически отвергает „надежды“ на какую-либо эволюцию режима или заговор на верхах власти, хотя в документах руководящих органов и в прессе Союза для послесталинского периода предвиделись новые явления в общественности страны и в лагере власти задолго до того, как эти явления приняли заметный размах.

Лишь в 1972 году в брошюре „Стратегические проблемы освободительной борьбы“, составленной Стратегической комиссией Совета НТС, и в резолюции Совета НТС „О власти, освободительном движении и НТС“, а затем в Программе НТС 1974 года, был обобщен опыт реформистского „демократического движения“ в общественности страны и ревизионистских настроений в лагере власти, и речь пошла о „путях смены режима“ (разрушение партийных монополий в борьбе за осуществление народных требований, захват власти группой заговорщиков на верхах, всеобщее восстание против диктатуры) и о расширенном понимании революции как ускоренного процесса радикальных перемен.

В 80-е годы нашего века НТС вступает с новыми тактико-стратегическими идеями, означающими, по существу, прорыв в лагерь власти и мобилизацию всех конструктивных сил страны на борьбу за радикальную смену режима: резолюции Совета НТС призывают к выдвижению альтернатив существующему положению, к борьбе за осуществление этих альтернатив, к созданию автономных общественных факторов, противостоящих власти, всех активных и ответственных граждан в народе, в обществе и в правящем слое.

НТС стремится к устранению коммунистической диктатуры, к созданию нормального демократического правопорядка, к воплощению принципов солидаризма в процессе органических реформ. На всех этих ступенях нашей триединой цели мы должны располагать достаточно солидными знаниями и материалами по комплексу политических наук. И в новую фазу существования нашей организации мы должны внести тот идейно-творческий порыв, который охватывал Союз в первые годы его жизни.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Русская национальная газета

Основана в 1921 г. в г. Сан-Франциско

Отделы: религия, наука, история, политика, литература, женский, спортивный, хроника, медицинский, юмор, крестословицы.

Выходит 5 раз в неделю (вторник-суббота)

Подписная плата: 1 год — 40 ам. долл., 6 мес.

— 22 ам. долл., 3 мес. — 13 ам. долл., 1 мес. —

5 ам. долл. Адрес:

„Russian Life“, 2458 Sutter St., San Francisco, Ca. 94115

Тел.: (415) 921-5380, 5381.

Последнее средство

Ю. БЕЛОВ

Насилие всегда порождает ответное насилие. История полна примеров сопротивления насилию насилием, удачными и неудачными попытками возмездия за убийство, издевательства, унижение человеческого достоинства.

В России, особенно в конце XIX века индивидуальный террор получил широкое распространение. О нем, а также о его причинах существует обширная литература.

Но и вся история советской власти полна покушений и террористических актов. С самых первых лет пришествия к власти коммунистов их противники не прекращали отчаянного сопротивления и актов мести: стреляли в большевистских комиссаров, в активистов, проводивших коллективизацию, убивали за границей советских полпредов и т. д.

Вначале, чтобы объяснить свою собственную жестокость, свой массовый террор, большевики сообщали о некоторых „вражеских террористических актах”. Конечно, подавая их в своем, марксистско-классовом освещении. К этому надо добавить, что и разрушение символических предметов (памятники вождей, красные знамена и т. п.), не наносившее никому физического ущерба, — власть тоже причислила к террористическим актам.

Однако долго сваливать все на „недобитых врагов” было невозможно. Наступило время, когда сообщения об актах террора послужили бы только подтверждением того, что покушения совершают не отдельные ненавистники и „шпионы”, а собственные граждане. И с этого момента верхушка СССР начала тщательно замалчивать все акты террора, перестала сообщать об убийствах чекистов, прокуроров и других палачей, о взрыве памятников Ленину, о разгроме тюрем и милицейских участков.

Когда такое умолчание имеет место со стороны властителей, это понятно — им выгодно молчать об этом. Но мы видим, что молчат не только представители власти, а и ее противники, в частности, диссиденты. И это вызывает удивление. Может быть некоторые опасаются, что их за это сочли бы сторонниками террора или даже террористами?

Но ведь сообщать о событии — еще не значит его одобрять. Не упоминать же о нем вообще — значит выбрасывать правду из истории. Не так ли поступают и кремлевские цензоры?

*

Впервые я узнал о терроре еще в детстве, когда жил на острове Котлин в Финском заливе, в отрезанной от всего внешнего мира военной крепости Кронштадт. Мой отец и мать имели отношение к заговору против контр-адмирала Байкова в 1950 году, после которого много офицеров флота были арестованы и приговорены к смертной казни. Тогда все говорили о двух капитанах 2-го ранга Шеленине и Дадисе, которые якобы стреляли в Байкова и затем пытались со своими сообщниками совершить переворот в городе, поднять мятеж на флоте.

Затем, в 1962 году я узнал, что в Калининграде, бывшем Кенигсберге, было совершено нападение на поезд, в котором везли деньги, и вагоны пришли на станцию с окнами, изрешеченными пулями. Говорили, что эту акцию совершили литовские националисты. В том же году моряки флотилии рыболовных траулеров выбросили за борт улов рыбы в знак протеста против уменьшения ставок оплаты морякам по указу Хрущева. Зачинщик этого бунта литовский капитан Антанас Заринскис был расстрелян.

В 1964 году меня отправили после суда в Мордовские политические лагеря. Еще в Потьме, в пересыльной тюрьме, я встретил двух парней из Барнаула, Анохина и Баллаха. Они рассказали мне, что по их делу есть еще и третий — эстонец Вааль, который сидит „под вышаком”, т. е. ожидает утверждения или отмены смертного приговора. Все они осуждены за то, что 7 ноября 1963 года подложили самодельную бомбу под трибуну, на которой должны были воссесть во время обязательных „народных” шествий местные бонзы во главе с первым секретарем обкома.

Я спросил их, почему это они сделали. Ответ был: „А что нам было делать? Ведь разговаривать они с нами не хотят!”. Вааля, как выяснилось позже, расстреляли. Адская ма-

шина сработала преждевременно и от взрыва погибли три кагебиста и несколько солдат, проверявших трибуну перед демонстрацией.

Василий Панкратов в 1965 году встретился мне на пересылке в Бутырской тюрьме, когда меня возили на экспертизу в институт им. Сербского. Часовой мастер из Москвы, Панкратов сконструировал хитроумный прибор, который в нужное время мог бы метнуть бомбу большой мощности с нитроглицерином в мавзолей на Красной площади. Панкратов хотел это устройство установить на крыше ГУМа, напротив Кремля, но бдительные продавщицы выдали его КГБ. Когда в КГБ спросили Панкратова, зачем он хотел взорвать мавзолей, он сказал: „Уберите эту мерзкую куклу“. Его сочли сумасшедшим, но его поступок был вполне понятен многим моим друзьям: нам всем смертельно надоел культ Ленина. Недаром еще в школе ребята, из тех, что посамостоятельнее мыслили, называли чучело на Красной площади „пададь мавзолейная“.

Видел я еще одну бомбометательницу, Анну Уколову из Хабаровска, и „ракетчика“ Федоровского из Костромы, которому удалось пронести в мавзолей ракетницу и выстрелить из нее в ленинский саркофаг. Оба эти „мавзолейщика“ (даже и термин такой в московском УКГБ тогда уже бытовал) были посажены в психбольницы. Но вот другого „мавзолейщика“ с Украины, Устюшенко, я встретил в Лефортовской тюрьме в 1964 в камере смертников № 2, это напротив камеры-одиночки № 13, где я сидел под следствием. Дня через два его увели, а потом как-то библиотекарьша сказала мне: „Устюшенку шамальнули“. (Старые зэки рассказывали легенду о том, что эта библиотекарьша — дочь Фаины Каплан, якобы и родившаяся в тюрьме и не имеющая права выхода из нее.)

Еще до ареста со мною и с моей подругой из Москвы Ирой произошел один забавный инцидент. Мне зачем-то понадобилась динамо-машина, бывшая у Иры. Положили мы эту тяжелую штукюину в изящную сумочку датской авиакомпании „САС“ и пошли ко мне через Красную площадь (жил я тогда у бабушки на Большой Ордынке). Когда мы проходили около мавзолея, то на нас набросились повязочники в штатском и стали спрашивать, что несем. „Бомбу“ — сказал я из чистого озорства.

Поднялась паника. Сразу вызвали кагебистов. Нас затащили в комендатуру в стене. Стали допрашивать — я сказал, что бомба

взорвется через 10 минут. Сумку срочно вынесли, а нас увезли на Дзержинского в главную контору КГБ. Разобравшись, что это издевательская шутка, пригрозили искалечить. Когда старшие начальники ушли, оставшиеся младшие чины признались, что мы их сильно напугали. Я спросил, часты ли покушения на мумию? Оказалось, каждый год 15-20, а только что (это было в августе 1963) так разворотили, что даже повредили Никольскую башню. Я действительно в августе видел высоченный забор вокруг мавзолея, метров 5-6, а в газетах было сообщение коменданта Кремля о „ремонте“. Вот, стало быть, какой „ремонт“ был!

Но не только мавзолей раздражает многих. Кроме него коммунисты усиленно вводят множество „святень“, но многие люди их просто не переносят. Так во многих местах не только срывают всевозможные плакаты и лозунги, но и разрушают или повреждают памятники и монументы. Особенно часто повреждаются памятники Ленину. В 1959 г. в Кронштадте под Ленина подложили бомбу и он упал с разрушенного пьедестала. Памятник восстанавливали 2 месяца. По этому делу был осужден к смерти Барышников, выпускник 424-й школы Кронштадта, где учился и я (в Кронштадте 3 школы, но они входят в систему Большого Ленинграда). В Риге, как рассказал мне мой знакомый Марис, его брат был осужден на 15 лет за попытку взорвать в 1961 году памятник Ленину. В калининградской области в течение только одного 1962 года, по свидетельству капитана КГБ Ларькина, ведшего мое дело в 1963 г., было повреждено 6 памятников Ленину в районных центрах и дважды повреждался памятник Ленину в самом областном центре.

Особенно много таких „террористических“ акций на моей памяти было в Прибалтике. В 1961-1963 гг. в Риге, Вильнюсе, Каунасе, Таллине и Тарту каждый раз в годовщину оккупации сжигали советские знамена, портреты вождей, повреждали памятники Ленину, вывешивали национальные флаги и разбивали официальные советские таблички. В феврале 1963 года, когда в Литве демонстрировался фильм „Наш Никита Сергеевич“, в Вильнюсе были сожжены несколько грандиозных афиш и транспарантов об этом фильме, а кинотеатр „Октябрь“, в котором была премьера фильма, был подожжен и сгорел полностью.

Трудно охватить размах больших и малых акций физического сопротивления насилию

властей, во-первых, из-за того, что все факты ревниво скрываются органами КГБ и, во-вторых, потому, что мало кто отваживается свидетельствовать об этом: свидетелей привлекают за „клевету”. В 1963 г. я подружился с молодым прокурором из Калининграда, который показывал мне закрытое издание „Криминалистика”, где, наряду с удручающими списками жутких преступлений (например „Расчленение трупа” или „Особо циничные истязания”), которых насчитывается не один десяток в год, в главе об „Особо опасных государственных преступлениях” имеются списки и перечень действий против государственных, общественных учреждений СССР, а также отдельных партийных, советских и общественных деятелей СССР. В списках 1962 года значилось более 2 000 таких террористических актов по всей стране.

В лагерях я встречал десятки молодых людей, осужденных за убийства прокуроров, кагебистов, милиционеров и даже секретарей комсомольских организаций. Так, в Баку в 1964 году была повешена в парке главная комсомолка Азербайджана — по этому делу были осуждены Алиев, Логачев и Шахрезиев, а еще двое были расстреляны. Также и в Свердловске был убит местный комсомольский вождь и за это несколько человек было расстреляно. С одним из приговоренных к смерти, Назаровым, я находился несколько часов в вагоне на пути от Москвы в Свердловск.

Владимир Москаленко и Николай Биншток находились на экспертизе со мною в институте им. Сербского по обвинению в убийствах прокуроров в 1966 году. Глеб Сливкин сидел под „вышаком” в Красноярской тюрьме за убийство прокурора края. В Минусинской тюрьме также сидел в ожидании смертной казни Туболов — за убийство начальника МВД Хакасской области. Матюхин из Ангарска убил своего следователя КГБ, в свое время переломавшего ему на допросах голени. Флячинский из Новокузнецка зарубил топором прокурора района за то, что тот терроризировал его брата. Некоторые мотивировали свои покушения и убийства не только личными мотивами, но и желанием как-либо изменить обстановку оцепенения в стране, желанием постоянно показывать властям, что народ никогда не смирится с порабощением.

Особенно много беспорядков в стране возникало в 60-е годы. Власти, если и не отрицали полностью такие беспорядки, то пытались всегда представить дело так, что это

были просто уголовные бунты и бандитизм. Но вот я беседовал с осужденными из Новочеркаска, Кривого Рога, Джезказгана, Темир-Тау, Александрова, Семипалатинска, Каунаса, Ташкента и других городов, где возникали „бунты”. Почти все эти люди говорили, что они были доведены до отчаяния. Они просто не могли придумать — как же еще протестовать против совершенно идиотической невменяемости властей? „Им ничего не докажешь, они считают себя правыми во всем, они никогда не слушают никаких возражений”.

Один из таких отчаявшихся — бывший полковник Богатырев. Его в Семипалатинске за жалобы таскали в милицию и избивали. А когда убили в милиции его друга, то он попросил одного приятеля подождать к зданию областного суда бензовоз и сам облил окна этого здания бензином и поджег. Все здание суда сгорело. Сам Богатырев был осужден к смерти, но затем казнь заменили 15-ю годами лагерей особого режима. Это было в 1969 году.

Были и покушения на глав советского правительства. В 1962 году грузинский учитель Миклабишвили стрелял в Хрущева, в том же году КГБ удалось отнять бомбу у Фесенко из Киева, который намеревался бросить ее в Хрущева и Штеменко в Киеве же. В 1963 году Алексеенко из Киева пытался подложить Хрущеву бомбу в самолет, но был захвачен группой вторичного контроля КГБ. Миклабишвили был приговорен к 15 годам. Фесенко и Алексеенко до сих пор находятся в специальных психбольницах МВД.

Из покушений на Брежнева наиболее известны покушение Ильина в Москве у Боровицких ворот в 1969 г. и Василия Заверткина, стрелявшего в Брежнева при открытии очередного сезона на ВДНХ весной 1969 года. Я говорил с Заверткиным в лагере особого режима № 10 в Мордовии. Он долго и тщательно готовил свое покушение, но его выдали трусливые соучастники. Заверткин уже раньше, при Сталине, отсидел 10-летний срок заключения „за пропаганду”. Но он не мстил за себя: „Я хотел, чтобы они почувствовали, что народ ненавидит всю их гнусную бесчеловечную политику и что рано или поздно они будут уничтожены”.

В 1969 году в Ашхабаде была предпринята попытка переворота силами полковой школы авиации (школой руководил сын Булганина, полковник Лев Булганин). Восстание возглавили Спиридонов и Дин-

мухамедов. Оно было неудачным, но сильно напугало власти. Дело в том, что Спиридонов предложил „уничтожить всех коммунистов и прочую советскую сволочь” во всей Туркмении. Спиридонову смертная казнь была заменена 15-ю годами лагерей особого режима, Динмухамедов также был „помилован”. Но в лагере (где в это время был и я) он „покончил жизнь самоубийством”. А на самом деле ему не оказали медицинской помощи и он умер в лагерьной больнице.

Были также попытки восстаний в армии и на флоте. Одно из восстаний в армии произошло в 1976 году в районе Крайнего Севера, и по этому делу был осужден полковник Нездвецкий. По его словам, было осуждено еще 18 человек и 5 расстреляны. Я встретил Нездвечкого на пересылке в Новосибирской тюрьме. (Мы подсмотрели, что в папке его личного дела у дежурного офицера конвоя значилось: „Пункт назначения — Иркутск, зона 0-111”.)

В Мордовских лагерях также были заключены двое из восставших на флоте. Это Виктор Агафонов, создававший группу, чтобы угнать несколько судов из Владивостока в Японию в 1960 году, и Константин Диденко, поднявший мятеж на миноносце, входившем в состав советской Средиземноморской флотилии. Последняя история мне известна лучше. В июне 1967 г., когда началась арабо-израильская война, Советы послали свой флот к берегам Израиля, чтобы помешать израильтянам атаковать Египет с моря. Диденко убедил несколько матросов не участвовать в этой аванюре, они арестовали весь офицерский состав на миноносце и повели корабль к берегам Кипра в порт Лимасол. Но кипрские власти оказали содействие советчикам в блокировании и захвате мятежного корабля. Диденко и его друзья были захвачены и доставлены в Одессу, где военный трибунал приговорил 22 человека к различным срокам, а Диденко и его ближайшего друга — к смерти. Но обоим заменили казнь 15-ю годами лагерей.

Я спрашивал Костю: сделали они это из-за симпатии к евреям или из-за ненависти к советской власти? „Мы не могли поощрять явный разбой большевиков на Ближнем Востоке” — ответил он. Ходил слух, что действительно, власти так были напуганы этим поворотом событий, что отказались от плана „уничтожения Израиля ракетами”.

Удивительны бывают повороты мышления

у отчаявшихся людей. В Сычевке в спецпсихбольнице МВД при мне сидел уже 9-й год Виктор Аксенов из Ставрополя. Его обвиняли в убийстве начальника какой-то районной милиции на Ставропольщине и в то же время часто посещали работники КГБ из Москвы и требовали, чтобы Аксенов выдал им сеть агентов „Бригады уничтожения партийных и советских работников”, которую он якобы создал. Он не желал разговаривать с кагэбистами, и они злобно приговаривали каждый раз: „Ну что же, подохнешь здесь!” Врачам они давали приказ каждый раз интенсивно „лечить” Аксенова. И ему вводили сильные растормаживающие химикаты вроде фенобарбитуратов и амитала натрия в самых невероятных дозах и композициях. При этом его допрашивали прокуроры и следователи КГБ в присутствии врача Зеленева.

Я всегда удивлялся: с одной стороны, врачи говорили, что Аксенов несет бред, а с другой, — какая-то необычная возня вокруг него. И „выдала” чекистов профессор Холодковская, которая в разговоре со мной во время комиссии сказала про Аксенова: „Невинный? Вы бы посмотрели какие обширные черные списки составил этот головорез со своей бандой. Но мы выьем из него все!” Аксенов мне ни разу не подтвердил, хотя бы даже намеком, существование „банды заговорщиков”, но когда я сказал ему, что он может погибнуть в Сычевке, он спокойно ответил: „За меня отомстят”.

Еще более поразительна история, когда молодежная группа „Возмездие” в 50-летие убийства большевиками царской семьи похитила первого секретаря Свердловского обкома КПСС и расстреляла его. Мне об этом рассказывал возглавитель группы Вальтер Мантейффель в институте Сербского в феврале 1972 года, когда его привозили на психиатрическую экспертизу после объявления смертного приговора. Рассказывал он об этом и многим другим заключенным. Кое-кто сомневается в правдивости рассказа Мантейффеля. По почему тогда его, как правило, держали в одиночной камере и в конце концов расстреляли (об этом сказала нам сестра в институте Сербского, а затем мне в Свердловске о его расстреле говорил врач-психиатр)?

На моей памяти в ГУЛаге я встретил по крайней мере человек 10, арестованных за взрывы или попытки взрывов станций радиоглушения. Я хорошо запомнил Сергея Ханженкова из Минска, Максименко из

Харькова, Лукашевича из Львова (помню, что по делу он проходил вместе со своей женой). Помню и милого паренька из Хабаровска, Валерия Деревяго — ему все же удалось подорвать в одиночку станцию глушения и он был счастлив, что „сидит не напрасно”. Он никак не мог понять, как люди терпят этот уродливый строй. С какой радостью он говорил мне, как он и его друзья слушали несколько дней радио почти безо всякого глушения. Глушить стали с кораблей почти сразу же, но это не было так эффективно, как со стационарной глушилки. Я встретил этого парня в Пензенской тюрьме, где он ожидал этапа по „месту совершения преступления”. Ничего не знаю о том, что случилось с ним. К сожалению, вероятнее всего, что этого парня расстреляли так же, как и многих, о которых мы даже и не знаем.

Самого же молодого „террориста” я встретил в институте им. Сербского в январе 1972 года. Его звали Павел Кузнецов. Держался он с достоинством, был весьма начитан и с поразительной убежденностью говорил о варварстве и незаконности большевистской власти. Он родился в ГДР в семье главного военного прокурора, а затем председателя военного трибунала в Москве Ивана Кузнецова. Отец воспитал сына в духе критики к происходящему и сам он, как мог, саботировал жестокие приказы московского начальства о репрессиях в ГСВГ (Группа советских войск в Германии). В 1971 году Паша заканчивал десятилетку в Москве и организовал „Группу защиты русской культуры”. Ребята собирались в доме учительницы Полонской, читали Самиздат и обсуждали события в стране. Но Паше было этого недостаточно, он создал группу „Ревенант” („Возмездие” — по-гречески), и ребята начали с того, что сжигали пропагандные витрины на Ленинском проспекте в Москве. Затем срывали выборы, поджигая и взрывая избирательные пункты в Москве.

Даже центральные газеты в своем отчете о выборах в Москве указали, что в ряде участков выборы не состоялись „по техническим причинам”. Эти „технические причины” — сгоревшие урны с бюллетенями, развороченные взрывами избирательные комнаты, сожженная мишура красных лозунгов. Мальчишки готовили покушение и на Брежнева, избрав для этого момент визита в Москву Индиры Ганди. Но перед этим они убили капитана КГБ. Капитан следил за ними, и они закололи его, подкараулив в школе, куда он

прокрадывался для сбора „дополнительной информации”.

В момент ареста Кузнецову еще не исполнилось 18 лет, это спасло его от смертного приговора. Но он провел несколько лет в психушках МВД. Большинство его поделщиков были осуждены на разные сроки заключения. Полонская же исчезла бесследно после допросов в Лефортовской тюрьме. Говорят, что она умерла в тюремной камере, но я в это не верю — я сам слышал в феврале ее крики, когда ее тащили с допросов. У нее требовали выдать сообщников-взрослых: КГБ не верило, что всем заправляли десятиклассники. Она взяла на себя всю их вину.

*

Часто я думаю о том, почему советчикам не удалось за всю их 60-летнюю практику террора и перемальвания душ человеческих добиться всеобщего послушания? Почему им не удалось превратить страну в огромный и послушный скотский хутор? Почему люди отдают свои жизни, свое здоровье, хоронят себя в долгом плену сырых казематов? Выходит, что ужас перед рабским существованием на „свободе” все же сильнее ужаса смерти и долгого заключения в концлагерях, тюрьмах, психушках. Много героев сопротивления насильственному коммунизму знает мир. Но почему-то не принято говорить вслух о по-настоящему мужественных и решительных людях, вынужденных прибегнуть в качестве последнего средства в борьбе с тиранией к такому противодействию, которое невозможно скрыть, хотя бы в самой небольшой округе.

Когда говорят о терроре и осуждают его, то, видимо, имеют в виду прежде всего захват заложников и убийства невинных людей. Но эти действия никак нельзя сравнивать с возмездием убийцам, насильникам и истязателям. Это не террор — это самозащита, сопротивление.

Гражданская война в СССР — вовсе не давно прошедшая история, как это пытаются доказывать партийные пропагандисты. Это — наша история, это постоянная, непрекращающаяся война против зверств и насилий большевиков, это сопротивление банде убийц и палачей, создавших неслыханную доселе газовую камеру для уничтожения души человеческой. И если такое сопротивление еще продолжается, то значит народ еще жив, значит есть еще люди, чающие „тело погубить, а душу спасти”.

О мече и праведности

И. А. ИЛЬИН

Предлагаемые ниже отрывки взяты из опубликованной в 1925 г. книги „О сопротивлении злу силою” выдающегося религиозного философа Ивана Александровича Ильина (1882-1954). Центральная идея книги — принципиальное различие между понятиями „греха” и „неправедности” — в свое время вызвала много нареканий со стороны либерально настроенных критиков, однако она была поддержана такими выдающимися мыслителями, как П. Б. Струве и Н. О. Лосский, а также Русской православной Церковью в лице митрополита Антония (Храповицкого), митрополита Анастасия (Грибановского) и епископа Тихона (Берлинского).

Подзаголовки сделаны редакцией.

Выбор наименьшего зла

„Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, религиозно приемлющий Бога, Его мироздание и свое место в мире, — не сопротивляться злу мечом и силою?” Таков был основной, двуединый вопрос, породивший все наше исследование. Что можно и должно ответить на этот вопрос, когда его ставит нравственно-благородная душа, ищущая в своей любви к Богу и Его делу на земле — религиозно верного, волевого ответа на идущий извне напор зла?

Ответ, добытый нами, звучит несомненно и определенно: *физическое пресечение и понуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека*; и тогда он не вправе от них уклониться. Исполнение этой обязанности введет его, в качестве участника, в великий исторический бой между слугами Божиими и силами ада...

Но... в борьбе со злом, особенно при внешнем понуждении и пресечении, — не терпит ли умаления или искажения личное нравственное совершенство борющегося?

Нельзя не отметить, с самого начала, что форма этого вопроса, — суровая, категорическая, явно предвосхищающая единственно-возможный ответ („да, терпит”), — может скрывать за собою некий серьезный дефект нравственного опыта или видения, и тогда она может вызывать в душе у спрашиваемого двоящееся впечатление наивности и лицемерия. Вопрос ставится так, как если бы человек (может быть, сам вопрошающий) обладал уже личным нравственным совершенством, и вот, обладая им и ценя его выше всего в жизни, опасался бы увидеть его умаленным или искаженным через свое уча-

стие в пресекающей борьбе со злом. Безгрешный и праведный человек опасливо ищет праведного и святого образа действий, с тем, чтобы соблюдать только его и никогда не приобщаться какому-либо другому образу действий, не совсем совершенному или не безусловно праведному. Если при этом спрашивающий действительно уверен в том, что он „праведен” и что человеку вообще доступно в его деятельности безусловное и полное совершенство, то это свидетельствует о некоторой ограниченности его нравственного опыта и о наивности его духовного видения; если же спрашивающий знает о своей личной неправедности и об обреченности всех человеческих действий на большее или меньшее несовершенство, то вопрос его оканчивается лицемерным...

Тому, кто хоть раз в жизни попытался реально представить себе, как жил бы, чувствовал и действовал действительно нравственно совершенный человек, и кто потом попытался сравнить этот образ — со своим собственным, сознательным и бессознательным укладом или зарядом влечений и желаний, тому и в голову не придет требовать для своей мнимой „святости” абсолютно „праведных” жизненных исходов...

Напротив, чем глубже он уходит в себя, чем зорче он видит тайные гнездилища своего инстинкта и своих страстей, — тем более чуждою становится ему точка зрения морального максимализма, тем более скромным он делается в оценке своих собственных сил и возможностей, и тем более снисходительным он делается к слабостям ближнего. Он научается понимать евангельский завет „совершенства” (Мф. 5, 48; Лк. 5, 35), как долгую лестницу страдающего восхождения, как зов сверху и как волевое начало совести в душе, но не как суровое мерило, ежеминутно пригвождающее слабую душу

или педантически требующее непрерывной безукоризненности.

Человек не праведник; и борьбу со злом он ведет не в качестве праведника и не среди праведников. Сам тая в себе начало зла и побояв его в себе, и далеко еще не поборов его до конца, он видит себя вынужденным помогать другим в их борьбе и пресекать деятельность тех, которые уже предалися злу и ищут всеобщей гибели. Пресекающий сам стоит в болоте, но нога его уперлась в твердое место, и вот, он уже помогает другим, засасываемым трясиную, выйти на твердое место, стремясь оградить их и спасти, и понимая, что он сам уже не может выйти сухим из болота.

И не странно ли было бы видеть его полное безразличие к погибающим и слышать лицемерное оправдание, что „помогать вообще может только тот, кто стоит на берегу”, и что он „тоже поможет кому-нибудь, когда сам выберется из болота и совсем обсохнет, но и тогда с тем, чтобы самому никак не забрызгать свою одежду”.

Человек, искренно любящий и волею ведомый; борется и от малой силы, помогает и от бедности. И начинает не сверху, от идеала, а снизу, от беды и от нужды. И он прав в этом, ибо разумно и реально — идти в борьбе со злом не от максимума нравственного совершенства, закрывая себе глаза на свою неправедность и на всем присущую грешность, а от наличной ситуации злых страстей и благородной воли, отыскивая возможный минимум греха и возможный максимум помощи и укрепления...

Ибо есть определенные жизненные положения, при которых заведомо следует искать не праведности и не святости, а *наименьшего зла и наименьшей неправедности*; и в этих случаях практический максимализм всегда будет проявлением наивности или лицемерия...

Активная, героическая борьба со злом отнюдь не является прямою и непосредственною дорогою к личной святости; напротив, этот путь есть путь наитруднейший, ибо он заставляет брать на свои плечи, помимо собственного, недопреодоленного зла, еще и бремя чужих пресекаемых злодеяний; он не позволяет „творить благо”, „отходя от зла”, но заставляет идти ко злу и вступать с ним в напряженное, активное взаимодействие. На этом пути человека ждут большие подвиги, требующие от него большей силы, но возлагающие на него и большую ответствен-

ность. И, поскольку ему не удастся справиться с принятой на себя ответственностью, постольку на его душу может лечь и большая вина.

Можно легко понять и объяснить, что слабый человек испугается этого пути, устранившись ответственности и не примет подвигов. Но было бы совершенно неосновательно и легкомысленно делать отсюда тот вывод, что путь этого устранившегося человека, слабого, уклоняющегося от подвига и мирового бремени, — является по одному этому более совершенным, духовно более верным и нравственно менее виновным. Не говоря уже о том, что он грешит по-своему, по-своему изживая свои слабости и злые влечения, — но он принимает на себя еще и вину злодея (ибо он потакает ему и пассивно соучаствует в его злодеяниях), и неправедность пресекающего (ибо он неизбежно пользуется плодами и благами его подвигов); и, если он увенчивает все это фаризейским самодовольством и осуждением, гордясь своей мнимой праведностью и переоценивая свою добродетель, то высота его нравственного облика оказывается совсем сомнительной.

О приятии мира

Вопрос о сопротивлении злу, — сопротивляться ли ему и как именно, — есть вопрос не настроения, не произвола, не вкуса и не темперамента, а вопрос характера и религиозности, вопрос религиозного характера; это вопрос основной религиозной силы — любви, и при том мироприемлющей любви.

Вся основная проблема нашего исследования не имеет смысла для того, кто отвергает мир, кто не признает его ценности, не видит заложенных в нем божественных сил и заданий и не приемлет их волею. Внешние проявления зла, с которыми надлежит бороться, входят в самую ткань отвергаемого мира, и если в мире нет ничего, что стоило бы оборонять от злодейского нападения, если он заслуживает только того, чтобы отвергнуть его, отвернуться и уйти, то и самая проблема силы и меча неизбежно отпадает и гаснет. Проблема меча есть практическая проблема, — и разрешение ее зависит от практического мироприятия, так что отвергающий мир отвергает и меч (но не обратно). Однако тот, кто не на словах только, не в виде фразы или позы, а действительно отвергает мир, тот не имеет никаких оснований оставлять свою

личность в его составе: ибо до тех пор, пока человек соглашается жить в этом мире, он тем самым приемлет его, уже самым фактом своего пользования им, пользования его благами и его возможностями. Никакое уединение, никакое пустынножителство, никакое сокращение потребностей не выразит последовательного мироотвержения; напротив — все это остается особым видом мироприятия, и при том утонченного мироприятия, творящего строгий выбор ради обретения нового видения. Одним словом: всякий, не убивший себя человек — приемлет мир и постольку проблема меча имеет для него смысл и значение.

Для христианина вопрос мироприятия разрешается в последовании Христу. Христианин призван идти по Его стопам: как Он — принять мир и не принять зла в мире; как Он — воспринять зло, испытать его и увидеть, но не принять его; и повести со злом жизненно-смертную борьбу...

Чтобы достойно принять мир, надо увидеть с очевидностью дело Божие на земле и творчески принять его, как свое собственное, всею своею силою и волею, и деятельностью; не свое дело выдать за Божие, а Божие дело принять как свое. И в ту меру, в какую это удастся человеку, в эту меру он правильно поставит и правильно разрешит проблему меча...

Неправедность — еще не грех

Отвергающие меч настаивают на том, что путь меча есть неправедный путь. Это верно — в смысле абсолютной нравственной оценки; это неверно — в смысле указания практического исхода. Понятна мечта о том, чтобы для нравственно совершенного человека не было непреодолимых препятствий в чисто духовном поборании зла, так чтобы он мог остановить и преобразить всякого злодея одним своим взглядом, словом и движением. Эта мечта понятна: она есть отображение двух скрестившихся идей — идеи богоподобия нравственно-совершенного человека и идеи всемогущества Божия; она как бы ссылается на то, что истинно добродетельный человек приближается к божественному совершенству, от которого увеличивается его духовное могущество так, что перед этим духовным могуществом злодею становится все труднее устоять.

Это — благородная, но наивная мечта. И несостоятельность ее обнаруживается тот-

час же, как только ее пытаются превратить в универсальное правило поведения. Эта мечта несостоятельна духовно потому, что обращение и преображение злодея должно быть его личным, самостоятельным актом, пламенем его личной свободы, а не отблеском чужого совершенства; и если бы это могло быть иначе, то он давно уже преобразился бы от дыхания уст Божиих. Эта мечта несостоятельна и исторически: духовная сила праведника имеет свой предел перед лицом сущего злодейства. И казалось бы, что именно христианину не подобало бы переоценивать эту мечту, имея перед глазами образы многого множества святых, замученных не обратившимися и не преобразившимися злодеями...

Путь меча есть неправедный путь; но кто же этот человек, который пугается этой неправедности, объявляет ее „злодейством” и бежит от нее? Это тот самый человек, который в течение всей своей жизни не только мирился со всевозможной неправедностью, поскольку она ему была „нужна” или „полезна”, но и ныне постоянно грешит со спокойною душою; грешит „в свою пользу” и даже не вспоминает об этом. И вдруг, когда необходимо принять на себя бремя государственности, служение, которое по глубокому слову Петра Великого, есть подлинно „дело Божие” и потому не терпит „небрежия”, — тогда он вспоминает о том, что он непременно должен быть безгрешным праведником, пугается, аффективно объявляет эту неправедность „грехом” и показывает себя „в нетях”.

Да, путь меча есть неправедный путь, но нет такого духовного закона, что идущий через неправедность идет ко греху... Если бы было так, то все люди, как постоянно идущие через неправедность и даже через грех, были бы обречены на безысходную гибель, ибо грех нагромождался бы на грех и непреодолимое бремя его тянуло бы человека в бездну. Нет, жизненная мудрость состоит не в мнительном праведничании, а в том, чтобы в меру необходимости мужественно вступать в неправедность, идя *через нее, но не к ней*, вступая в нее, чтобы уйти из нее.

Нет идеального исхода

Тот, кто перед лицом агрессивного злодейства требует „идеального”, по своему совершенству, нравственного исхода и не приемлет никакого иного, тот не разумеет

основной жизненной трагедии: она состоит в том, что из этой ситуации *нет идеального исхода*...

При наличности подлинного зла, изливающегося во внешние злые деяния, идеально-праведный исход становится мнимым, ложным заданием... Ибо предающий дело Божие и изменяющий своему духовному призванию — только по недомыслию может считать свой исход праведным...

При объективном отсутствии праведного исхода самая проблема его оказывается ложною и самое искание его становится безнадежным делом, за безнадежностью которого иногда с успехом укрывается робость и криводушие. Напротив, мужество и честность требуют здесь открытого приятия духовного компромисса.

Если в повседневной жизни и в обычном словоупотреблении компромисс состоит в расчетливой уступке человека, блюдущего свой личный (или групповой) интерес и надеющегося, что меньшая жертва спасет большую выгоду, — то устанавливаемый нами духовный компромисс совершается не в личном интересе и не стремится спасти никакую выгоду. Это есть *бескорыстное приятие своей личной неправедности в борьбе со злодеем, как врагом Божьего дела*...

Компромисс меченосца состоит в том, что он сознательно и добровольно приемлет волею нравственно-неправедный исход как духовно-необходимый; и если всякое отступление от нравственного совершенства есть неправедность, то он берет на себя неправедность; и если всякое сознательное, добровольное допущение неправедности волею — создает вину, то он приемлет и вину своего решения... Положение его является нравственно-трагическим, и понятно, что выход из него оказывается по плечу только сильным людям...

Подвиг здесь не только в ведении самой борьбы, но и в том духовном напряжении, которое необходимо для открытого и выдержанного приятия возможной вины. Напряжение духа нужно здесь не только для того, чтобы убить злодея, но и для того, чтобы вынести свой поступок и пронести через жизнь совершенное дело, не роняя своего поступка малодушным отречением от его необходимости, но и не идеализируя его нравственного содержания.

Трагедия зла и борьбы с ним разрешается именно через приятие и осуществление этого

подвига. И самый подвиг оказывается тем выше, чем живее в совершающем его остается способность освещать его лучом Божественного совершенства. Надо видеть не только необходимость своего напряжения и деяния, но и ту человеческую безвыходность, которая его породила...

Человек, берущийся за меч в безысходной борьбе со злодеем, героичен потому, что он подымлет этим бремя мира. Поставленный перед основной трагической дилеммой, не оставляющей для него нравственного исхода, он *религиозно приемлет эту безвыходность*; и, избирая наименее неправедный и наиболее трудный путь меча, он принимает этот путь, как свою судьбу.

Меч во имя Божьего дела

Религиозное приятие своей судьбы есть тот основной героизм, к которому призван каждый из людей; не к приятию судьбы в смысле квиетизма, или детерминизма, или безволия, или фатализма, но к волевому, жизненно-деятельному и религиозно-преданному приятию, которое созерцает жизнь, как служение, освещает ее лучом призвания и вливает всю личную силу в религиозное служение этому религиозному призванию. Судьба человека в том, чтобы в жизни на земле иметь дело с буйством неугворимого зла. Уклониться от этой судьбы нельзя; есть только две возможности: или недостойно отвернуться от нее и недостойно изживать ее в слепоте и малодушии; или же достойно принять ее, осмысливая это приятие как служение и оставаясь верным своему призванию. Но это и значит принять меч во имя Божьего дела.

В этом приятии своей судьбы и меча человек „полагает свою душу”, но утверждает свой дух и достоинство. Он полагает свою душу не только в том низшем смысле, что соглашается отдать свою земную жизнь в борьбе со злодеем; но еще и в том высшем смысле, что берет на себя совершение дел, бремя которых он потом несет, быть может, через всю жизнь, содрогаясь и отвращаясь при непосредственном воспоминании о них. Он принимает не только бремя смерти, но и бремя убийства; и в бремени убийства, не только тягостность самого акта, но и тягость решения, ответственности и, может быть, вины. Его духовная судьба ведет его к мечу; он принимает ее; и меч становится его судь-

бой. И в этом исходе, в этом героическом разрешении основной трагической дилеммы — он не праведен, но прав.

Христос учил не мечу; он учил любви. Но ни разу, ни одним словом не осудил он меча, ни в смысле организованной государственности, для коей меч является последней санкцией, ни в смысле воинского звания и дела. И уже первые ученики его, апостолы Петр и Павел (1 Пет. 2, 13-17; Рим. 8, 1-7) раскрыли положительный смысл этого неосуждения. Правда, апостолам было дано указание, что меч не их дело и что „все, взявшие меч, мечом погибнут” (Мф. 26, 52); и воинствующей обороны для Себя — Христос не восхотел; но именно в этом отказе от обороны, и в вопросе об уплате подати (Мф. 22, 17-21; Мр. 12, 14-17), и в разговоре с Пилатом (Иоан. 18, 33-38; 19, 9-11), веет тот дух свободной, царственной лояльности, который позднее утверждали апостолы и который не постигли и утратили в дальнейшем такие мироотрицатели, как Афинагор, Тертуллиан и другие. И вот, *земная* гибель от взятого меча остается высшею евангельскою „карою”, предначинанною для меченосца.

Христос учил любви; но именно любовь подымлет многое: и жертву несправедливости, и жертву жизни. Да, взявшие меч погибают от меча; но именно любовь может побудить человека принять и эту гибель. Взятый меч готов убить; но он должен быть готов к тому, что убьют его самого: вот почему приятие меча есть приятие смерти, и тот, кто боится смерти, тот не должен браться за меч. Однако в любви не только отпадает страх смерти, но открываются те основы и побуждения, которые ведут к мечу. Смерть есть не только „кара”, заложенная в самом мече; она есть еще и живая мера для приемлемости меча. Ибо браться за меч имеет смысл только во имя того, за что человеку действительно стоит умереть: во имя дела Божьего на земле...

За Божие дело, — в себе самом, в других и в мире, — имеет смысл идти на смерть. Ибо умирающий за него — отдает меньшее за большее, личное за сверхличное, смертное за бессмертное, человеческое за Божие. И именно в этой отдаче, именно этою отдачею он делает свое меньшее — большим, свое личное — сверхличным, свое смертное — бессмертным, ибо себе, человеку, он придает достоинство Божьего слуги. Вот в каком смысле смерть есть мера для приемлемости меча.

Не всякий способен взяться за меч и бороться им, и остаться в этой борьбе на духовной высоте. Для этого нужны не худшие люди, а лучшие люди, сочетающие в себе благородство и силу; ибо слабые не вынесут этого бремени, а злые изменят самому призванию меча.

Так слагается один из трагических парадоксов человеческой земной жизни: именно лучшие люди призваны к тому, чтобы вести борьбу со злодеями, — вступать с ними в неизбежное взаимодействие, понуждать их злую волю, пресекать их злую деятельность и притом вести эту борьбу наилучшими средствами, среди которых меч всегда будет еще наиболее прямым и благородным... Только лучшие люди способны вынести эту несправедливость, не заражаясь ею; найти и соблюсти в ней должную меру; помнить о ее несправедливости и о ее духовной опасности; и найти для нее личные и общественные противоядия.

Счастливы в сравнении с государственными правителями — монахи, ученые, художники и созерцатели: им дано творить чистое дело чистыми руками. Но не суд и не осуждение должны они нести политику и воину, а благодарность к ним, молитву за них, умудрение и очищение, ибо они должны понимать, что их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела. Они должны помнить, что если бы у всех людей страх перед грехом оказался сильнее любви к добру, то жизнь на земле была бы совсем невозможна.

Об очищении души

Духовный компромисс ищет и находит самый праведный исход из всех имеющихся несправедливых исходов. Но и этот, самый праведный из несправедливых, — остается, конечно, несправедливым, несмотря на весь его героизм, на всю его религиозную осмысленность и духовную красоту. Одним своим агрессивным бытием зло выводит праведного человека из его духовного равновесия и из его нравственной плеромы; и не оставляет ему безусловно праведного исхода. В этом можно было бы усмотреть победу зла; ибо победа его может состоять или в том, что человеческая душа заражается его противодуховностью и противолюбовностью, или в том, что она оказывается выведенною из духовного равновесия и нравственной плеромы самим процессом ответной реакции на злодеяние.

Человек, отвечающий силою и мечом на агрессивность злодея, не может не выйти из духовного равновесия и нравственной плеромы, — и в этом злу всегда обеспечена некоторая видимость внутренней, душевно-духовной „победы“; в этом смысле зло всегда „имеет успех“ — и тогда, когда безвольный моралист вступает на путь трусливого укрывательства и предательского себялюбия, и тогда, когда сильный, преданный делу человек избирает путь отрицательной любви и справедливого меча...

Вот почему настоящая борьба со злом может и должна вестись в совмещении духовного компромисса и *религиозно-нравственного очищения*. Именно процесс очищения, следующий за подвигом неправедности, отнимает у зла последнюю видимость успеха и победы...

Душа, сопротивляющаяся злу силою и мечом, нуждается в очищающих усилиях уже при самом восприятии зла для того, чтобы освободить себя по возможности от возмущения страстей, от соблазна, замешательства, неуравновешенных и преждевременных взрывов и всяческого пристрастия, и всяческих немудрых душевных движений.

Она нуждается в этих усилиях и перед началом борьбы, чтобы утвердиться в духовной любви, как главном или даже единственном источнике своего сопротивления: чтобы сопротивление велось из преданности делу Божьему, из патриотизма, из религиозной ревности, а не из жадности, личной ненависти, мести...

Очищение души не менее необходимо и после выхода из борьбы. И прежде всего для того, чтобы обезвредить и погасить в себе всевозможные следы незаметно проникшей заразы, все эти душевные осадки, отпечатки, отзвуки ведшейся борьбы, начиная от вспыхивавшей кровожадности, ненависти, зложелательства, и кончая неизжитыми зарядами интриги и коварства...

Но больше всего очищение души необходимо для того, чтобы избавить душу от возможного очерствения и ожесточения, связанного с восприятием зла, с сопротивлением ему и со всеми видами понуждения и пресечения. Душа борца не должна утрачивать в борьбе своих высших состояний и возможностей; она должна постоянно возвращать и вернуть себе способность к духовному равновесию, к полноте положительной любви, к совестной плероме, к расторяющей душу молитве и умиляющей радости...*

Тот, кто сопротивляется злодеям силою и мечом, — тот должен быть чище и выше своей борьбы; иначе не он поведет ее и не он завершит ее победою, а она увлечет его, исказит его обличие и извергнет его, сломленно-го, униженного и порочного. Владеть силою и мечом может лишь тот, кто владеет собою, то есть своими страстями и своим видением; ибо если человек не владеет собою, то меч и сила овладеют им, и не они будут его орудием и средством, а он сам станет их средством и орудием; и тогда он „погибнет от меча“ не физически, а нравственно и духовно: силы его будут растрчены, душа его будет изуродована, и борьба проиграна. Вот почему очищение души есть основное условие победы в борьбе со злом...

Тот, кто судит, тот должен быть и сам готов к суду над собою; и это означает, что он всегда должен судить самого себя так, как он судит злодея. Мера судейской компетентности определяется мерою творящегося самоочищения; злодей не судья злодею, и погрязшему в страстных слабостях не дано побивать камнями слабого и страстного грешника (Иоан. 8, 3-11); но „вынь прежде бревно из твоего глаза“ (Мф. 7, 5; Лк. 6, 42) и тогда увидишь...

И тогда увидишь, необходим ли меч, и где

* С этим необходимо сопоставить восьмое и тринадцатое канонические правила Св. Василия Великого, изложенные в канонических посланиях его к Амфилохию, Епископу Иконийскому. В Правиле 8 между прочим доказывается, что убийство на войне есть убийство не нечаянное, а вольное: „Совершенно также вольное, и в сем никакому сомнению не подлежащее есть то, что делается разбойниками и в неприятельских нашествиях: ибо разбойники убивают ради денег, избегая обличения в злодеянии, а находящиеся на войне идут на поражение сопротивных с явным намерением не устрашить, ниже вразумити, но истребити оных...“ В Правиле 13 читаем: „Убиение на брани Отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но, может быть, добро было бы советовать, чтобы они, как имеющие нечистые руки, три года удержались от приобщения токмо Святых Таин’...“

Было бы глубоко значительно и благотворно, если бы традиция этого прозрения была бы возрождена и восстановлена в православно-церковной практике наших дней, — не в форме трехлетнего отлучения от Причастия, а в форме церковно-узаконенного покаяния, совершаемого по окончании войны всем народом и в особенности воинами.

В Православном Катехизисе Митрополита Антония (Храповицкого) ясно изложено воззрение на войну как на „великое зло“, участие в коем, однако, обязательно ради уклонения от еще большего зла. См. главу о Шестой заповеди; стр. 96-98.

именно; и если он необходим, то найдешь в себе силу поднять его против злодея и пресечь его злодеяния; пресечь не страшась — ни возврата меча на твою голову, ни выхода из нравственной плеромы, ни людского суда. Ибо не страшна смерть тому, кто идет на нее из любви к Божьему делу; *и не страшно временное отступление от праведности тому, кто не выходит из любви к Богу*; и не

страшен суд слепых и холодных тому, кто сам судит себя лучом Божиим и сам первый знает, где он отступил от „гуманности“ из любви к божественному. Не человеку судить человека за такую любовь и за такое служение; не человеку, а Богу. А перед Ним — верный носитель меча предстанет „в день суда“ с тем „дерзновением“ (1 Иоан. 4, 17), которое дается истинною любовью.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Куликовская битва

Н. РУТЫЧ

Публикуемой ниже статье — 30 лет. Мы берем ее из „Граней“ № 5 за 1949 г. и предлагаем вниманию наших нынешних читателей в связи с 600-летием „Мамаева побоища“.

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла
И словно облаком суровым
Грядущий день заволокла...

А. Блок

Утром 8 сентября (16 по новому стилю) 1380 г., на узком пространстве между Непрядвой и Доном, ополчение Великого князя Димитрия Ивановича встретило полчища хана Мамаи и, впервые со времени битвы на Калке выйдя за пределы своей земли, разгромило непобедимого в течение 150 лет противника.

Значение Куликовской победы трудно исчерпать в короткой статье; оно сразу же было оценено современниками как мировое событие, сыгравшее решающую, переломную роль и в развитии русского народного сознания, и в создании Московского государства. Куликовская победа показала всем, что в XIV веке Московское княжество из удела превратилось в народное государство, а московский князь из вотчинника в политического объединителя — в защитника и главу русского народа.

Великий князь Димитрий Иванович, по словам С. М. Соловьева,

„... с малолетства привык действовать иначе, нежели действовали дед, дяди и отец его: с оружием в руках добыл он себе старшинство между русскими князьями, до тридцатилетнего возраста, не выпуская из рук оружия, выдержал опасную борьбу с Литвой, Тверью, Рязанью и вышел из нее победителем с полным сознанием своих сил. Неудивительно, что такой князь решил первый

поднять оружие против татар...“ (С. М. Соловьев „История России с древнейших времен“, т. III, с. 973, изд. „Общ. польза“, С. П. Б.)

С 1359 г. началась в орде „замятня великая“. Непрерывные кровавые перевороты и частая смена ханов закончилась лишь к концу 70-х годов XIV века, когда Мамай снова объединил Орду и укрепил свою власть.

Распри в Орде способствовали тому, что сопротивление татарам значительно усилилось. В 1374 г. нижегородцы перебили ордынских послов и сопровождавший их отряд в 1500 татар; в 1376 г. воевода Великого князя Димитрий Волынский вместе с нижегородскими князьями осадил Казань. После поражения московских воевод на реке Пьяне, где царевич Арапша (Араб-шах) с пятью тьмами внезапно атаковал беспечно расположившуюся русскую рать, Димитрий Иванович, лично командуя войсками, нанес жестокое поражение ордынскому воеводе Бегичу на реке Воже (11 августа 1378 г.).

Отказ от уплаты „выхода“ и фактический конец татарской зависимости заставили Мамай начать дипломатическую и военную подготовку большого похода на Москву. Он собирает все доступные войска Орды и летом 1380 г. приводит на воронежские кочевья не менее 30 тем войска. Проф. Якубовский считает, что татарская тьма (тысяча) в XIV веке состояла, примерно, из 3 000 всадников. Кроме того к Мамаю приходят большие контингенты каракалпаков и подчиненных черкесов и ясов. Наконец, Мамай нанимает сильный отряд генуэзцев с Сурожа (Судак

в Крыму), где была лучшая для того времени наемная пехота.

Одновременно Мамай заключает союз с Ягайло Литовским, который обещает соединиться с ним 1 сентября 1380 г. Князь Олег Рязанский извещает Дмитрия Ивановича о приготовлениях Мамаю, но, считая дело Москвы проигранным, выражает свою покорность Мамаю и вступает в переговоры с Ягайло. Они намечают раздел Московского княжества между Литвой и Рязанью, рассчитывая получить ярлыки на новые владения у Мамаю.

Дмитрий Иванович отнюдь не собирался, как предполагали противники, бежать в Великий Новгород или на Двину. Через разведку, „крепкую сторожу“, под начальством Родиона Ржевского и Андрея Волосатого, подходивших под самую Орду, он узнал о начале сосредоточения войск Мамаю на верхнем Дону и назначил сбор рати на Успенъев день (15 августа).

Кроме московского ополчения, в поле вышли Ростовские, Белозерские, Ярославские, Суздальские, Муромские, Можайские и Звенигородские князья. Тверской князь послал войско с Иваном Холмским. Значительные отряды привели православные Ольгердовичи — Андрей Полоцкий и Дмитрий Корибут Брянский. Владимирскими, костромскими и переяславскими ополчениями командовали московские воеводы, среди которых были известные своими ратными подвигами Николай Васильевич Вельяминов, Иван Родионович и Андрей Серкизович.

Кроме нижегородцев и рязанцев собралась вся северо-восточная Русь. Хотя и не все русские земли были представлены, но характер ополчения был народный, иначе говоря, Дмитрию Ивановичу удалось то, чего не могли достичь русские князья со времени нашествия Батыея.

15 августа рать двинулась из Москвы в Коломну. Отсюда 24 августа 1380 г. Великий князь пошел к Серпухову, прикрываясь рекой Окой со стороны Рязани, и у так называемого Сенькина брода встретился с войсками двоюродного брата Владимира Андреевича Храброго и московского окольничьего Тимофея Вельяминова. Здесь стал решающий для всего похода вопрос: занять ли оборонительную позицию на левом берегу реки Оки, или, перейдя ее, идти в степь навстречу Мамаю.

Многие указывали на превосходство сил противника и советовали остаться за Окой,

но опытный воевода Дмитрий Волынский Боброк и Ольгердовичи настаивали на движении вперед, дабы предупредить соединения Мамаю с Ягайло. Царственный летописец рассказывает:

„...Внезапу приидоша от стражей Петр Горский и Карп Александрович и приведоша языка нарочит (знатный) от самого двора царева“.

Пленный показал, что Мамай движется вверх по Дону и ожидает соединения с Ягайло и Олегом Рязанским. Дмитрий Иванович принял решение упредить встречу противников и, как рассказывает его „Житие“, приказал переправляться через Оку со словами: „Любезные братья, я пришел сюда не за тем, чтобы на Олега смотреть или реку Оку стеречь, но землю Русскую от разорения и мучения избавить... честная смерть лучше плохого живота“.

К 1 сентября войско переправилось и, развернувшись, пошло к Дону. В сторожах (сторожевое охранение) был лихой московский боярин Семен Мелик и князья Владимир и Всеволод Друцкие. Большой полк вел сам великий князь. Кроме московского, владимирского, костромского, переяславского и юрьевского ополчения „взя князь великий в полк белозерские князи с воинством их, бе бо удалы зело и мужественны“ (Царственный летописец). Полк правой руки вел Владимир Андреевич Храбрый. Полк левой руки — князь Глеб Брянский и братья Ольгердовичи.

6 сентября Великий князь достиг Дона. Здесь он получил письмо и повторное благословение Преподобного игумена Сергия Радонежского идти на татар: „поможет ти Бог и святая Богородица“. В тот же день прискакал Семен Мелик с донесением о приближении татар.

Решение перейти реку Непрядву и принять бой на Куликовом поле — одно из интереснейших в истории военного искусства.

Куликовское поле тянется с юго-запада на северо-восток, от овражистого ручья Дубок до реки Смольки, окруженной густой лиственной рощей. Это холмистое пространство, протяжением около 9 километров, совершенно закрыто с флангов оврагами и лесом (более широкие обходы затруднены реками Доном и Непрядвой, образующими здесь дугу). В тылу протекает, заболоченная ныне, река Непрядва. Выбор этой позиции не случаен: превосходная татарская конница не могла применить здесь обхода флангов и

удара в тыл, в чем татары имели большой навык. С другой стороны, в случае неудачи, возможности к отступлению не было. Мосты, наведенные через Непрядву, не обеспечивали выхода из боя, и при поражении русское ополчение, припертое к реке, попадало в окружение. В предстоящем бою каждый воин отчетливо понимал, что бежать некуда и что „честная смерть лучше плохого живота”.

Летопись сохранила нам интереснейшее сообщение о разведке в ночь на 8-е сентября, лично предпринятой Димитрием Ивановичем и воеводой Димитрием Волынским Боброком. „И егда заря угасе и глубце ноши суши и Димитрий Боброков волынец всед вслед на конь и поима с собою Великого князя выехаша на поле Куликово и стаха среди обоих полков...”

Здесь, видимо, было принято окончательное решение развернуть главные силы между рекою Дубок и рекою Смолькой. Блестяще оценив позицию и предугадав направление главного удара татар, Димитрий Иванович ставит в полк левой руки удалых князей Белозерских, оставляя за левым флангом Большого полка резерв Димитрия Ольгердовича. Идея решения заключалась в том, что князь, предвидя неизбежный обход своего левого фланга, располагает отборный полк брата князя Владимира Андреевича Храброго в „засаду”, то есть в скрытом резерве в лесу у реки Смольки с целью решающего удара во фланг и тыл татарам в кульминационный момент сражения. Становится понятным, почему воеводой к князю Владимиру Андреевичу назначается Боброк, который, будучи едва ли не творцом всего замысла, должен был лично выполнить решающую задачу.

Вряд ли можно поверить преданию, что у Великого князя было более 150 тысяч войск. Если для тяжело вооруженного всадника того времени принять не обычный расчет густого строя (2 метра — 3 коня), а минимальный — метр на коня, то и тогда на фронте Куликова поля могли выстроиться только 9 000 всадников. Боевой порядок того времени обычно состоял из первой линии (куда выстраивались князья, бояре и боярские дети), поддержанной сзади лишь слугами. Резерв (полки Димитрия Ольгердовича и Владимира Андреевича Храброго) включал в себя от четверти до половины всего войска, а небольшие силы вошли в состав передовой рати Семена Мелика. Таким образом,

общее количество воинов первой линии следует считать примерно в 12 тысяч. Трудно учесть, сколько слуг могло приходиться на каждого тяжело вооруженного всадника, ибо наряду с князьями и видными московскими боярами, пришедшими с „большими дворами”, были и бедные дети боярские с 1-2 слугами. Если взять в среднем на каждого воина первой линии 5-6 конных слуг, то можно считать, что Димитрий Иванович вывел на Куликовское поле 60-70 тысяч воинов. Количество, невиданное на Руси со времен расцвета Киевского государства. Согласно исследованиям профессора Дельбрюка, рыцарские армии Европы редко превышали несколько тысяч рыцарей, чаще они исчислялись сотнями и даже десятками.

Но Мамай тоже не мог иметь 300 тысяч, — ведь это минимум 100 тем, то есть количество, которого никогда не было у Батыея. Вместе с подвластными народами татарская рать не превышала 150 тысяч, — но и в этом случае татары имели по крайней мере двойное превосходство над русскими.

Утро 8 сентября было мгlistое и туманное. Полки построились в боевой порядок и Великий князь во главе войска горячо молился о победе. Затем Димитрий Иванович передал свой плащ — символ командования — боярину Бренку, стоявшему с великокняжеским стягом, и поехал, невзирая на условия боя, в передовой полк, чтобы, как простой воин, начать сражение впереди войска.

Около 11 часов массы татар начали спускаться с Красного холма. Передовой татарский полк, состоящий преимущественно из хорошо обученной генуэзской пехоты, двигающейся густым строем так, что задние шеренги клали свои более длинные копья на плечи передних, сблизился с передовым полком Семена Мелика, состоящим тоже частично из пехоты (московские суконщики и гости сурожане хорошо знали генуэзцев).

Уже очень скоро Мамай двинул главные силы, и передовой русский полк остался на поле, „скошенный как трава”. Мужественные князья Друцкие и Семен Мелик погибли здесь же. Не видно было больше и князя Димитрия Ивановича. На узком, девятикилометровом пространстве татары стремительно атаковали главные русские силы. Не имея возможности развернуться, Мамай бросал темников последовательными эшелонами. Но героическое мужество русских воинов не позволило татарам нигде прорвать

боевого порядка. В большом полку* татары достигли великокняжеского стяга и срубили его. Не отходя ни шагу, пал Андрей Бренок. „Бысть сеча зла и брань крепка и трус (грохот) велик зело, яко от начала мира не бывала сеча такова” („Задонщина”). Погибло много других видных московских бояр: „Не туры возгремели на поле Куликовом, но посечены князья русские и бояры и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича от поганых татар... Федор Семенович да Андрей Саркизович, да Михайла Иванович...”

Под князем Глебом Брянским было убито несколько коней, но его золоченый шлем, как говорит „Повесть о Мамаевом побоище”, сверкал, словно знамя. После двухчасовой сечи татарам удалось потеснить левое крыло большого полка; командовавший, после Бренка, окольный Тимофей Вельяминов не только удержал натиск, но начал двигать на слабейших татар правым крылом. К третьему часу дня татар начал одолевать и полк правой руки Андрея Ольгердовича; они были потеснены к своему стану.

Главный удар Мамай наносил на левом русском фланге. Татарское командование стремилось прорвать здесь русский боевой порядок и, отрезав войско Дмитрия Ивановича от мостов, прижать его к Непрядве.

В полку левой руки находились северные дружины заволжских княжеств под командованием белозерского князя Федора. Полк выдержал первый натиск превосходных сил татар. „... Крепцы быша князя Белозерстии Федор Романович, да сын его Иван, да сын его Семен”. Видя неудачу прорыва на фронте большого полка, Мамай, после полудня, бросает свой главный резерв (видимо, все, стоявшие в резерве, шесть тем) на левый фланг. Под таким натиском полк левой руки начал таять. Согласно „Задонщине”, — 12 белозерских и заозерских князей полегло в этот решающий час. „Помянем князей великих и бояр смелых, князя Федора Романовича Белозерского, сына его Ивана...”

Вскоре татарам удалось отеснить остатки полка почти до Непрядвы. Настал решающий час („Возопиша избиении от поганых”). Часть татар устремилась в тыл большому полку, но здесь преградил им дорогу резерв

Дмитрия Ольгердовича, еще не вступавший в бой. Князь Владимир Андреевич Храбрый, видя гибель полка левой руки, уже несколько раз порывался вступить в бой, но Дмитрий Боброк удерживал его. Опытный воевода ждал, когда татары, разделившись против Дмитрия Ольгердовича и увлекаемые преследованием остатков русского левого фланга, откроют свой фланг и тыл.

Около 3-х часов дня этот момент наступил. „Час пришел, — сказал Боброк, — подвизайтесь отцы и братья, дети и друзья”. Засадный полк внезапно ударил в тыл ликующим и уже смешавшим строй татарам. Главные силы Мамай оказались в окружении: слева на них давил свежий полк Дмитрия Ольгердовича, сзади — Владимир Андреевич. Спереди была Непрядва, на которой отчаянно сопротивлялись остатки северного ополчения, справа — лес. Началось жестокое истребление окруженных татар. Отдельные группы, прорываясь, бежали без оглядки. Сам Мамай не мог остановить их даже оружием. Паника передалась и в другие татарские тьмы и вскоре татары побежали, преследуемые Андреем Ольгердовичем и большим полком. Попытка задержаться у своего стана была быстро сломлена и преследование продолжалось непрерывно, почти на 40 километров.

Разгром главных сил татар на левом фланге явился результатом глубокого продуманного плана с учетом сил и обстановки, а Дмитрий Боброк, бывший вдохновителем этого плана, дал блестящий образец полного тактического окружения противника, решившего участь битвы.

Ее последствия были огромны. Ягайло, находившийся в нескольких переходах от Куликова поля, поспешно отступил. Олег Рязанский отказался от союза с литовцами и заключил договор с Москвой, следствием которого была полная зависимость княжества рязанского при его преемниках.

Непобедимая Орда была разгромлена. И хотя отношения с татарами еще долго носили подчиненный характер, но иго, которое было при Батые и Узбеке и которое стремился удержать Мамай, уже никогда больше не восстановилось. Несмотря на страшные потери (ставший „на костях” князь Владимир Андреевич насчитал лишь 40 000 в строю, а одних князей было убито 18), русский народ осознал свое единство, оценил свою силу. После Куликовской битвы Великий князь Дмитрий Иванович, найденный ле-

* Боевой порядок русского войска того времени: в центре — большой полк, на флангах — полк правой руки и полк левой руки, впереди — передовой полк; кроме того, могли быть резервные отряды и засада, как во время Куликовского сражения.

жащим с иссеченными латами на краю леса, превратился из московского князя в „царя русского”, как начали называть его литературные памятники, в народного вождя, борца за независимость и единство русского народа.

Единство русского народа, русское национальное государство, как сказал В. О. Ключевский, „родилось на Куликовском поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты...”

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В опубликованной выше статье подчеркнуто, что принимая свое трудное, опасное и в высшей степени судьбоносное решение перейти с войском Дон, Великий князь Димитрий Иванович получил, вместе с письмом, еще раз благословление Преподобного Сергия Радонежского.

Начиная с посещения Великим князем Троице-Сергиева монастыря, 18 августа 1380 года, то есть за 3 недели до самой битвы, св. Сергий, как говорит его „Житие”, непрерывно сопровождает войско своими молитвами. Его духовная связь с войском олицетворяется не только присутствием в нем опытных воинов — иноков Осляби и Пересвета, но и непрерывным духовным воздействием как на самого Великого князя, так и на всех воинов. И в этом заключается, по словам В. О. Ключевского, та „внутренняя миссия” Преподобного Сергия без которой невозможно было нравственное и духовное возрождение после самого темного и жестокого периода татарского ига. Разумеется, что без этой „духовной миссии” невозможна была и сама победа на Куликовом поле. Она ее подготовила. Ибо эта победа была не только важным этапом в истории нашего национально-освободительного движения и, конечно, государственного объединения (о чем теперь позволено говорить в советской печати), но и как бы итогом усилий ради нравственного возрождения нашего народа.

Русские люди, бившиеся и уцелевшие в сражении на Сити (1238 г.), „сошли в могилу со своими сверстниками, безнадежно оглядываясь вокруг, не займется ли где заря освобождения”, говорил В. Ключевский. Но первое столетие монгольского завоевания было не только разгромом государственной и культурной жизни древней Руси, но и подавлением ее духовной жизни. „Так велики были материальное разорение и тяжесть

борьбы за существование, — отмечал Г. Федотов, — что всеобщее огрубение и одичание были естественным следствием”. Нужна была многосторонняя деятельность св. Алексея, Митрополита Московского, не раз ездившего в орду ублажать ханов, „отмаливая их от злых замыслов против Руси”, нужна была широкая и многосторонняя деятельность Преподобного Сергия Радонежского, чтобы в народе пробудилось чувство общности в духовной жизни и сознательное стремление к общей судьбе. Как отмечал Г. Федотов, Преподобный Сергий был первым русским святым, „носителем особой таинственной духовной жизни, не исчерпываемой подвигом любви, аскезы и неотступностью молитвы”. С приобщением к этой таинственной духовной жизни и начался, по сути, наш национальный путь, когда земское единство великорусского племени наполнилось более глубоким содержанием и смыслом, характеризующим уже единство национальное.

Мы позволили себе кратко напомнить и об этом значении Куликовской битвы еще и потому, что со времен опубликования в 1949 г. статьи о ней в „Гранях”, только однажды, в 1955 г. (в дни „оттепели”), академик М. Тихомиров смог напечатать статью на ту же тему в „Вопросах Истории” (№ 5). Теперь же, после октябрьского (1979 г.) постановления совета министров РСФСР „О подготовке к 600-летию Куликовской битвы” и статьи академика Д. Лихачева в „Правде” от 10 ноября 1979 г. уже началась (в порядке выполнения директивы партии и правительства) публикация соответствующих казенных статей по этому заказу. В качестве примера, сошлемся на статью доктора исторических наук В. Каргалова, „Ратная слава России” в 6-м номере „Наш современник” за 1980 г. Не внося ровно ничего нового в исследование хода Куликовской битвы, автор лишь сообщает, что он „с удивлением обнаружил, что тема эта раньше не привлекала серьезного внимания советских историков” (с. 175). Удивление это едва ли искреннее: ведь это была до середины 30-х годов просто запретная тема. Лишь после того, как немцы оказались под Москвой, Сталин впервые, 1 ноября 1941 г., призвал сражаться так, как сражался князь Дмитрий Донской.

Но еще в течение долгих лет после этого осквернялась полуразрушенная церковь (входившая в комплекс почти полностью снесенного Симонова монастыря в Москве),

посвященная Рождеству Пресвятой Богородицы (а именно в этот праздник произошла Куликовская битва), и не прекращалось надругательство над могилами воинов-иноков, посланных в русское войско св. Сергием Радонежским.

„... Такова церковь Рождества Богородицы в Старом Симонове, под плитами которой захоронены останки легендарных героев Куликовской битвы, Осляби и Пересвета (церковь эта находится на территории завода „Динамо”, в ней на протяжении десятков лет работают компрессоры)” („Коммунист” № 11, 1978 г.).

И поэтому напрасно искать у Каргалова даже упоминание о св. Сергии Радонежском. А если упоминание и допущено, то лишь для искажения исторического прошлого, как это имеет место в статье акад. Д. Лихачева в „Литературной газете” (9. 7. 1980 г.), где

св. Сергий изображен как „представитель бедных”, обеспечивший князю поддержку „простого народа”.

Не прошло и двух лет после захвата власти большевиками в России, как в 1919 г. Троицкая Лавра была закрыта и превращена в музей. Моги Преподобного Сергия оставались недоступны для поклонения до конца последней войны, когда наступившее вынужденное затишье в борьбе с религией позволило открыть двери монастыря и вернуть верующим реликвии его святого основателя. И сразу, как и прежде, храм заполнился молящимися.

Прошла первая оторопь после коммунистического погрома и в народе вновь пробудился духовный голод. И, опять над полем Куликовым, как перед боем, „взошла и расточилась мгла...”

РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Всемирный фестиваль эстонцев «ЭСТО-80»

От собственного корреспондента „Посев а”

Стокгольм, июль

Идея всемирных эстонских фестивалей родилась давно. По инициативе эстонских общественных деятелей Р. Крэма и К. Попп, в 1972 г. в Торонто (Канада), а затем в 1976 г. в Балтимор (США) съезжалось по несколько тысяч эстонцев. В этом году фестиваль состоялся в Стокгольме.

Многие, особенно консервативные круги, были против проведения ЭСТО-80 в Швеции. Опасались, что эстонцы, проживающие в Швеции не справятся с задачей: ведь они политически разделены на более правых и более левых. Смогут ли они примириться во имя общего дела? Кто возьмется за организацию фестиваля? Не помешает ли шведский нейтралитет? Ведь совсем недалеко Эстония, где в это время будет проходить олимпийская регата, будет отмечаться 40-летие присоединения Эстонии к СССР.

Чтобы как-то подтолкнуть дело, небольшая организация — Эстонский союз в Стокгольме устроил „круглый стол” с выдающимися деятелями эстонской культуры, которые высказались за проведение фестиваля в Стокгольме. Осенью 1977 г. был создан оргкомитет ЭСТО-80. Оргкомитет создал подкомитеты, каждый из которых за 3 года

должен был подготовить свою часть фестиваля.

Ваш корреспондент работал в театральном подкомитете, объявившем конкурс на пьесы, лучшие из которых должны были быть поставлены на фестивале.

Незадолго до начала ЭСТО-80, 28 июня, на юге Швеции открылся лагерь эстонских скаутов — на 700 юношей и девушек, которые затем приехали в Стокгольм. Открытие фестиваля состоялось в центральном парке столицы — Королевском саду, 6 июля. Эстонцы приехали из Австралии, Канады, США, Южной Америки, Южной Африки, Японии, и, конечно, из всех стран Европы. Всего в шведскую столицу собралось до 25 тысяч эстонцев, то есть почти треть всех эстонцев, живущих на Западе! (Всего на Западе около 70 тыс. эстонцев, столько же разбросано по разным республикам СССР, а на родине их всего около миллиона.)

Фестиваль открыла бывший министр иностранных дел Швеции г-жа К. Седер. Затем состоялось торжественное богослужение в церкви св. Якова — служили архиепископ, 2 епископа, 10 священников.

В рамках ЭСТО-80 состоялось более 200 различных мероприятий. Местное эстонское радиовещание (о нем см. „П о с е в” № 4, 1980) каждое утро давало 30-минутную передачу о фестивале, в дополнение к регулярным вечерним передачам. Чтобы дать понятие о масштабах ЭСТО-80, скажем, что на чтение всей программы фестиваля понадобилось около 30 минут.

Большую часть программы заняли конгрессы и встречи. В национально-политическом конгрессе участвовало 230 делегатов от 109 разных эстонских политических организаций. Среди других конгрессов следует упомянуть женский, церковный, журналистический, писательский, врачебный, юридический, научных работников. Были также встречи землячеств и профессиональных групп.

Молодежь участвовала в состязаниях по легкой атлетике, волейболу, баскетболу, плаванию, теннису. Были состязания по шахматам и по бриджу.

Особенно активны были художники: во время фестиваля прошло свыше 10 разных выставок. В музыкальных залах было дано 3 концерта классической музыки с участием известных эстонских исполнителей.

В помещении городского театра эстонская театральная группа из Канады поставила пьесу „Встреча в старом доме”, взявшую первое место на конкурсе. Эстонский театр из Лейквуда (США) поставил новую музыкальную пьесу „На реке Эмайыги”. Детский театр эстонской школы в Стокгольме тоже поставил музыкальную пьесу. Эстонский театр в Стокгольме показал комедию „Возвращение Агамемнона”, взявшую на конкурсе второе место, а театр нашей организации, „Пинна студио”, поставил пьесу „Мост через море”. Содержание почти всех пьес, естественно, носило национально-исторический характер, перед зрителями вставляли тени прошлого — люди, которых больше нет, опустошенный хутор, последняя лодка с беженцами, последнее место в которой берется с боя...

Город Стокгольм дал эстонским гостям званый обед на 600 человек. Упомянутый выше национально-политический конгресс открыла и приветствовала от имени шведского правительства министр иммиграции г-жа К. Андерсен. Министр культуры Я.-Э. Викстрем произнес основную речь на торжественном вечере музыки и народных танцев — на хоккейном стадионе перед 10-ты-

сячной публикой. В синем и золотом залах ратуши (где бывает нобелевский банкет) состоялся торжественный бал ЭСТО-80. Его пришлось повторить, так как в этих помещениях нельзя одновременно разместить более 2000 человек. Не столь торжественное, но более многолюдное и, вероятно, более веселое празднество — народный ужин — состоялось в выставочном зале города Стокгольма. В субботу 12 июля там ели, пили и танцевали 4 500 человек одновременно.

Весь Стокгольм в течение недели был украшен сине-черно-белыми национальными флагами Эстонии, что придало еще большую силу маршу свободы, который имел место в пятницу 11 июля. От 20 тыс. до 25 тыс. эстонцев с национальными флагами и с музыкой прошли по главным улицам Стокгольма в Королевский сад, где состоялся митинг, на котором произносились речи, читались манифесты и декларации, которые должны были быть услышаны на другом берегу Балтийского моря, на родине.

В субботу состоялся певческий праздник, который произвел на многих самое большое впечатление из всего виденного на ЭСТО-80. Мощно прозвучал гимн свободной Эстонии: его пели все — хор в 1200 человек, в сопровождении духового оркестра, и 6000 зрителей.

*

Перед фестивалем шведского посла в Москве вызывали в МИД и требовали запрещения ЭСТО-80. Затем почта начала доставлять из Таллина разные пасквилы, где говорилось, что ЭСТО-80 — грязная провокация против СССР, ничего общего с эстонской культурой не имеющая. Сообщались всякие „подробности” об одном из „зачинщиков” этого дела, вашем корреспонденте: он, де, член НТС, а значит тут и „грязные руки” и все разведки мира...

Шведская печать, радио и телевидение проявили большой интерес к фестивалю. Уже за месяц до ЭСТО-80 в больших газетах стали появляться статьи о положении в Эстонии, а во время фестиваля ежедневно сообщалось обо всем, что происходило в рамках ЭСТО-80. Кроме шведских передач были и другие, например, об ЭСТО-80 сообщало западногерманское радио и телевидение. Но шведское радио сделало также программу по-эстонски, официально — для эстонцев, проживающих в Швеции, которым не удалось принять участие в фестивале. Но всем

известно, что передатчик острова Готланд отлично, без глушения, слышен в Таллине. Передача, составленная редакцией уже упомянутого местного эстонского радиовещания, продолжалась 60 минут.

Мне еще никогда не приходилось видеть такого подъема национального сознания, как во время ЭСТО-80. Марш свободы был самой многочисленной демонстрацией, которая вообще состоялась в Стокгольме. По размерам с ней не могут сравниться никакие провьетнамские и антиатомные демонстрации прошлых лет. 25 000 человек — каждый третий проживающий на Западе эстонец!

Хочется особо отметить, что среди лозунгов, которые мощно скандировали участники марша, не было ни одного антирусского. Кричали „Советы, вон из Эстонии!”, но никто не кричал „русские вон!” Очевидно, участники хорошо понимали, что и у русских есть все основания так же громко кричать „Советы, вон из России!”

Но возможно ли собрать где-нибудь на Западе такое же количество русских на подобный фестиваль?

А. Милли

Выставки И. Росса во Фландрии

О Фландрии в России знают мало. До недавнего времени, кроме Тиля Уленшпигеля, борца за нашу национальную независимость и свободу от испанской инквизиции в XVI в., там мало что было известно о нашей стране. Однако с середины 60-х годов положение начало меняться. К этому времени был создан Фламандский комитет солидарности с Восточной Европой, — разумеется, со свободной Восточной Европой, так как в солидарности с официальными представителями этих стран никакого недостатка на Западе нет.

По просьбе этого Комитета десятки молодых фламандцев ездили в СССР с открытыми демонстрациями, с листовками, еще больше — везли в вашу страну столь необходимую там свободную литературу. И нас радует признательность русской оппозиции, выраженная нашему Комитету, в частности, в Самиздате, где ходит запись суда над Антоном Пейпе, распространявшим листовки НТС в Ленинграде.

Однако, этим неофициальные отношения между Фландрией и Россией далеко не исчерпываются. Так, летом прошлого года во

Фландрии побывал со своими картинами недавно выехавший из СССР русский художник Игорь Захаров-Росса. В августе 1979 г. „Газет ван Антверпен” писала:

„Когда живописец показывает нам одно за другим свои многочисленные полотна, мы ясно видим и чувствуем истинно русскую взволнованность, преданность, веру в свою задачу, вдохновляющие этого художника. В его удивительно тонких, то геометрически построенных, то почти по-средневековому филигранно украшенных работах дрожит глубоко религиозное, космическое сознание (...). Росса много размышляет о гибели мира, о конце времен и Страшном суде. Это космически-религиозное сознание выдает в нем обеспокоенного, современного, глубоко чувствующего русского человека, который знает, что в его стране происходит „перелом” времени”.

Автор заканчивает свою статью утверждением, что „универсально-религиозное искусство Росса, с его современным языком форм и символов, свидетельствует о духовной силе сегодняшней России”.

Вскоре после этого состоялись шесть его выставок в различных галереях и культурных центрах Фландрии. По поводу одной из них местная радиостанция посвятила художнику двухчасовую программу, в которой трагивались не только вопросы искусства, но и проблемы нонконформистского движения и вообще освободительной борьбы в СССР.

Во фламандской прессе появились многочисленные статьи (о выставках И. Захарова-Росса писали „Газет ван Антверпен”, „Хет Лаатсте Нивс”, „Де Стандаард”, „Ле суар”, „Кнак” и др.). В ноябре 1979 г. состоялась большая выставка его картин в Католическом университете г. Левена, пользовавшаяся огромным успехом. Сопровождавшие выставку доклады Игоря Захарова-Росса и Аллы Захаровой о духовной и политической жизни в Советском Союзе вызвали также большой интерес и массу вопросов, ответы на которые часто кончались уже в более непринужденной атмосфере за обязательной рюмкой водки.

В каталоге выставки в ратуше Вестерлоо мы читаем правильное замечание критика, что художественный мир Игоря Захарова-Росса понятен и приемлем не только для русского человека, но и для западного. Этот духовный мир художника — неотъемлемая часть той России, которой, на наш взгляд, принадлежит будущее.

Ману Никлаас

По городам и континентам

● Более 900 швейцарских священников, профессоров и студентов-теологов подписали воззвание к Брежневу с призывом оvoidить о. Глеба Якунина и других арестованных членов Христианского комитета защиты прав верующих.

● В час открытия Московской Олимпиады у часовни Предсмертного страха Христова в бывшем нацистском концлагере Дахау прошел памятный митинг, на котором выступили многие бывшие политзаключенные из разных тоталитарных стран, среди них Ю. Белов, М. Макаренко, А. Малумян, а также Г. Рар, арестованный Гестапо во время войны за работу в НТС, прошедший через несколько концлагерей и освобожденный американскими войсками в Дахау. Митинг был устроен по инициативе Общества защиты прав человека (ФРГ) и широко освещался прессой и радио ФРГ.

● 2-4 мая в западногерманском городе Пассау прошли заседания Паневропейского Союза — неправительственной организации, цель которой — сохранить свободу в Европе. При обсуждении темы „Права человека во всей Европе” с докладами выступили известный чешский общественный деятель Людек Пахман и бывший политзаключенный в СССР М. Макаренко. Макаренко рассказал о религиозном возрождении в СССР, отметив, что за последние 9 лет рост верующих в молодежных возрастных группах опережает рост населения в этих группах примерно в 20 раз. Около тысячи человек, среди них представители правительства Баварии и депутаты Бундестага, единогласно приняли предложение ежегодно отмечать день 5 сентября как день солидарности стран свободного мира с поработенными народами СССР и Восточной Европы. В этот день, в 1918 г., было издано постановление „О красном терроре”, санкционировавшее создание первых в мире концлагерей для собственных граждан. С 1972 г. этот день отмечается в советских политических лагерях как День памяти жертв красного террора.

● В июле-августе в Бельгии состоялся очередной ежегодный молодежный семинар НТС. Основные темы работы: основы строения общества (солидаризм), экономика, взаимоотношение религии и политики, исто-

рия и политические деятели России с 1861 по 1917 г., оперативная деятельность в СССР и на Западе, международная политика и позиция НТС. Был прослушан также ряд докладов руководителей НТС об истории организации и изменениях ее стратегии на разных этапах освободительной борьбы. В работе семинара, как всегда, приняли участие представители Фламандского комитета солидарности с Восточной Европой.

● По инициативе русской общественности, в Италии ширится кампания в защиту основателя ВСХСОН Игоря Огурцова. При содействии католических кругов из разных городов Италии на имя Брежнева уже отправлено около 200 000 открыток с портретом Огурцова и с требованием освободить его. Участвующий в этой кампании крупный католический журнал „Иль Сабатто” опубликовал фотографию Огурцова со следующим текстом: „Игорь Огурцов был в лагере во время Олимпийских игр в Мехико в 1968 г., в Мюнхене в 1972 г., в Монреале в 1976 г. Мы требуем его освобождения по случаю Олимпийских игр в Москве”.

● Группа шахматистов из ФРГ, Голландии, США и Израиля создала Комитет защиты семьи гроссмейстера Корчного. Среди учредителей Комитета экс-чемпион мира Макс Эйве, чемпион США Уолтер Браун, гроссмейстеры Людек Пахман, Вольфганг Унцикер, Алла Кушнир-Штейн, Хельмут Пфлегер, Ян Тимман, Я. Доннер, а также ряд международных мастеров по шахматам. В воззвании Комитета отмечается, что, с целью отомстить Корчному и оказать на него психологическое давление в матчах на звание чемпиона мира, советские власти держат его семью в качестве заложников, его сын Игорь осужден на 2,5 лет лагерей (см. интервью В. Корчного в „П о с е в е” № 8, 1980). С предложениями о сотрудничестве в Комитете можно обращаться по адресу секретаря-координатора Комитета: Dr. E. Gabowitsch, Pension Senf, Am Kosttor 2, 8 München, BRDeutschland.

Народно-Трудовой Союз НА СЛУЖБЕ РОССИИ

Илл. брошюра 72 с. 6 н.м.

Брошюра кратко знакомит читателя с идеологией, программой, историческим развитием и практической деятельностью НТС со времени создания организации в 1930 году и до наших дней.

Парадоксы женской эмансипации

Недавно вышел в свет первый номер свободного женского журнала „Женщина и Россия”. Это первый в самиздате журнал „о женщинах для женщин”. Мало кому посчастливилось еще держать в руках эту прекрасно оформленную книжку, столь не похожую на то, к чему мы привыкли в самиздате — к аккуратно переплетенным, напоминающим диссертации, фолиантам „Часов” или к потрепанным и разваливающимся в руках номерам журнала „37”.

Но что скрывается за привлекательной формой? Мы бы сказали — ад. Статьи (почти все, за редким исключением) кричат и обливают, недоумевают и проклинают. Апокалипсичность их тона бросается в глаза с первых же строк. Вот, например, как начинается статья о родах:

„Этот кошмар не кончится. Он теперь не кончится никогда. Он остался в тебе. Как остается вопиющее преступление, как замирает в нас ужас, как в нашем сознании застывает смерть” (Р. Баталова. „Роды человеческие”).

Или:

„Вот теперь уже все, вот теперь я уже видела самое страшное. Больше мне ничего не покажут, можно уже и назад возвращаться: дошла до предела и за предел заглянула. Читайте...” (Ю. Вознесенская, „Письмо из Новосибирска”).

Женщина — наиболее уязвимый элемент общества. И ее страдания отражают бедственное положение нашего общества с наибольшей остротой. Удивляешься только: и почему раньше никто не додумался издавать женский журнал? Ведь многие понимали, как важна „проблема женщины”, тем более женщины в России. В проблему эту вкладывали глубокий, эсхатологический смысл: „В России ничего не произойдет, пока в ней не заговорят женщины”, — сказал один из наших писателей. Другой же полушутливо заметил: „Если евреи стали креститься, а женщины издавать свой журнал, то скоро наступит конец света”.

Некоторые же прямо высказываются за наступление нового матриархата. Невольно вспоминаются древние апокрифические

Эта рецензия взята из самиздатского журнала „37” № 19 и публикуется в некотором сокращении. Избранные статьи из журнала „Женщина и Россия” опубликованы в „Вольном слове” № 38.

пророчества (например, Евангелие от Фомы) — в конце времен не будет ни женщины, ни мужчины. В духе этого пророчества высказался еще один деятель нашей культуры: „Я не встретил в Ленинграде ни одного мужчины, кроме женщин”.

Журнал доказывает, что женщины у нас отнюдь не „декоративный пол”. На их плечи возложено все. Они — современные мученицы. Их положение представляется столь невыносимым, что чудом кажется сам факт их физического выживания. Смело, остро и конкретно ставит журнал самые насущные вопросы нашей жизни. Женщин касается все.

Проблема детского воспитания:

„Детские ясли и сады — самые губительные учреждения в системе здравоохранения страны”. (В. Голубева. „Обратная сторона медали”).

„После этого я этот лагерь назвал пионерский концлагерь” (Из воспоминаний Вани Пазухина „Золотое детство”).

Проблема „материнской” семьи:

„Женщины — независимо от образования, от социального и материального положения — стремятся избавиться от своих пьяниц-мужей. Мужчина перестает быть отцом, оставаясь лишь производителем. Чаще всего семья рушится не оттого, что новая любовь затмевает старую, а оттого, что дети просят мать избавиться их от такого отца”. (Н. Малаховская. „Материнская семья”).

Проблема бесчеловечного обращения в роддомах:

„Ты попала в полную зависимость от тех, кого сначала презирала — они разгадывали глупые кроссворды, — от тех, кого ненавидела потом — они беседовали о посторонних вещах под крики ужаса...”

„Красные простыни. Огромные от боли глаза. Искусанные губы (ногти предусмотрительно остригают в приемной). Взмокшие рубашки. Спутанные волосы.

— Почему все вместе?

— Таких много.

— Но ведь это человеческие существа!

— Оставьте философию. Ложитесь и рожайте.

— Вы грубы.

— Здесь иначе нельзя.

— Напротив, эти женщины как никто иной нуждаются во внимании и добром слове.

— У нас много работы...”

(Р. Баталова. „Роды человеческие”).

Проблемы женских тюрем, женского образования и уродливого воспитания в советской школе, проблемы аборт и пьянст-

ва — все они уже как-то затронуты в первом номере женского журнала. Нам представляется, однако, что не будет излишним преувеличением, если мы скажем, что в журнале есть не только описание катастрофы, но и попытки выйти из „шока”, взглянуть на создавшееся положение по возможности непредвзято и объективно.

В журнале — при всем единстве настроения — существует (быть может, еще в скрытом виде) многообразие смысловых перспектив и плюрализм точек зрения. На некоторых из них нам и хотелось бы остановиться подробнее.

Бросается в глаза, что в большинстве статей преобладает дух бунта. Понятно, что женщина хочет изменить сложившиеся социальные и психологические условия существования. Но бунт женщины идет дальше: это бунт не только против нашего бесчеловечного общества, но и против патриархата вообще, и, наконец, это бунт и против самой природы: женщины изгоняют мужчин и остаются в идеальном государстве вместе с детьми (первая стадия бунта), женщины отказываются от деторождения и, пытаясь сохранить свою самостоятельность, не хотят более быть женщинами (следующая ступень).

Бунтующий и негативный характер большинства статей навязан тем, против чего бунтуют, — самим нигилизмом советской жизни. Первый шаг на пути женской „эмансипации” сделан с оглядкой на ту реальность, в которой выросли с детства и яд которой сильно проник в сознание. Советскому человеку с детства внушают мысль о том, что он свободен. И хотя жизнь каждодневно разрушает эти иллюзии, идеал свободы остается сильнее многих других идеалов.

Итак, женщины стремятся заново эмансипироваться. Теперь уже по-настоящему, как кто умеет, стать свободными в той степени, в какой позволяет тебе твое чувство личности, твоя духовность, твой ум, твой талант. Советское общество (как всякое тоталитарно-филистерское общество вообще) провозглашает семью ячейкой общества; для простого советского человека не существует другого прибежища и другого жизненного идеала. Грядущее поколение — вот оправдание моей в остальном бессмысленной жизни, вот забава в непроходимой скуке существования. И страшно, если женщина вовремя не вышла замуж и не родила ребенка! — „... везде тебе уготована кара. Если ты не мать (с грязнейшей грязью смешали они святое это

имя), то или „старая дева” или потаскушка. Не мечись по лабиринтам, которые они построили для тебя — там тебя ждут лишь тупики!” (Р. Баталова).

Естественно, что на фоне такого понимания брака лучшие представительницы женского пола стремятся подняться над обыденностью и сохранить свою личную свободу любой ценой. Естественно, что беременность в этом контексте воспринимается как уродство, как чудовищная закрепощенность и несвобода: „Он же продолжает воспевать материнство. Он одарит тебя этим уродством, этой болезнью” (Баталова).

И совсем не вспоминается евангельское: „Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее, но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир”. Вместо этого: „Этот кошмар не кончился. Он теперь не кончится никогда”.

Итак, первое, что делает бунтующая женщина, — она отказывается быть женщиной и стремится стать выше „условностей” пола. Пример тому — статья Жанны Ивиной „С гомеровским величием и сафической чистотой”.

„Я избрала поэтов истинных, — пишет автор, — для коих не важны ни принадлежность к той или иной нации, к тому или другому полу, к тому или иному земному возрасту”. Далее: „Душа не имеет пола — вот основной тезис истинного Поэта. То, что нынче на Западе загадочно обозначают знаком „би”.

Бисексуальность инфантильна (ведь ребенок не определен в поле). Платоническая, „внеполовая”, вневременная и внепространственная свобода — чаще всего продукт незрелости и невыявленности. (...)

Интересно, что феминистическое движение на Западе (например, в Америке) часто находит свою „спиритуальную” основу в возвращении к религиям матриархата. Поклоняются Деметре, Изиде, называют себя жрицами, устраивают шабаши ведьм, организуют „общество Дианы”, колдуют и ворожат. В самом деле, о чем мечтают западные женщины?

„Отказ от абсолютного постулата рациональности, допущение желаний, мечты, наслаждения, независимости от того, нарушают ли они общественные табу планомерности и организованности”. (Сабина Цурмюль, „Кураж”)

Стать ведьмой — идеал западной феминистики. И у нас этот идеал присутствует на первых стадиях процесса „освобождения”,

хотя бы в завуалированной форме — женщина ищет экзистенциальной раскрепощенности, она предается блуду, она издевается над условностями морали, опускается в стихию иррационального. Бессознательная, дионисийская стихия повсюду разлита в нашей жизни. Жажда опьянения и хаоса, смерти и безумия — пронизывает все слои нашего общества, общества, потерявшего ориентир и лишённого возможности сознательно управлять своими действиями. Возвращение демонической, темной и ведьмовской спиритуальности — то, о чем мечтают западные феминистки, — мы можем наблюдать на каждом шагу. Женщины у нас давно перестали быть нежными и женственными, давно превратились в ведьм: „имя твое прозвучит в подворотнях, его упомянут в грязнейшей брани” (Р. Баталова).

С другой стороны, женщина обретает все большую власть, она — повсюду рядом с мужчиной, она не боится самой грубой и грязной работы, кроме того, в обществе, лишённом целей и перспектив, у женщины всегда остается хотя бы „биологическое” оправдание: она может родить ребенка, на что не способен мужчина.

В нашем обществе, следовательно, парадоксальным образом осуществляется программа западных поклонниц Дианы: женщина, говорят они, всегда творец (она рождает), мужчина — всегда тварь, он — вечный ребенок, его нужно жалеть и питать, но всерьез принимать вряд ли стоит.

Здесь мне хотелось бы перейти к другой грани парадокса и назвать те явления, которые отличают развитие женского сознания в России от того, с чем мы встречаемся на Западе.

Дело в том, что для множества женщин в нашей стране период „эмансипации” остался уже где-то в прошлом. В прошлом остался и бунт, и жажда свободы (негативной), и презрение к условностям жизни. Период „демифологизации” кончился. И кончился не потому, что женщины остепенились, устали или смирились со своим рабским положением. Из состояния эмансипации вышли как раз те женщины, у которых чувство протеста было наиболее сильным, и жажда свободы совершенно безмерной. Они вышли из негативного, потому что как раз там не могли обрести себя как личности, как творцы.

Женская эмансипация привела к парадоксальным результатам: самые эмансипированные женщины России оказались в наши дни

в Церкви. Заново открылись для них некогда осмеянные ценности. Те, кто не мог подчиниться воле человеческой, с радостью подчинился воле Божьей; те, кто не признавал ни богов, ни людей, — покорились христианскому Богу, потому что нашли в Нем Жизнь, и Истину, и Путь, и покорились Ему с готовностью отдать все, пожертвовать всем. И новой, неотразимой красотой засияло имя женщины-Матери, женщины-Девы. Родившая Бога держит покров свой над Россией. Она — Царица Небесная — ныне невидимая Царица России, ибо, по преданию, приняла корону последнего, убиенного, царя.

Вот кто поднимет наш ум и наше сердце над сомнительными и темными идеалами женщин-демонов, женщин-ведьм, вот кто откроет нам вновь великую тайну и великий смысл брака, поднимет имя женщины выше других имен, ибо в Богородице впервые женщина поставлена выше ангелов. Кончился для лучших русских женщин период хаоса и опьянения, начался период творчества, творчества в браке и монашестве. Кончился период обиды и отчаяния, пришло время любви, ответственности и жертвы. В Церковь приходят ныне не только вышедшие из жизни старушки, но и интеллигентные женщины, глубже других пережившие весь жуткий опыт скепсиса, падения и отчаяния — опыт того, что у нас именуется эмансипацией.

То, что в западном феминистическом движении квалифицируется как унижение женщины, то есть традиционные добродетели послушания, целомудрия и скромности, — приобретает в современной русской жизни неожиданную привлекательность и силу. В самом деле, послушание абсолютной воле Бога выводит нас из состояния бесплодного эгоизма, открывает Реальность, делает слушателями бытия, целомудрие — возвращает единство нашей личности, а скромность и смирение — помогают обрести внутреннюю красоту, преодолеть инфантильную истерию. В журнале „Женщина и Россия” будет существовать постоянный отдел „Женщина и Церковь”, отдел, существенно отличающий русский феминистический журнал от западных.

Уже первый номер журнала выявил парадоксальность и сложность вопросов, связанных со становлением женского самосознания в России, он выявил и разрушительные и созидательные тенденции в этом сознании, дал образ женщины бунтующей и женщины, пережившей бунт, женщины, отвергающей любовь, и женщины, открывающей ценность

новой Любви, Любви, которая всему верит, на все надеется, все переносит.

Мы знаем, что журнал поможет нашим женщинам не только осознать мрак и несправедливость сложившейся ситуации, но и по-

бороть свое чувство обиды, не ослепиться своей скорбью и болью, открыть свое сердце всем страдающим и победить страдания Любвю, ибо без Любви — мы ничто.

Татьяна Горичева

Путеводитель по ГУЛагу

Все страны мира стараются показать туристам свои красоты и издают для этого красочные путеводители. Есть такие издания и в СССР, общие и специальные, типа „Красота Севера”.

В путеводителях этих — привлекательные фотографии парков, памятников, даже монастырей и старинных церквей: мы, дескать, бережем старину и религия у нас не в загоне.

Но вот на Западе издан на нескольких языках совершенно особый „Путеводитель по СССР”. В нем точные адреса более чем 2000 концлагерей принудительного труда, тюрем и психотюрем, фотографии разрушенных церквей, колонн заключенных, лагерей, тюремных камер.

Этот путеводитель — плод более чем трехлетней работы, в нем собраны показания тысяч опрошенных свидетелей. Поэтому турист, едущий с этим путеводителем в СССР, найдет в нем не только адреса лагерей, но в большинстве случаев, узнает и сколько заключенных там содержится, какую работу они выполняют, каков режим их содержания, какие офицеры и надзиратели проявляют особую жестокость и садизм; сможет спросить о конкретных политзаключенных и потребовать свидания с ними.

В путеводителе есть общая карта СССР и 120 карт областей и городов СССР. На них нанесены адреса мест заключения. К каждой карте области или города даны подробные пояснения и указаны номера трамваев, троллейбусов, автобусов, идущих к конкретным местам заключения, нанесены остановки, до которых надо ехать. В ряде случаев есть и фотографии лагеря и тюрьмы и турист легко узнает место, которое он ищет.

Вот, например, карта г. Одессы, где обозначены 14 лагерей и тюрем. Может быть, не все одесситы знают об этих „красотах” их города. Но путеводитель приведет там туристов и на Черноморскую дорогу, где расположен комплекс лагерей: мужской, женский, детский, а в дополнение еще и тюрьма; к женскому лагерю на ул. Осипенко; к муж-

ским лагерям у завода „Центролит”, у завода железобетонных изделий, к детской тюрьме на Пролетарском бульваре, к спецтюрьме КГБ на ул. Бебеля, к спецпсихбольнице на Московской дороге...

А вот план гор. Орла. Есть на нем точные указания, как проехать к лагерю для детей-подростков на ул. Октябрьской, где находится более 3-х тысяч заключенных. Тут и фотография этого лагеря: колонна детей-арестантов выходит из ворот лагеря, где висит плакат: „Честный труд — дорога к семье”.

А вот специальная карта СССР, где обозначены адреса 41 лагеря, заключенные которых добывают уран для военной промышленности, не имея защитной одежды против смертоносных излучений. Это лагеря уничтожения: более года редко кто из заключенных выживает там. Лагеря эти есть не только в Сибири и Средней Азии, но и в центре страны, например, около поселков Рахов, Чоловка и Желтые Воды на Украине, неподалеку от гор. Череповец и во многих других местах.

Есть в путеводителе и специальная карта спецпсихбольниц — тюрем КГБ, где из здоровых инакомыслящих стараются сделать сумасшедших. Мы видим на фотографиях этих заключенных во дворе Орловской спецпсихтюрьмы на ул. Разградской, в камере „больницы” им. Кашенко в Москве, видим, как их везут на машине советского „Красного Креста”, покрывающего преступления властей. Мы читаем свидетельства тех, кого советская власть приговорила к сумасшествию, кого мучают в жутких казематах бесправия и отчаяния в Москве, Ленинграде, Черняховске, Казани, Толгаре, Волгограде, Могилеве, Харькове, Львове и десятках других психтюрем СССР.

А вот еще одна специальная карта: женские лагеря, где несчастные находятся вместе со своими грудными детьми; таких лагерей путеводитель насчитывает более 150.

В Новосибирске, в этом „центре науки и культуры” в столице Сибири, путеводитель

дает адреса 15 лагерей и 4 тюрем, расположенных и по дороге в Академгородок в районе Матвеевки и в Юго-западном поселке на ул. Танкистов и в Северном поселке, где заключенные работают на военных заводах „Химаппарат” и „Химконцентрат”, участвуя в опасных для жизни процессах по изготовлению ядерных боеголовок для ракет, и на Гусинобродском шоссе и на Затулинском жилмассиве, где работают дети из двух лагерей для несовершеннолетних. А на заводе железобетонных изделий на „легкой” работе используют женщин-заключенных; еще один женский лагерь работает на швейном производстве. Швейные фабрики, изготавливающие рабочие комбинезоны, одежду для заключенных, обмундирование для армии, чехлы для танков и орудий, подсумки для патронов, сумки противогазов — все это лагеря, женские лагеря...

В Литве даны адреса 11 лагерей и 7 тюрем, некоторые из них описаны со всеми подробностями, вычерчены их внутренние планы. Например, два лагеря в пос. Провинишки, где заключенные делают мебель, лагерь, помещенный в г. Вильнюсе в здании бывшего монастыря на ул. Брасу, неподалеку от Святых Ворот...

Говоря о лагерях, расположенных в бывших церковных зданиях, нельзя не упомянуть одну редкостную фотографию из путеводителя: изумительно красивая церковь и Борисо-Глебский монастырь в гор. Торжок Калининской обл. окружены заборами и вышками концлагеря... Воистину власти хорошо охраняют древние религиозные реликвии.

Путеводитель иллюстрирован более чем 50 фотографиями лагерей, тюрем, психтюрем: колонны заключенных с номерами на груди, полосатая одежда, бритые головы, истощенные лица, могилы с номерами похороненных узников, „воронки”, грузовики, закрытые фанерой и с лицами, глядящими через решетки, руки заключенных на этих решетках, женщины на лесоповале, мужчины на стройке железнодорожной линии БАМ... Даже „бокс” в коридоре центральной спецтюрьмы КГБ, даже камеру в Лефортовской тюрьме могут увидеть туристы. И при этом следует подумать, что такие снимки могли сделать лишь те, кто работает в КГБ, а, значит, в их рядах есть люди, стремящиеся показать миру преступления советской власти. А вот фотографии детей, оторванных от верующих родителей и помещенных в спецдетдома-ко-

лонии исправительного труда — для перевоспитания; верить в Бога нельзя...

Туристы скажут: но ведь религия в СССР разрешена. А путеводитель в ответ демонстрирует официальную квитанцию о взыскании штрафа в 50 руб. „За веру в Бога” и еще акт об изъятии Библии и ее сожжении, как „антисоветской” литературы.

Даже об изготовлении заключенными сувениров для Олимпийских игр 1980 г. рассказывает путеводитель и приводит фотографии этих изделий.

И, конечно, особое место в путеводителе занимают планы расположения лагерей, тюрем и психтюрем в Москве и Ленинграде.

В самом Ленинграде указано 17 адресов, и осмотр туристы могут начать с тюрьмы КГБ и тюрьмы „Кресты”, стоящих друг против друга на Арсенальной набережной по обе стороны Невы и соединенных коридором, проведенным под рекой; причем внимание туристов обращается на то, что над входом в тюрьму „Кресты”, где сидят 10 000 заключенных, помещена вывеска „Картонажная фабрика”...

Туристы смогут найти и страшную психтюрьму на ул. Лебедева, и лагеря для мужчин и для детей на станции Озерки и на ст. Удельная, и многие другие, столь же скрываемые от туристов места.

Но Москва — это столица и она во всем не первом месте! Путеводитель имеет план и подробные пояснения для проезда к 31 месту заключения в городе. Это и тюрьмы (среди них детская), и психтюрьмы, и лагеря. Пояснения для проезда иллюстрированы тайно сделанными фотографиями. Тут, например, два здания тюрьмы Лубянка с заборами на крыше, скрывающими вышки охраны над прогулочными двориками; и памятник Дзержинскому над подземными камерами, расположенными под площадью, где смогут погулять туристы...

Есть фотография тюрьмы Бутырская, о ликвидации которой официально объявлено властями СССР в 1963 г. Она теперь скрыта от взглядов любопытных высокими жилыми домами для сотрудников КГБ и МВД, построенными вокруг тюрьмы. Но фотокамера показывает нам, примерно, 25 корпусов этой тюрьмы, снятых с высоты птичьего полета, и Пугачевскую башню — место ночных расстрелов осужденных.

Путеводитель ведет точными маршрутами и к комплексу тюрем и психтюрем на ул. Матросская Тишина, и к мрачным строениям

Лефортовской тюрьмы КГБ, и к психиатрическому институту им. Сербского, где „экспертиза” КГБ делает здоровых людей, несогласных с коммунистами, сумасшедшими; и к „ведомственным” тюрьмам для работников транспорта, для военнослужащих; и к тюрьмам, расположенным под вокзалами; и к этапной тюрьме на Красной Пресне; и к целому ряду психбольниц, фактически превращенных КГБ в спецпсихтюрьмы.

Путеводитель приведет туристов и на Даниловскую заставу к специальной детской тюрьме. Но есть в Москве и места, где содержат заключенных, проделывая над ними запрещенные опыты: неподалеку от метро „Кутузовская” расположено 12-этажное здание „Института Крови”, и там на 12-м этаже есть лаборатория-тюрьмы, где заключенные являются подопытными животными...

Мы верим, что кто-то из туристов, приезжающих в СССР со всего мира, проедет по маршрутам нашего путеводителя, убедится в реальности указанных адресов, привезет в свои страны новые фотографии. Мы объясняем туристам, что они должны просить в этих лагерях свиданий с конкретными, указанными нами политзаключенными и оказать этим требованием воздействие на власти, помочь своим вмешательством тем, кто мучается в стране рабства за решетками: в голоде, в холоде, но с твердым устремлением победить произвол, нависший над несчастной страной. Мы хотим верить, что об этом путеводителе и о туристах у ворот советских лагерей, тюрем и психтюрем узнают и мученики в камерах и это придаст им бодрость и силы для дальнейшей борьбы.

Авраам Ш и ф р и н
Директор Центра исследования
лагерей, тюрем и психтюрем СССР

ПИСЬМА

Домик Пришвина под угрозой

Места вокруг Звенигорода волшебны хороши и почти не изуродованы строительством домов и промышленных объектов. Власти берегут этот край для себя. А им места много надо: ведь вокруг правительственных дач, санаториев и домов отдыха обычно выгораживается громадная запретная зона. Даже на шоссе, идущем мимо этих зон, частным машинам запрещено останавливаться, а чуть ли не на каждом километре за кустами спрятан милиционер...

Мне хочется рассказать о домике писателя М. М. Пришвина в Дунине, возле Поречья. После смерти писателя его супруга Валерия Дмитриевна разрешила бывать в домике всем, кто захочет. Вся обстановка домика бережно сохранялась ею в том же порядке, как было при жизни писателя. Позднее В. Д. удалось добиться, чтобы домик Пришвина получил статус мемориального музея под ее руководством, даже разрешили взять сотрудницу на полставки. Посетителей встречали как дорогих гостей...

Разбирая и изучая архивы Пришвина, В. Д. выпустила за 15 лет пять книг его переизданий со своими комментариями к творчеству писателя. Надо добавить, что она, как и покойный Михаил Михайлович, была глубоко верующим человеком, крестила не только детей своей помощницы, но и ее саму.

Когда В. Д. отказалась предоставить домик в собственность государства, ее ставка директора была „срезана”, как и ставка ее помощницы, и официально музей перестал существовать. Тогда я еще не знала, по какой причине это было сделано... За год до своего отъезда я отправилась навестить свои любимые места. То, что я увидела в Дунине, было ужасно. Вся поляна была изрыта траншеями, по ней с рычанием ползали экскаваторы и бульдозеры. Деревня еще была на месте, но разрушение подошло к ней уже вплотную. Лес кругом был запорошен белевой пылью, а на высоком берегу реки, на самом красивом месте, возвышалась двойная мачта высоковольтной электропередачи. Склон холма, покрытого лесом, скрывавшим домик Пришвина, оставался еще нетронутым, но теперь уже нельзя быть уверенным в его будущем.

Я узнала, что там идет строительство пансионата ЦК партии...

Н. Тищенко

Западный Берлин, июль.

Родина — без счастья...

...Мои уехали сено складывать, а я села писать вам письмо... У нас до того мы дожили, что ситца, байки и в помине нет, не купишь и за большие деньги. Одни шелка, а его летом наденешь — печет в нем, как в сковородке.

...Вы бы посмотрели, на чем держится сельское хозяйство! Ведь на весь бывший колхоз имени (...) один трудоспособный человек, остальные пенсионеры. А как закроются глаза этих стариков, не знаю, кто тогда будет в селе жить и обрабатывать эту землю. А самое страшное — еще впереди. Родина — без счастья.

Вы знаете, сколько у нас забот и беспомощности. Кругом одна неправда. Те, кто у власти, они только и беспокоятся, пока все в их руках, нахлпать ковров и машин, чтобы хватило и правнукам.

Писать много есть что, но вы же знаете, что нельзя...

К

СССР, июль.

Протестовали православные христиане

В „Посеве“ № 5 за этот год вкралась некоторая неточность в сообщении из Нью-Йорка о молениях в защиту арестованных в СССР священников и мирян.

Демонстрация 26-27 марта перед зданием штаб-квартиры ООН с 26-часовой голодовкой была проведена православной Церковью в Америке, которая пригласила все остальные православные Церкви Америки участвовать в ней. Молебен перед зданием служил Первоиерарх православной Церкви в Америке митрополит Феодосий (Лазор, американец в 3-м поколении). Голодовка проводилась главным образом студентами Св.-Владимирской духовной академии, к которым присоединилась молодежь синодальной юрисдикции и семинаристы из синодальной семинарии в Джорданвилле. Деятельное участие в демонстрации приняли также представители Антиохийской, Греческой и Карпаторусской юрисдикций.

Таким образом с самого начала демонстрация носила внеюрисдикционный и международный характер: протестовали православные христиане вне зависимости от национальной принадлежности.

Следует также указать, что и православная Церковь в Америке, и Антиохийская (Сирийская) православная Церковь в Америке, и Греческая архиепископия распорядились возносить молитвы о гонимых христианах в СССР. Пишущему эти строки привелось за это время побывать в 5 приходах православной Церкви в Америке — из них один служит только по-славянски, два смешанные и два — исключительно по-английски. Во всех этих храмах на литургии и вечерне возносятся молитвы за священнослужителей Дмитрий Дудко, Глеба Якунина, Василия Романюка, Георгия (арестован в Румынии), а также мирян: Льва Регельсона, Елену Боннер, Андрея Сахарова и других.

Д. Поспеловский

Лондон (Канада), июль

Убивают по 70 человек в день

Из бывшей Родезии начался исход белых. Только в июле в консульство ЮАР поступило 3000 заявлений от желающих переселиться к нам. В результате Мугабе заявил, что ЮАР готовит армию из покинувших Зимбабве. На это ему было заявлено, что армии мы не создаем, беженцев не сманиваем, а переезжающих к нам приветствуем и работу они у нас найдут. В районе Кемберли открыты новые богатые залежи золота и урана — там будет занято до 8000 рабочих. Фирмы „Мерседес“ и „Роллс-Ройс“ строят большой завод, где будут производить моторы. Не удивительно, что люди стремятся сюда. Тем более, что здесь и спокойнее: в Зимбабве в настоящее время убивают в среднем по 70 человек в день. Фермеры грабят — в сутки крадут до 1000 голов скота. За последние 2 месяца там ушло из армии до 75%

личного состава, из полиции — 63%, из администрации — 50%.

Что бы ни утверждали новые правители Зимбабве по поводу белых, я считаю, что счастливы те белые, которые успели своевременно уехать. Думаю, что новые правители к ним будут относиться по-ленински: уехавших будут считать саморазоблачившимися врагами, тех, кто остался — врагами замаскировавшимися.

А между тем, в Зимбабве, как и в других странах Африки с новыми правительствами, уровень жизни все падает и падает. Недавно президент Замбии Каунда получил в ООН наивысшее признание за заслуги перед своим народом. А между тем в Замбии женщина на двухдневный заработок может приобрести 1 пакет соли, а сухое молоко для своих детей покупает в ЮАР.

У нас пока спокойнее, беспорядки школьников кончились, черные учителя будут получать такую же зарплату, как и белые. Наши руководители предупредили Мугабе, что если он предоставит террористам возможность создавать базы на своей территории для действий против ЮАР, то это будет его большой ошибкой.

М. Чувалов

Йоханнесбург, ЮАР, август

Фонд Свободной России

M. Zalewsky, Freies-Russland-Fonds
D-6000 Frankfurt/M-18
Postfach 18 0451

Банковский счет:
A/C 461 971, Rubr. Free Russia.
Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel

Движение за установление правового строя в России нуждается в моральной и материальной поддержке людей свободного мира.

Фонд Свободной России служит этой задаче, изыскивая средства, чтобы финансировать:

- помощь и поддержку жертвам коммунистического произвола и их семьям, подвергающимся преследованиям за свои религиозные или политические убеждения;
- посылку в страну литературы политического, философского и религиозного направления;
- поддержание связи между внутрироссийскими противниками коммунистической диктатуры и зарубежной российской и иностранной общественностью.

Фонд Свободной России обращается к российской и иностранной общественности с просьбой поддержать материально его деятельность.

Самиздатовские сборники:

НАДЕЖДА

Христианское чтение

Составитель — Зоя Крахмальникова. В сборниках по 300-400 с. Вышло 3 сборника. В подготовке — 4-ый. Цена в розницу: 24 нм. В подписке — 3 сборника за 48 нм.

Единственная ежедневная русская газета
за рубежом

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

выходит в Нью-Йорке, США
Главный редактор **Андрей Седых**
70-й год издания

Новое Русское Слово регулярно печатает документы Самиздата, протесты из СССР, произведения лучших эмигрантских писателей, публицистику и прочее.

Подписная цена 70 долларов в год,
35 дол. — 6 месяцев

Воскресное издание только 35 дол. в год

Годовая подписка воздушной почтой (пачками по 6 номеров) 150 долларов в год

Подписку с платой направлять по адресу:

243 West 36 St., New York N.Y. 10019 USA
NOVOE RUSSKOYE SLOVO

«РУССКАЯ МЫСЛЬ»

„LA PENSEE RUSSE”

Почетный директор: Зинаида Шаховская.
Главный редактор: Ирина Иловайская
Альберти. Редакционная коллегия: В. Допера,
С. Милорадович, К. Померанцев, В. Рыбаков.

Самая большая русская еженедельная газета на Западе. Выходит в Париже каждый четверг, на 16 страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

„La Pensee Russe”, 217, rue du Fg. Saint-Honore, 75008 Paris. Tel. 924-94-47; 766-21-83; 227-05-79.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	40	75	135
ЗАГРАНИЦА	47	84	150

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 Paris

Цена отдельного номера 4 фр.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПОСЕВ”

Издает: общественно-политический журнал «ПОСЕВ» (12 выпусков в год), брошюры «ВОЛЬНОЕ СЛОВО. Самиздат. Избранное» (4 раза в год), литературно-публицистический журнал «ГРАНИ» (4 раза в год), брошюры и книги на русском и немецком языках.

При издательстве — книжный склад.

POSSEV-VERLAG · POSSEV-REDAKTION
D-6230 Frankfurt/M. 80, Flurscheideweg 15
Tel. Verlag: (0611) 34 12 65 · Tel. Redaktion: (0611) 34 18 19
Postscheckkonto 33461-608, Ffm.
Dresdner Bank AG Frankfurt/Main, Kto. 2412 755

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

АВСТРАЛИЯ. **S. Sesin, Unification Bookstore**, 43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic. 3127.

АВСТРИЯ. **L. Rudkevitch**, Razumovskygasse 9-11/23, A-1030-Wien, Tel. 735109.

АНГЛИЯ. **B. Miller**, 83 Baring Road, London SE12 OJS

БЕЛЬГИЯ. **B. P. 1094**, 1000 Bruxelles-Brussel 1.

БРАЗИЛИЯ. **I. Alexandrow**, Av. Lavandisca 648, Indianapolis, Sao Paulo.

ВЕНЕСУЭЛА. **DYTA**, Apartado del Correo 51.241 z. p. 105, Caracas

ГОЛЛАНДИЯ. **Postbus 325**, Rotterdam.

ДАНИЯ. **D. Schewitsch**, Admiralgade 22 II, DK - Kopenhagen K, Tel. 15 37 32.

ИЗРАИЛЬ. **M. Nudelman**, Russian Books, Merkas Hanegev. Beer-Sheva.

ИТАЛИЯ. **A. Konovets**, Casella Postale 429, Roma-Centro.

КАНАДА. **Stella Birger**, 34 Walmer Rd., Apt. 805, Toronto, Ont. M5R 1E3.

НОРВЕГИЯ. **Jan Evland**, Klemetsrud, Oslo. Tel.: 28 48 26.

США. **V. Molchanov**, P. O. Box 582, Flushing, NY 11352

• **M. Iwanow**, P. O. Box 1844, San Francisco, CA 94101

• **«Possev» Representative**, P. O. Box 2643, Culver City, CA 90230

• **L. Schiller**, 24 Milton St., Malden, MA 02148.

ФРАНЦИЯ. **«Possev»**, 125 bis, rue Blomet, 75015, Paris. Tel.: 250—62-06.

ШВЕЙЦАРИЯ. **Leo Grossen**, Postfach, Locarno.

ШВЕЦИЯ. **Tidskriften «Possev»**, Box 4054, 15104 Södertälje.

ЯПОНИЯ. **Mr. Terumasa Takahashi**, Saruwatari Usa-shi, Oita-ken

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

«Посев» (12) и «Вольное слово» (4) — 90 н м

«Посев» (12) — 72 н м.

«Грани» (4) — 60 н м.

УДЕШЕВЛЕННАЯ ПОДПИСКА НЕПОСРЕДСТВЕННО
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ (Скидка около 20%)

«Посев» (12) и «Вольное слово» (4) — 75 н м

«Посев» (12) — 60 н м.

«Грани» (4) — 48 н м.

Журналистическая подписка на «Посев» и «Вольное слово», с правом использования всего материала, не снабженного «copyright», без предварительного согласования в Европе — 260 н м, в остальном мире (с возд доставкой) — 300 н м.

ДОПЛАТА ЗА ВОЗДУШНУЮ ДОСТАВКУ

	зона I	зона II	зона III
«Посев»	20 н м	30 н м	40 н м
«Посев» и «Вольное слово»	24 н м	36 н м	48 н м

I зона — Северная Америка и Ближний Восток

II зона — Южная Америка и Дальний Восток

III зона — Австралия и Новая Зеландия

При оплате чеками в иностранной валюте необходимо считаться с тем, что их учет идет за счет подписчика и на его счет зачисляется сумма, полученная Издательством в немецких марках. Для полной оплаты к вычисленной по курсу дня сумме необходимо добавить около 3%.

Если нет других указаний, подписка по истечении года автоматически продолжается.

Ответственный издатель **В. Я. Горачек**

Главный редактор **Я. А. Трушнович**

Ответственный секретарь **А. М. Югов**

Редакционная коллегия: **Е. А. Брейтбарт, В. Г. Ламздорф,**

М. В. Назаров, Б. С. Пушкарев, Р. Н. Редлих, А. Н. Рубцова,

Н. Н. Рутыч, А. П. Столыпин, о. Кирилл Фотиев, Ю. В. Чикарлэев.

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, необязательно выражают мнение редакции. Перепечатывать в оригинале или переводе без согласования с издательством разрешается только обладателям «журналистической» подписки. Ссылка на источник всегда обязательна.

НАДЕЖДА

Христианское чтение

Составитель — *Зоя Крахмальникова*

Выпуск четвертый — в печати

ПРЕДАНИЕ · ОТЦЫ ЦЕРКВИ · ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ · ПРАВОСЛАВНОЕ ПАСТЫРСТВО · МУЧЕНИКИ XX ВЕКА · РУССКИЕ СУДЬБЫ · ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ · ПРОБЛЕМЫ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

392 с. Цена — 24 н. м. (Магазинам, церковным приходам и другим распространителям — скидка).

ПОДПИСКА

на сборники «Надежда»,

обеспечивает читателям более дешевое их получение.

Подписная плата на 3 очередных выпуска при заказе непосредственно в Издательстве — 50 н. м. При заказе через магазины и посредников — 60 н. м. При подписке — доставка за счет издательства. Подписываясь, следует сообщать, дослать ли и первый выпуск, или начинать высылку со второго.

Сборники «Надежда. Христианское чтение» нужны в России. Приобретайте их для переправки в Россию. Шлите нам пожертвования для той же цели. Благодаря содействию организации «Православное дело» третий сборник выпущен увеличенным тиражом для бесплатной отправки в Россию. Но этого недостаточно — нужна и Ваша помощь!

ЮРИЙ ГАЛАНСКОВ

Имя Юрия Галанскова — одно из самых ярких в современной истории борьбы за свободу России. Он стоял у истоков открытого движения протеста, никогда, однако, не забывая его гражданского и, в конце концов, политического значения. Он был одним из первых, кто вышел «с поднятым забралом», кто честно, по-рыцарски бросил вызов неимоверно сильному противнику — и погиб в этой неравной борьбе.

В этой книге собрано почти всё, написанное Юрием Галансковым:

четыре наиболее известные поэмы, отрывок из задуманной повести, статьи и заявления, письма из заключения.

В четырех частях, 312 с., карманный формат

Цена 24 н. м.

Вышел из печати и поступил в продажу

Большой ежемесячный Календарь на 1981 год

с 13-ю первоклассными репродукциями русских православных икон, с полными святыми, Евангелием и Апостолами на каждый день. Весь текст календаря, за исключением святцев, четырехязычный — русский, английский, немецкий и французский. Размер календаря — 41 × 30 см (14" × 10"). Печать икон — многокрасочная, глубокая. Печать текстов — двухкрасочная, плоская. Календарь покрыт защитной фольгой.

Цена прошлогодняя — 24 н. м., включая пересылку при розничных заказах при оплате одновременно с заказом.

Посредникам, оптовикам и церковным приходам — скидка.

Новое: второе расширенное издание книги

Абдурахмана Авторханова

СИЛА И БЕССИЛИЕ БРЕЖНЕВА

Политические этюды

Ч. I. Внутренняя политика: Правление Брежнева. Брежнев: опыт политической характеристики. Сулов — шеф-идеолог Брежнева. XXV съезд Брежнева. «Конституция» Брежнева. Догматики и прагматики в Кремле. **Ч. II. Внешняя политика:** Новая фаза в политике экспансии Кремля. Динамика советского империализма. Экспансия Кремля и имобильность Запада. **Ч. III. Мемуары Брежнева:** «Малая земля». «Возрождение». «Целина». **Эпилог:** Грозит ли стране революция? Дополнено большим анализом — Афганистан: мотивы, расчеты, перспективы.

355 с., карманный формат

Цена 24 н. м.

того же автора

Загадка смерти Сталина (Заговор Берия)

Третье издание, 316 с., карманный формат. Цена — 24 н. м.

Происхождение партократии

В двух томах, 1264 с., карманный формат. Цена — 64 н. м.

Технология власти

2-е расширенное издание, 812 с., карманный формат. Цена — 44 н. м.